
Смоленский роман
Александр Шлянин
18+

Александр Шляпин

Смоленский роман

«Автор»
2026

Шляпин А.

Смоленский роман / А. Шляпин — «Автор», 2026

Это история о молодых людях, на плечи которых выпало тяжелое бремя Великой Отечественной войны. Пройдя сквозь военное лихолетье, несмотря на кровь, потерю друзей, жестокие застенки ГУЛАГа, сохранили то чувство любви и бескорыстной дружбы, которое в жизни дается только один раз.

© Шляпин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая 5
Леди 5
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Смоленский роман

Глава первая

Леди

Леночка Лунёва появилась в нашем дворе примерно, за три года до начала этой проклятой войны. Из худой, угловатой девчонки с пшеничными косами, она вдруг незаметно превратилась в статную девушку ангельской красоты.

Её мать, Галина Алексеевна Лунёва, от природы была очень красивой женщиной, что сказалось на её дочери. После смерти мужа, командира РККА, который погиб на Дальнем Востоке во время боев за Халхин–Гол, она с дочкой переехала из Читы в родной и, любимый ей Смоленск. Устроившись на работу во вторую «Советску больницу» в хирургическое отделение, она за свою добрую душу и волшебные руки, дарованные ей Богом, совсем скоро завоевала безграничную любовь смолян.

Вот так новая жизнь семейства Лунёвых без мужчины в доме, покатилась в обычном и размеренном для того времени ритме. Ленка вместе матерью жила недалеко от больницы — в Офицерской слободе. Их пристанищем стал двухэтажный деревянный барак, где была обычная для того времени, коммунальная квартира на четыре семьи с печным отоплением. Там всегда воняло котами, которые метили свою территорию, керосином и низкосортным бурым углём, которым в те давние времена топили печи. Огромные черные тараканы прятались по углам и щелям, ожидая, когда хозяева разойдутся по своим делам, чтобы тут же набросится на помойные ведра в поисках хлебных крошек и прочих остатков пищи. Не смотря на свалившиеся, плечи Лунёвых трудности, Ленка кроме последнего класса простой общеобразовательной школы, еще умудрялась учиться и в музыкальной школе. Каждый день в одно и то же время, она проходила по тропинке мимо куста сирени, который рос во дворе. Под своей сенью он прятал местную шпану, скрывающуюся от родительского глаза. Там на дворовом столе они резалась в карты на щелбаны, окурки, и, даже жалкие медяки, которые удавалось заработать, промышляя любой работой.

Здесь была свобода: здесь можно было курить, ругаться, не опасаться тяжелых отцовских оплеух. Здесь ребята взрослели, здесь во дворе постигали науку настоящей дружбы и первой юношеской любви, которая рано или поздно входила в их сердца, превращая юношей в настоящих мужчин.

Леночку Лунёву в нашем районе знал каждый. Она не была, как некоторые девчонки того времени похожа на пацана с разбитыми коленками. Она была не только красивая, но и какая–то не совсем современная и, не по годам серьезная барышня. За свой добродушный характер, за милую ангельскую внешность, за ямочки на щеках, и эти чертовски соблазнительные губы-вишенки, получила она прозвище Леди.

Ребята, по своему не особо глубокому образованию, считали, что слово Леди с английского языка, переводится — как девушка внеземной красоты. В её присутствии, ребята, почему–то всегда, «надувались», словно удоды в период брачных игр, изображая из себя английских джентльменов и, как по команде тушили окурки, и даже переставали ругаться матом, стараясь показать, что и они тоже прекрасно воспитаны. Всем хотелось показать, что они тоже достойны её любви и внимания.

— Во, во, гля…. пацаны, Ленка шпилит на пианине тринкать! Вот это бляха медная — краля! Издалека видно — кость голубая! — вздыхая, говорил конопатый Эдик. — Эх, если бы

я парни, был бы, хоть чуток постарше…. Я бы точно закадрил её…. Люблю, когда на пианине играют….

— Голубая кость — закадрил, — спрашивал его Синица, растягивая свой рот в улыбке.– Ты, кто такой Хмелевский? Ты кадритель, свою рожу конопатую в зеркало зырил? Тоже мне — ухажер нашелся!? Ты еще зелень сопливая, а всё туда же! Нет, не по твоему карману такая краля! Ей прынц нужен, а ты так себе — шкет малолетний….

Эдик недовольно щурился, и от этих физиономических ужимок, казалось, что конопушки на его лице становились еще больше и сочнее, словно наливались гранатовым соком.

— А что я!? Да, правда! Я еще не вырос, но когда я стану взрослым, знаешь, каким я буду — мама моя дорогая…. Я, буду, как Петр Алейников из фильма «Большая жизнь». Или, как Иван Козловский…. Я! Я, буду петь на эстраде…. Я парни, просто обожаю петь…. Вот тогда таких краль как Ленка, в моей жизни будет целая куча!

— Петр Алейников — Иван Козловский?! Ой, держите меня семеро — пятеро не удержат! Эй, пацаны, вы видали нового Петра Алейникова? Вот — посмотрите — это наш Эдик, по фамилии Хмелевский, собственной персоной! Сидел бы ты уже артист — аферист на своей жопе…. Для этого надо учиться, а не в карты шпилить….

Синица, шутя, натянул козырек кепки Эдику на глаза, и пока тот старался стянуть её, он отвесил ему сочный подзатыльник.

— Санек! Хорош! Больно же, — кричал тот. – Сотрясение мозга мне сотворишь…. Чем я потом мысли думать буду?

Ребята смеялись над малолетним шкетом, уже позабыв про Лунёву. А она лёгкой, почти невесомой походкой шла дальше по дощечкам, лежащим в весенней грязи, и не обращала на их окрики, никакого внимания. В те минуты она думала не о школе, и даже не о музыке и, об уроках по сольфеджио, она думала о своем — о девичьем. Ведь ей скоро должно было исполнится восемнадцать.

Шел месяц май. А в её душе уже вовсю заливались соловьи и, сердце ныло в предчувствии нахлынувшей любви.

— Ты Эдичка, придурок! Мозг иметь нужно, чтобы его можно было сотрясти, — говорил Синица, и вся компания заливалась дружным смехом.

— Нет, парни, скажу вам честно — Ленка, она ведь не просто краля…. Вы гляньте — Ленка — настоящая англицкая Леди! Она — принцесса, — вновь повторял Хмелевский, отходя от подзатыльника.

Синица щелкал щелбан по его макушке, и ребята опять смеялись.

— Валерка, если узнает, он тебе устроит кралю….

— А, что я? Я еще малолетний…. Какой с меня спрос?

Но все это было уже позади Ленки. Лишь отрывки слов доносились до её слуха, вызывая в душе легкий, веселый трепет, который возникает при виде чего–нибудь смешного и забавного. Она не обращала никакого внимания ни на смех, ни на свист и окрики ребятни. Она шла себе дальше, и ей уже не было никакого дела до тех, с кем она еще совсем недавно бегала в школу и делилась последней мелочью на кино. Ленка повзрослела и превратилась в девушку. Она стала настоящей барышней, и теперь мужчины при виде такой красоты, цокали языком и смотрели ей в след, не сводя глаз с её утонченной фигуры.

Глава вторая

Противостояние

Сашка Фирсанов, был одним из обитателей Офицерской слободы. Это был среднего склада паренек с наглой — хамоватой физиономией и, явными бандитскими наклонностями. Он ходил в хромовых сапогах, в которых прятал финку, сделанную из напильника, и в ФЗУшной форме, подпоясанной кожаной офицерской портупеей. Фирсанов был на полгода старше Краснова — его соперника по делам амурным. Ему уже исполнилось восемнадцать лет. Отец

Фирсанова, был одним из авторитетных жуликов в довоенном Смоленске по кличке «Гнусавый». В тридцать шестом году, его убили где–то на «воровской малине». Он попал на бандитское «перо» в карточном споре, уличив партнера в шулерстве. После смерти отца, Сашка, недолго воспитывался матерью. Почуяв свободу, он настолько распоясался, что изменить его жуликоватое мировоззрение стало практически невозможно. После семи классов, он пошел учиться в школу фабрично — заводского ученичества. Закончить ФЗУ он не успел. Там он скорешился с местными жуликами и ворами, и перешел бродяжничать по улицам, нападая вечерами со своей гопкомпанией на зазевавшихся горожан. Послужной список задержаний Фирсанова в милицию полнился день ото дня. Уже был не за горами тот час, когда капкан советского закона, должен был захлопнуться, воздав нарушителю заслуженное наказание.

Все пацаны из слободы знали, что Сашка, увлеченный жиганской романтикой, осознано пошел по стопам своего бандитского папаши, пользуясь его авторитетом среди такой же публики, как и он сам. Всей кожей и всей своим нутром, он был готов подражать покойному папаше во всем. Воровская жизнь, наполненная криминальными приключениями, нравилась Фирсану больше чем учеба и общение со своими товарищами по слободе. Он понимал, что выбранная им дорожка прямым ходом приведет его на долгие годы в тюрьму, но такая судьба почему–то его не страшила, а лишь больше придавала криминального куража, словно играл он со своей судьбой в орлянку.

В дворовой компании пацанов фамилия Фирсанов, была сама собой трансформирована. От самых младших, до самых старших — все его звали «Фирсой» или «фиксой». До зубной боли он не любил, когда уличная шпана называет его этой кличкой. Ему казалось, что в ней не было ни харизмы, ни какого–то брутального шарма, который бы помогал ему подниматься по авторитетной жиганской лестнице, приближая его к смоленским жуликам и матерым ворам. Пока он учился в школе, внимания на кличку почти не обращал. Но по мере взросления, это прозвище начало ему надоедать и, даже стало вызывать некое раздражение и озабоченность. Его стало корежить до приступов гнева, когда он слышал, как за спиной кто–то из ребят называл его «фиксой». Повзрослев, он вдруг понял, что его жизнь никогда уже не сможет вернуться в прежнее русло, где у него были друзья, с которыми вырос в одном дворе. Разбитная судьба юного жигана и главаря шайки, нравилась ему больше, и в этом он видел свое настоящее призвание.

…И вот, в один из весенних дней, когда ему надоело копить в себе злобу, Фирсанов собрал на пустыре Загорной, «сход». Обычно ребята там гоняли футбол. Там и состоялась импровизированная «коронация» новоиспеченного криминального лидера.

Будучи подшофе силой мускулов и угрозами, он осадил малолетнюю публику и пообещал каждому устроить гонения, если еще кто-нибудь, хоть раз еще, напомнит ему о «Фирсе».

— Так, что гопота, запомнить всем раз и навсегда! Повторять я больше не буду — для вас «Фирса» умер навсегда, — сказал Сашка, чем вызывал среди ребятни дружный и задорный смех.

«Фирса умер?! Ха– ха –ха! Фирса умер» — загалдели пацаны, глядя на весь этот иронический спектакль одного актера.

— Теперь я хочу, чтобы вы меня называли «Ферзем» — говорил он, разминая кулаки.– А тот, кто спутает с «Фирсу» с «Ферзем», тот получит от меня или кулаком в дюньдель. Ну, или заточку в ливер, — сказал он. — Я больше шутить не буду! Надоели мне ваши хилые подколки….

Фирсанов вытащил из–за голенища хромового сапога, блестящую финку и ловко крутанув её пальцами, окончательно «закошмарил» всех малолетних обитателей Офицерской слободы.

Спонтанная выходка Фирсы по изменению своего образа и клички, почти всем ребятам показалась, странной и немного дурацкой. Ни кому не хотелось связываться с Фирсановым,

как не хотелось, и, попадать под его тяжелые кулаки, которыми он умел лихо махать, вдалбливая в головы непонятливых, прописные истины жиганской морали. Угрозами и тумаками, но ему, все, же удалось добиться нужного результата. Те, кто раньше уважал Сашку за его силу и напористость, отвернулись от него, стараясь просто не попадаться на глаза, или просто обходили его стороной.

Время неумолимо летело вперед и, жизненные приоритеты нового районного авторитета, уже скоро перестали волновать местных обывателей по причине его гастролей где–то далеко на стороне. В те предвоенные годы в Смоленске кличка «Ферзь» постепенно стала обрастать мифами его полукриминальных и криминальных подвигов, что не могло не сказаться на его дальнейшей судьбе. Среди смоленских жуликов, которые обитали по злачным местам и «воровским малинам» города, прозвище Ферзь, была пока никому неизвестна, но только до того момента, пока на его пути не появился друг его покойного папаши. Это был знаменитый Иван Шерстяников — жулик и вор по кличке «Шерстяной».

— Ну, ладно — Ферзь, так Ферзь! Что ты Саша, тут орешь, будто легавые тебе дверями яйца прищемили! Хочешь быть Ферзем — так будь им! — сказал Синица, с сарказмом.– Нам, наплевать, как ты себя назовешь — хоть фараоном Тутанхамоном! Всё едино. От перемены названия, никому не холодно и ни жарко…. Пусть будет тебе почет и уважение, если ты так сам себе хочешь!

Синицына Сашку, теску Фирсанова, пацаны воспринимали, как его боевого товарища и даже близкого друга. Вместе они когда–то ходили в школу в один класс, но где–то в юности, их пути стали расходиться, пока в один из дней они перестали быть друзьями. На самом деле, Синица имел свой особый статус — он был волк. Волк одиночка, который жил сам по себе…. Ни в какие неформальные банды и компании он не вступал, а придерживался независимой ни от кого линии. За эти качества местные парни его очень уважали, и всегда прислушивались к дельным советам, которые он давал. Пацанам нравилось то, что Синица хоть и был из простой семьи, но жил, как всем казалось, на «широкую ногу».

За сбором «чинариков», он никогда замечен не был. Этим промыслом он брезговал, это ему было не нужно. Синицын, всегда имел достаточное количество денег на папиросы. Он, подрабатывал где–то на торговых складах «Запассбыта» и мог позволить себе покупать сигареты не на уличных лотках у барыг, и, всяких спекулянтов, а в престижном магазине «Табак», тот, что был на Пушкинской улице. Это была мелочь, но эта мелочь меняла его статус.

По мере того, как Лунёва превращалась в барышню, она все больше и больше становилась объектом повышенного внимания взрослеющих ребят и молодых мужчин города Смоленска. По вечерам, когда сумрак спускался на смоленские улицы, Ферзь поджидал её, в укромном месте в компании шпаны. Иногда, когда Ленка возвращалась из музыкальной школы имени Глинки. Подходить близко, он к ней еще не решался. Но природа брала свое и с каждым днем дистанция сокращалась. И вот в один из вечеров, набравшись решительности, все его дистанционные «ухаживания» закончились. Он встретил Лунёву и сделал ей предложение, от которого девушка, как ему казалось, отказаться не могла. Вот тогда на его пути к «личному счастью» появился Валерий Краснов. Это ему, Лунёва, отдала свое предпочтение и, прониклась искренними чувствами и даже планами на будущее. Это в нем она увидела не только ухажера, но и отца своих будущих детей.

К великому сожалению Ферзь как всегда опоздал. К хулигану и воришке Фирсанову, Лунёва, никакого интереса никогда не проявляла, и никогда не смогла бы его полюбить. Ей он был крайне не симпатичен: торчащий чуб русых неухоженных волос из–под форменной ФЗУшной фуражки, конопушки на бледном и ехидном лице, отторгали её от ухаживаний этого юноши. Свои девичьи предпочтения она успела отдать Краснову, и теперь она не могла даже представить, что когда-нибудь отцом её детей станет смоленский жулик Фирсанов.

Краснов в отличие от соперника был для её сердца более близок — он был из интеллигентной семьи военпреда и командира РККА майора Краснова. Именно в нем она видела своего мужчину, который нравился ей до самых корней волос, до самой девичьей сущности. Несмотря на молодые годы, она чувствовала в нем настоящий мужской стержень, который отличал парня от многих ребят проживавших в Офицерской слободе. При его появлении, девичье сердце замирало, а «бабочки и мотыльки» спящие в душе, мгновенно вспархивали и, начинали кружить в животе, передавая телу удивительно нежный трепет.

Краснов в отличие от самозванца Ферзя, не обладал: ни природной наглостью, ни богатырской силой. Как сын красного командира, он всегда был спокоен, рассудителен, не по возрасту, и по–военному выдержан. Эти качества позволяли ему с помощью своего обаяния и остроумия, решать многие житейские вопросы, привлекая внимание местных девчонок. Среди дворовых пацанов, «Красный», как звали его друзья, был почти «иконой». Многие ребята хотели иметь с ним дружбу. Валерка был надежен, бескорыстен и, предан друзьям. Его отец, майор ВВС РККА по выслуги лет, и по здоровью был списан из летного состава, и переведен служить на 35 авиамоторный завод военным представителем приемной комиссии. Он был последней инстанцией в технологическом процессе сборки двигателей для военных самолетов. Вращаясь в компании городского начальства, майор Краснов в то время был значимой и очень уважаемой фигурой в городе. Эти качества распространились на его сына, который видел в отце достойный пример для подражания.

Ребята, из рабочих семей, проживавшие по соседству завидовали Валерке: ведь каждый день за его папашей приезжал блестящий черный автомобиль, который в начале сороковых годов был настоящим символом влиятельности и материального достатка.

В свободное от учебы время Валерка, как и все ребята, гонял в футбол, играл в карты, и втайне от родителей пробовал курить. В его карманах всегда водилась копейка, которую он никогда не жалел на благо общего дела. В случае острой необходимости и ради друзей, он мог без сожаления расстаться с любой суммой, за что парни уважали его больше чем прижимистого Ферзя.

Возможно, что именно все эти качества и повлияли на Ленкин выбор. Она влюбилась в него так, что даже не представляла без Краснова своей жизни. Во время случайных встреч на улице, она обворожительно улыбалась, очаровывая его ямочками на щеках. Такой весомый аргумент, не мог не свести его с ума. Не было у него никаких шансов устоять перед колдовскими чарами Лунёвой. В один из дней, всесильный «Купидон» подкараулив их вместе, нанес в его сердце коварный «выстрел из лука», и он больше не смог сопротивляться своим чувствам, превратившись из стойкого оловянного солдатика, в податливый кусок глины. А уже из него, Ленка, подобно искусному скульптору, приступила к лепке нужного ей образа, вкладывая в его душу и тело частицы своей девичьей любви.

Глава третья
Бой влюбленных моралов

Случилось это в то время, когда любовные чувства среди Краснова, Фирсанова и Лунёвой достигли своего апогея. По закону природы, должен был уступить тот, кто проиграет в честной схватке претендентов на сердце и руку. По мере взросления и гормональных изменений в организме, беспечная суета стала надоедать Валерке до самых печенок. Днем он погружался в изучение истории, математики, основ аэродинамики, а вечером, скинув с плеч «груз познания» жизнеутверждающих истин, выходил на улицу, чтобы немного пообщаться и отдохнуть от обуревающих его мыслей.

— Привет! Ты, что сломал зубы о гранит науки, и решил размять кости, — спрашивал его Синица? –А, может, на свидание к Ленке Лунёвой?

— Надоело! Так и рехнуться можно…. Прогуляться хочу. Все зубы сточил об это пресловутый гранит науки….

Валерка угощался папиросой, закуривал, и, пуская клубы дыма, на какой–то миг отвлекался от навалившихся проблем.

— А ты не грызи! Ты, с пацанами погоняй в футбол — пообщайся! А то ты брат, совсем позеленеешь от этой науки…. Сдалась она тебе….?

Валерка отшучивался. Немного поговорив с играющей в карты ребятней, он тихо и незаметно исчезал.

— Красный, Эдик Хмелевский, Ферзя с его бандой видел….

— Ну, и что?

— Они ошиваются около «Пятнадцатого» — копейки там, на портвейн сшибают…. Жалко мне будет если он тебя за Лунёву порежет, — кричал ему в след Синица. –Будет потом тебе и авиация, и пехота с пулеметом….

Парни по этому поводу постоянно шутили, а когда он уходил, глядя вслед, вздыхали от какой–то мальчишеской зависти.

Ухаживания Валерки Ленка, приняла без всяких условий — раз и навсегда, словно пришила к себе капроновым шнуром цыганской иглой. Так принимают единственное решение в своей жизни. Однажды, отвергнув Ферзя, она ультимативно потребовала от него, больше никогда её не беспокоить. Отвергнутый Ферзь, какое–то время был в полной прострации. Но прошло пару дней, и он посчитал, что ему нужно вернуть девчонку в сферу своего сердечного интереса. Фирсан наивно полагал, что она создана на этой планете только для него и, должна подчинятся только его желаниям и бушующим страстям. Он представлял себе, что кроме него никто не имеет больше прав посягать, ни на сердце Елены, ни на все остальные её прелести.

Но все случилось иначе;

В один из вечеров, она возвращалась из музыкальной школы домой. Ферзь, подобрав момент, догнал её в темном переулке и, схватив руку, постарался насильно навязать ей свои сердечные чувства.

— Ну, здравствуй крошка….! Твой зайка, тебя давно дожидается, — сказал Фирсан, дыша в лицо Елены дешевым портвейном. –Теперь мы на веки будем вместе….

На какой–то миг девушка растерялась, но тут же, придя в себя, стукнула его по голове папкой с нотами. Вырвавшись из страстных «объятий» юного жигана, она взглянула ему в глаза и, сказала то, от чего Фирсанов укротил свой любовный пыл:

— Ты, что Саша, дурак!? Ты, что не можешь понять, что ты мне не нравишься! И никогда — слышишь, никогда не сможешь мне понравиться. Даже если в один прекрасный момент ты вдруг станешь заморским принцем! Ты посмотри на себя, на кого ты похож? Ты жулик из подворотни и бандит…. К тому же у тебя дурно пахнет изо рта табаком и вином…. Ты, ты просто ничтожество!

— А что девушки бандитов не любят? — спросил Ферзь, стараясь насильно поцеловать девчонку. –Вам что западло любить воров?

— Отойди! Валерка, в отличие от тебя, другой — он в тысячу раз лучше! Краснов он умный, он красивый и, его не сравнить с тобой…. В отличие от тебя, он надежный! А надежность — это то, что нравится девушкам….

Вдруг тот самый миг из тени появился Краснов. Он спешил навстречу Елене. Наполненный решимостью, он для начала вежливо поздоровался с Лунёвой и Ферзем, и, он посмотрел на Сашку так, что тот мгновенно отпустил его девушку.

— А чего я….

— Руки убери, а то я Саша, тебе их сломаю, — сказал Краснов тихо и очень доходчиво.

Фирсанов отпрянул:

— Ну, что ты зыришь на меня фраер ты дешевый? Не видишь, мы тут с девушкой милуемся. — Иди дальше куда шел, или я….

Пока Краснов обдумывал, что сказать Фирсанову, Ленка изловчилась, и отскочила в сторону. Назревал конфликт. С разворота она врезала ему ребром папки с нотами по лицу. Удар пришелся точно в нос. Кровь, не заставляя себя ждать, и, потекла по губам и подбородку хулигана. От такой неожиданности он опешил. Фирсан не понимал, что делать: толи бросаться в драку с Красновым, то ли затыкать нос, из которого ручьем текла кровь.

— Да ты, что Лунёва, совсем, охренела? Шуток не понимаешь, — сказал он, прикладывая ладонь к носу. –Я же просто так — шутя…..

Краснов достал чистый носовой платок, и подал его Сашке. В его действиях не было никакой агрессии, что ставило Фирсана в тупик**.**

— Утрись, ухажер, — сказал он настолько спокойно, что внутри конкурента заклокотал настоящий Везувий. Подобного конфуза «король» местной шпаны простить уже не мог.

Так и разошлись соперники в разные стороны, держа кулаки наготове.

На следующий день, когда, казалось бы, страсти утихли, Фирсан, заслал к Краснову «гонцов — парламентёров». Кусок пачки из–под «Казбека», стал той «черной меткой», в которой указывалось место и время предстоящего поединка. Передав записку, один из блатных друзей Фирсанова сказал:

— Слышь, фраерок — завтра в десять утра возле монастыря, тебя будет ждать Ферзь…. Приходи на тёрки. Драться будете до первой крови…. Если ты не придешь, то весь Смоленск будет знать, что ты сдрейфил….

— А, что ему от меня надо? Мы вроде вчера все решили и разошлись миром….

— Решили, не решили, меня это не волнует! Чувиху твою делить будете…. Просил передать на словах, что будете биться за неё до первой крови…. Кто в драке победит, тот девушку и танцует! Так ясно? Ты смотри не сдрейфь, а то мы уже на Ферзя по червонцу поставили…. Он должен тебя, как муху прихлопнуть…. Ха–ха–ха!….

— Это мы еще посмотрим, кто кого прихлопнет, — спокойно ответил Краснов, выбрасывая «черную метку» в траву.

Бой влюбленных «маралов» должен был состояться вдали от посторонних глаз в районе одной из башен смоленской крепостной стены. Посмотреть на поединок собралась местная ребятня с Музейной, Офицерской слободы и даже с Кронштадтской. Там в самом дальнем углу крепостной стены среди битого кирпича, ржавого железа и обвалившейся штукатурки, должен был окончательно решиться вопрос — быть или не быть Краснову, ухажером Лунёвой, или Фирсанов займет его место по праву сильнейшего. Хулиганистый и шкодливый Ферзь, к тому времени поднаторел и набрался опыта в отстаивании кулаками своих интересов. Он был уверен, что во всем районе в кулачном бою ему нет равных, и он, за несколько секунд сможет справиться с любым соперником. Сашка уже видел себя победителем. Ему даже в голову не могла придти мысль, что в подобных ситуациях решающее слово не за кулаками, а за тем, кто стал причиной подобного турнира. А этой причиной была Лунёва. Только ей предоставлялось право выбора — выбора того, кто был мил её сердцу, и с кем она хотела прожить до глубокой старости в любви и согласии, как святые Петр и Февронья.

Древние стены «Орла» гудели, словно трибуны легендарного Колизея. Все ждали того, что крепкий и драчливый Ферзь, сможет одержать верх, и набить физиономию «ботанику» Краснову. Ни кто на Валерку не решался ставить и ломаный грош. Но в тот день все произошло, как раз наоборот. Краснов, не имел права на проигрыш. По этой причине он собрал все свои силы и умение в единый кулак, вспоминая то, чему его учил его отец на боксерской груше. Именно это и было его секретным оружием, о котором ни кто не знал. Не мог он тогда уступить Фирсанову — не мог. Не судьба была ему пасть на «ристалище» подобно влюбленному рыцарю,

ведь уроки бокса и джиу–джитсу, которые он втайне от друзей брал у одного мастера, когда–то должны были принести свои плоды.

Рассевшись на камнях, как в партере театра, пацаны в ожидании эпического мордобоя, разом закурили, наполняя атмосферу дымом табака. Вот–вот на импровизированном ринге должны были сойтись темные и светлые силы. Кто болел за Краснова, а кто-то хотел, чтобы победа досталась Фирсанову.

В точно назначенное время — ближе к началу поединка, на тропинке в компании своих верных друзей, появился Краснов. Он был одет, как-то не для схватки, словно на праздник Октябрьской революции: синий бостоновый костюм из отцовского военного отреза, сидел на нем, как на дорогом заграничном манекене в городском универмаге «Люкс». Это придавало ему не только уверенность, но и тот шарм, от которого замирали почти все девчонки Офицерской слободы. Его респектабельный вид, настолько поразил ребят, что они единодушно пришли к мнению, что Краснов до первой крови драться не будет и пришел сдаться Ферзю без боя. Зрелище предстоящего мордобоя, еще не начавшись, уже как им казалось, находилось под страхом срыва.

Ферзь, наоборот, на поединок явился с другой стороны крепостной стены буквально одной минутой позже Валерки. Фирсан, вошел на импровизированный ринг–через пролом, который когда–то еще давно был разрушен взрывом французского пороха — в годы похода Наполеона на святую Русь.

Ввиду своего криминально — социального происхождения, похвастать богатством жиганского гардероба Фирсанов не мог. Его штопанный ФЗУшный форменный пиджак, галифе, да залатанная фланелевая рубаха, подпоясанная ремнем, придавала ему вид эдакого, взбунтовавшегося пролетария, угнетенного жирными «котами» капитализма. За голенищем хромового сапога виднелась рукоятка финки. С каким–то рисованным гонором, Сашка поднялся на груду битого кирпича и встал перед Красновым, словно Дантес перед Пушкиным. Во рту как всегда у него торчала папироса, которую он перебрасывал языком из одного уголка в другой, с целью наведения панического ужаса на соперника.

— Ну, что, Красный, ты готов получить по роже? — обратился он к Валерке, стараясь с первой минуты взять инициативу в свои руки, и показать местной шпане кто есть кто. –Или может мы сразу перейдем к процедуре примирения – на моих условиях?

К удивлению ребятни, Краснов был спокоен, словно сытый удав, лежащий под солнцем.

— Мне Шурик, кажется, что ты просто блефуешь? Ты решил, что я сегодня смогу отказаться от удовольствия начистить тебе рожу, — спокойно парировал Краснов.

— Кто ты такой –заморыш? В слободе каждая собака знает — ты –слабак! У тебя нет никаких шансов! Так, что можешь сдаться пока не поздно, и мы разойдемся….

— Шансов Саша, нет только у того, кто лежит в гробу, потому, что он покойник, — ответил спокойно Валерка. Сняв пиджак, он подал его Синице и продолжил. –А кто живой, у того всегда есть шанс….

Не спеша он закатал рукава рубашки и, приняв что-то похожее на подобие боксерской стойки, сказал: –Ну, что — я готов….

— Не рано ли ты меня хоронишь, — ответил Ферзь, стараясь запустить в своей душе механизм лютой ненависти к бывшему однокласснику.

— Валера, будь осторожней, у Фирсана за голенищем финка, — сказал на ухо Синица. — Он же дурак, может и в живот пырнуть….

— Да, я вижу, — спокойно ответил Краснов.– Это же ни для кого не секрет! Об этом уже весь Смоленск знает, что Фирсан, ходит с заточкой из напильника, потому, что боится биться на кулаках, — громко сказал Краснов, чтобы уши соперника и зрители услышали его.

Не дожидаясь сигнала, Ферзь рванулся вперед, желая всей своей мощью и напором задавить Краснова. Ферзь бросился первый и, хотел было со всего размаха ударить Валерку в

челюсть, чтобы иметь ошеломляющее преимущество. Валерка, отклонился от удара, и технично парировав выпад, ушел в сторону. Увернувшись, от тяжелого кулака Ферзя, он пригнулся, и хорошо поставленным ударом, нанес ему левой рукой хук в печень. Глаза жулика от неожиданной и нестерпимой боли, чуть не вывалились из орбит. Тот отпрянул назад, схватившись за бок и, скривив физиономию, что-то прошипе. В этот миг все увидали, что Сашка жиган ошеломлен. Он хотел даже присесть, чтобы немного отдышаться, но переборов боль сказал:

— Ах, ты, сука!….

Задержав дыхание, чтобы купировать, болевой шок, он, прижимая локоть к печени, вновь пошел в атаку. Желая довести драку до логического конца, у Фирсана, словно наступило помутнение рассудка. Пересиливая боль, он почти начал терять контроль над своими действиями. Ему нужна была всего одна минута, чтобы перевести дух.

— Что фраерок, приемчики знаешь, — спросил Ферзь, скривив физиономию. –Не помогут тебе приемчики…. Я, сильнее тебя! Против лома брат — нет приема!

Краснов, растянув рот в улыбке, договорил известный афоризм:

— Если Саша, нет другого лома! Не будил бы ты Шурик, лихо — пока оно спит тихо! Еще по сопатке хочешь получить?

Серия ударов, которая должна была достичь лица Краснова, вновь, как и в первый раз пролетела мимо, вызвав среди шпаны одобрительный гул. Краснов вновь пригнулся, и мгновенно повернувшись к Фирсану спиной, с разворота нанес боковой удар в челюсть. Такого жиган не ожидал. Кепка слетела с его головы, и он, схватившись за лицо, провалился в «темный подвал» нокдауна.

Публика, видя преимущество Краснова, понемногу начинала набирать обороты, меняя свой приоритет в сторону Краснова. Никто из ребят, не ожидал от него такой прыти, и удивительной ловкости. В какой–то миг Фирсанов пришел в себя. Он вскочил на ноги, и слегка пошатываясь, словно бык пошел на Краснова, стараясь подавить его напор психической атакой.

— Да, я тебя сейчас размажу….

— Ты никто, и звать тебя никак, — сказал ему Краснов и, ощущая свое преимущество, принял стойку боксера.

— Да, я тебя сейчас порву, как «Тузик» тряпку — завопил Ферзь. Распсиховавшись, он выхватив из–за голенища финку, и решительно двинулся на Краснова, махая впереди себя ножом. –Я же тебя сука, попишу, черт ты бодливый, — вопил он, теряя самообладание.

— Ну, раз на то пошло, то и мы не лыком шиты, — ответил Валерка, отходя назад.

Он брезгливо посмотрел на Ферзя, и, достав из заднего кармана брюк, маленький дамский «Браунинг», передернул затвор.

«Вау!» — завопила толпа, — «Так не по правилам!», «Уговор был до первой крови, а не трупа»….

Ловко сняв «Браунинг» с предохранителя, он направил ствол в сторону Фирсана. Увидев перед собой вороненый и, совсем не игрушечный пистолет, Ферзь на какой-то миг оторопел. Впервые в жизни он струсил. Нет — не струсил. Он просто опешил от такой неожиданности, когда перед ним показался «зрачок» среза ствола. Он даже не успел моргнуть глазом, как два выстрела, сделанные ему под ноги, надолго охладили пыл. Осознав, что Краснов вооружен, Фирсан, инстинктивно отпрянул назад. В ту секунду он понял, что на этот раз Краснов шутить не будет. Убить не убьет, но калекой сможет сделать на всю жизнь. Молодому жигану стало ясно, что сейчас, его визави подошел к той грани, за которой кончались детские шалости, и начинались настоящие мужские разборки. В этот момент, когда в него целился ствол, что–то щелкнуло внутри Фирсанова, и мысли вновь ворвалась в его мозги:

— «Стрельнет же гад!»

Наличие «шпалера» придавало Краснову уверенность в своей правоте и, Фирсан, быстро пересмотрев свои взгляды на жизнь, решил завершить конфликт примирением. Чтобы

достойно выйти из сложившейся ситуации, он решил для начала перейти на банальные оскорбления. Возможно, что Ферзь, хотел спровоцировать Краснова, на ответные действия, но тот стоял на своей позиции, и на провокации не поддавался. Соперник был непоколебим.

— Ну, и что, неужели, шмальнешь? Духа хоть хватит?

— Шмальну Саша, — спокойно ответил Валерка. –Я просто прострелю тебе колено и ты на всю жизнь инвалид….

— А ведь ты без «волыны» ничто! Ты дурачок, меня решил своей бабской «масленкой» напугать? Да не боюсь я тебя, даже если ты мне пулю в брюхо загонишь! Я Саша Фирсанов не из трусливых…. Я просто не хочу, чтобы тебя потом легавые на кичу определили. Ты там сдохнешь!

— Дурак ты Саша! Нужен ты мне, как собаке второй хвост! Брось заточку, и мы расходимся — как в море корабли!

— Что зассал? Слабо, тебе шмальнуть в Сашу Фирсанова? Слабо лишить меня жизни?

Валерка видел по наглому и ехидному лицу, Ферзя, что тот уже согласен закончить разборку, но при этом хочет сохранить лицо лидера. Чем больше Ферзь корчил из себя благородного разбойника «Робин Гуда», тем больше была вероятность, что они вновь сойдутся в рукопашной схватке. Скривив рот в нахальной улыбке, Ферзь демонстративно обнажил на клыке фиксу из желтого металла, которую ему пару месяцев назад вставил смоленский жиган Ванька «Шерстяной».

— Ты Ферзь, наверное, контуженный! Нужен ты мне, как зайцу подтяжки, — сказал Краснов. Он поставил «Браунинг» на предохранитель, и сунул его в задний карман брюк. — Дурилка ты Саша, картонная — ты так и не понял, что детские шуточки остались уже в прошлом. Ты вымахал, как лось, а мозгами остался на уровне малолетнего Хмеля…. Неужели ты думаешь, что одержав надо мной победу, ты сможешь овладеть моей девушкой? Да не в жизнь! Она быстрее в Днепр с моста бросится, чем будет с тобой. Подохнешь ты Саша, где — нибудь в лагере на лесоповале! Это теперь твоя судьба….

— Это мое дело, где мне подыхать…. И это не твоя забота, — ответил Фирсан. Он достал из кармана пиджака папиросу, прикурил и, глубоко затянувшись, выпустил облачко дыма.

— Я больше тебя предупреждать не буду…. Запомни на всю жизнь — будешь приставать к Лунёвой, я привалю тебя, как борова! Забудь её, и иди своей дорогой! Нам все равно с тобой не по пути, — сказал Краснов, надевая пиджак.

Фирсан в ту минуту понял, что он проиграл. Сделав несколько затяжек, он неудовлетворенно, поглядел на свою самопальную и неказистую «финку», которую так долго он затачивал на наждаке и, ухмыльнувшись, со всей силы зашвырнул её куда–то далеко в руины.

— Хорошо! Считай, что сегодня была твоя правда! Только не думай Красный, что Саша Фирсанов сдрейфил, и повелся на твой тухлый базар…. Нет! Я тебя не боюсь! Я думаю, что еще придет время, я мы встретимся один на один — без свидетелей! Вот тогда я покажу тебе почем фунт лиха….

— Твои слова Шурик, да богу в уши, — сказал спокойно Валерка. –Всегда буду рад выбить тебе фиксу…. Я потом её повешу себе на память — на шею….

Тут до Краснова дошло — Ферзь, который пять минут назад был грозой всего района отступил. Отступил, не потому, что испугался дальше выяснять отношения. Он просто почувствовал, что сегодня Краснов был прав, и вся слобода поддерживала именно его. Саша знал, что Лунёва всем сердцем любит Валерку, и никогда — никогда не сможет принять его ухаживаний. А это означало только одно — они никогда не будут вместе, даже если небо упадет на землю. Это был изначально провальная выходка, ради которой он не пожелал рисковать своей жизнью, потому, что осознал: Краснов не остановится.

— Подумаешь Ленка! Тоже мне фифа! Да, если мне надо будет, я себе столько Ленок найду– мама моя дорогая. Устанешь считать….

— Найди! Найди, сколько хочешь! Мы с Лунёвой на твоей свадьбе погуляем…. Только отстань от неё, я тебя прошу по хорошему, — ответил решительно Валерка.

С этого дня судьбы Краснова и Саши Фирсанова окончательно разошлись, словно были они не из одного двора, а корабли разных стран на просторах мирового океана, которые плыли в неизвестном направлении, гонимые ветром судьбы.

Шпана, наблюдавшая за поединком, так ничего и не поняла из того, что произошло. Разговор лидеров дворовых группировок, не имел никакого продолжения, и это начинало раздражать любителей поглазеть на рукопашную схватку.

— Фирсан, ну так что, будете сопли жевать, –крикнул кто–то из парней.– Вломи ему по «пилораме», чтобы юшки кровавой наглотался.–«Вломи, вломи, вломи», — закричали пацаны подхватив призыв к активным действиям.

Эти слова, на мгновение зацепили Ферзя. Он, прищурив подобно хищнику глаза, и вдруг неожиданно выдал:

— Видал Краснов, а народ, крови твоей хочет…. Может, продолжим? Я без финки, — ты без «шпалера»…. Один на один!

— Тебе это надо? Нет, у меня желания с тобой тут на публику бодаться!

Пока соперники разбирались между собой в споре, на выстрелы, которые пару минут назад прозвучали в руинах, уже спешал местный участковый. Ему то и было суждено поставить окончательную точку в этом споре.

Местный легавый дядя Жора, как звали пацаны участкового уполномоченного, был из рабоче– крестьянских органов милиции. Услышав выстрелы, он сообразил, что кто-то из пацанов, балуется в развалинах найденным оружием, или стреляет из «поджига», сделанного из трубки насоса. На всякий случай он вытащил «Наган», и хотел было скрытно подойти к месту «ристалища», но зоркий глаз Эдика Хмелевского, заметил через пролом, мелькающую белую фуражку милиционера. В тот же миг пронзительный свист, прозвучал над головой дяди Жоры, и многогранным эхом отразился о крепостной стены.

— Атас! Пацаны, легавые!

Вся компания в мгновение ока вспорхнула со своих мест, словно воробьи с проводов. Тайными «партизанским» тропами, пацаны покинули место драки, и разбежались врассыпную по руинам, словно здесь никого не было. Только Краснов да Фирсанов, остались стоять на месте напротив друг друга, стараясь показать свой твердый внутренний стержень. Они молчали.

Дядя Жора, с револьвером в руках ворвался в башню.

— Что засранцы, попались!? Я вам, бляха медная, сейчас покажу, как из «наганов» палить! — сказал он, и подошел к Фирсанову.– Ну-ка ёжики курчавые, выворачивайте карманы!

— А на балалайке тебе не сыграть, — спросил Ферзь, перекидывая папиросу из одного уголка рта в другой. –А то давай, мы сейчас с Красновым тебе камаринскую сбацаем, а ты станцуешь по этому говнищу…..

— Форточку прикрой уркаган доморощенный, — сказал участковый. –Руки в гору!

Фирсанов поник и, кочевряжась, поднял руки вверх. Дядя Жора уткнув револьвер в живот Фирсану, ощупал его и убедившись, что у того ничего нет, подошел к Краснову.

— Ну, а ты, что стоишь бедолага? Тебя Краснов, это тоже касается! Руки в гору, — приказал он, и Валерка без особого желания поднял руки.

Еще за мгновение до прихода милиционера Валерка сбросил пистолет на землю и ногой накрыл его кирпичом. «Браунинг» был маленький и, поэтому, его легко было спрятать в груде битого кирпича.

— Странно, — сказал участковый. — А кто тогда здесь стрелял?

— Кто стрелял, того уже дядя Жора, тю–тю нет, испарился.– Твой белый мусорской френч шпана за версту увидела и сразу смылась….

— А вы, что тут тогда делаете, — спросил милиционер, пряча «Наган» в кобуру.

— Мы дядя Жора, анекдоты друг другу рассказываем, — ответил Ферзь.– Про зайца, который заболел триппером и поэтому решил лечить глаза….

— Ты Фирсанов, пургу не гони– зайцы триппером не болеют! Ты думаешь, я не знаю, что у тебя с Красновым тут была стрелка забита…. Мне доложили…. И не анекдоты вы здесь друг дружке рассказываете, а решили выяснить отношения, кто из вас будет встречаться с пианисточкой Лунёвой.

— А кто это такая, — спросил Фирсанов, делая удивленную физиономию.

— А это Саша, та красивая девушка, которую ты, каждый вечер подкарауливаешь под музыкальной школой.

— Кто я — переспросил Фирсанов.– Перекрестись легавый! С ней — вон Краснов гуляет, и вся Офицерская слобода знает, что это девушка Краснова.

Дядя Жора снял фуражку, и, вытерев со лба пот, сказал скрипучим голосом:

— Так, засранцы, считайте, что вам сегодня крупно повезло! Дядя Жора сегодня добрый до полного безобразия! В следующий раз Фирсанов, и тебя Краснов, я даже мошонки ваши выверну наизнанку! Вы у меня давно на карандаше! Если я найду у вас хотя бы один патрон, то я обоих посажу за бандитизм, — сказал участковый.

— Не положено! Нам еще восемнадцати нет, — ответил Краснов. –Да и статья дядя Жора, нам эта совсем не подходит.

— Грамотный, что ли Краснов? Пусть тебе будет известно, но по уголовному кодексу Р. С. Ф.С.Р. от 1926 года по статье 182 — изготовление, покупка, сбыт и хранение огнестрельного оружия без разрешения, наказывается судом социальной защиты сроком до шести месяцев. А по указу нашего вождя товарища Сталина, от апреля этого года, я имею право по достижении шестнадцати лет, произвести арест: тебя Фирсанов, и тебя товарищ Краснов! Понятно вам ёжики курчавые?

— Понятно, — сказал Валерка, опустив глаза.

— Я Краснов, не посмотрю, что твой разлюбезный папаша, служит военпредом на нашем авиамоторном…. Это пусть народ его шишкой считает, но мне — плевать! Лет десять на лесоповале, я вам обоим гарантирую! Вот тогда и посмотрим, какие вы песенки запоете….

В эту минуту противостояния, глядя друг другу в глаза, пацаны вдруг поняли, что разборки закончились. Участковый дядя Жора стал именно той силой, которая мгновенно нейтрализовала их бушующую ярость и даже вернула в их головы помутившийся от любви разум.

— А ну-ка ежики курчавые, пожали друг другу руки, — сказал участковый.

Краснов без всякой злобы подошел к Фирсанову и, глядя в глаза сопернику, пожал ему руку. Ферзь оторопел. Только, что заклятый враг Краснов, который десять минут назад хотел в него шмальнуть из «шпалера» пошел на мировую. Это для него был настоящий шок.

— Вот так вот– не хватало мне на участке любовных разборок, — сказал дядя Жора.– А теперь брысь отсюда по домам. И чтобы я вас больше вместе не видел….

Глава четвертая

Мяч от фюрера

Весенний Смоленск, утопал в свежей зелени городских деревьев, которые буйством свежей поросли, украсили улицы, переулки, городские парки и сады. Купола Успенского собора, и других церквей, величественно высились над городом. Благоухание цветущей черемухи наполняло весь воздух неповторимым ароматом, который будоражил внутренние струны, и настраивал девичьи сердца на волну первой и чистой любви.

Пацаны, собравшись, возле крепостной стены, гоняли на пустыре в футбол, поднимая ногами клубы пыли. Тяжелый мяч без камеры, пошитый из плотного брезента и туго набитый тряпками, летал из одной стороны в другую, гулко хлопая от ударов ног юных футболистов.

Каждое утро к кирпичному дому, где жил Краснов, подъезжала казенная «Эмка» и подавала сигнал, возвещая о своем прибытии. Валеркин отец высокий стройный майор в летной форме, служил на авиационном заводе представителем военного управления ВВС РККА. Каждое утро он, спускаясь к машине, останавливался, и махал Валеркиной матери. Та стояла у окна кухни и смотрела на — красавца и летчика. Валерка из любопытства высовывался в окно, и, упершись локтями в подоконник, с смотрел на отца, садившегося в машину. В эти минуты, он, словно в каком-то трансе погружался в наивные юношеские мечты, представляя себя бравым военным летчиком. Картинка будущей жизни рисовалась в его воспаленных фантазиях, и он уже видел красавицу Лунёву, в образе своей будущей жены.

После того, как машина увозила отца на службу, Краснов глубоко вздыхал и уже с новыми силами возвращался к изучению исторических баталий, с головой погружаясь в мир истории развития авиации, стараясь вложить в голову как можно больше знаний. Валерка четко определил для себя свою цель и ради этого был готов заниматься день и ночь, лишь бы поступить в военное училище. Небо манило его с такой силой, что он, закрывая глаза, мысленно отрывался от земли, и возносился туда, где чувствовал себя свободным от всего земного — в том числе и от притяжения.

Раз в неделю, гонимый призывом ЦК — «комсомолец на самолет», Валерка ездил на Южный аэродром в аэроклуб. Там на практике он осваивал и шлифовал науку летать. Допотопный фанерный планер обшитый перкалью стал для него первым самолетом, который покорился его рукам. По прошествии десяти месяцев изучения теории, он, отцепившись от буксировщика, уже самостоятельно воспарил в воздух, каждый раз ликуя от немыслимой радости, которая снисходила в его душу откуда–то извне. Однажды, оторвавшись от земли, и ощутив это волшебное и прекрасное чувство, Валерка настолько влюбился в это высокое бирюзовое небо, что порой ему казалось, что он больше никогда не сможет прожить без крыльев, которые уносили его навстречу юношеской мечте.

Пока он летал, Леночка в эти минуты, словно бы отходила на задний план, но стоило ему приземлиться, любовь вспыхивала в нем с новой силой. Чувства, которые он испытывал к Ленке настолько его окрыляли, что рядом с ней, он словно в небе не чувствовал под собой земли. Все эти невиданные ощущения были сконцентрированы в его душе, и направлены только на овладение искусством управления аппаратом, который по его воле рук плавно скользил по небу, рассекая воздух широкими крыльями. Валерка смотрел на город с высоты птичьего полета и даже не представлял себе, что его мечты шаг за шагом начинают сбываться. Каждый раз, паря невдалеке от города, он среди тысяч домов, глазами выискивал крышу знакомого ему дома, где жила самая красивая и самая желанная девушка его жизни.

— Эй, Красный –ты дома!? — прокричал с улицы Синица, держа в руке рваный брезентовый мяч. Валерка, отодвинув белоснежную штору, выглянул на улицу. Увидев, стоящих под окном пацанов, спросил:

— Что надо!?

— Слушай Валерон, ты сейчас особо не нервничай, но мы опять порвали «пузырь»! Помоги! У тебя же знакомый сапожник…. Попроси его пусть он зашьет его капроновыми нитками, чтобы не рвалось….

— А я, что вам, неотложная помощь!? — отвечал Валерка. — Вы за неделю четвертый раз мяч рвете, а я за свой счет должен вам его ремонтировать?

— Да, но ведь только ты, можешь уговорить дядю Моню…. Он же тебе верит как самому себе! — кричал Синица. — У нас пока денег нет! Но мы обязательно заплатим — это, же копейки!

Валерка, бросив дела, закрыв учебник, и, спустился вниз во двор.

— Ура! — орали друзья, прыгая от радости при виде Краснова, в карманах которого почти всегда звенела монета.

— Ладно, пошли….

Подхватив рваный мяч с торчащими из него тряпками, вся дружная компания молодых футболистов шла на Ленинскую улицу. Там в полуподвальном помещении находилась сапожная мастерская старого еврея Мони Блюма.

Дяде Моне было уже много лет. Седая козлиная бородка была единственным украшением на его лице. По привычке, он постоянно ходил по своей мастерской, держа в зубах три кленовых гвоздя, которыми он подбивал кожаные подошвы дорогих нэпмановских ботинок. Эти деревянные гвоздики разбухали, и как бы срастались с кожей, намертво держа спиртовую подошву. Всем нравилась аккуратная работа Мони, от того у него всегда было достаточно клиентов из респектабельных горожан и чиновников высокого ранга смоленских коммунистов и даже из органов НКВД.

— О, Валерочка, пожаловал, собственной пэрсоной! — говорил дядя Моня, поднимаясь со своего обитого кожаными лентами стула. В его мастерской пахло резиновым клеем и свежей кожей, а его рабочий халат тоже был весь в клею со случайно прилипшими кусочками резины и сапожного крема.

— Ви, уважаемый, снова порвали «пузырик»? Видно, невиданные баталии бушуют на вашем дворовом стадионе, раз вы Валера, так часто рвете мои американские капроновые нитки!?

— Дядя Моня, заштопайте, пожалуйста! А то эти футболисты от меня не отстанут. Только деньги я занесу вам, как только батька зарплату получит. Сегодня, к сожалению, я пуст, как турецкий барабан….

Моня знал Краснова и всю его семью, поэтому верил ему, как своему сыну Давиду. Валерка никогда не подводил сапожника и вовремя возвращал то, что обычно был должен за ремонт мяча или своих потертых ботинок.

Моня брал мяч, аккуратно запихивал в него тряпки, и с виртуозной ловкостью при помощи дратвы и шила зашивал мяч, придавая ему первозданную прочность. В эти минуты подобного таинства пацаны, завороженные работой мастера, замирали и, словно под гипнозом наблюдали за каждым движением старого и мудрого сапожника– еврея.

— Держите, Валерочка, «пузырь»! Я думаю, он вам еще немного послужит! Вот если бы вы купили себе кожаный мяч с надувной камерой, то тогда бы вам не пришлось тратить деньги на ремонт этого барахла. Сегодня я, Валерочка, сделал вам его бесплатно. Старый еврей Моня Блюм хочет на долгие годы оставить вклад в развитие Советского спорта в городе Смоленске. Может, вы станете знаменитыми футболистами, которыми будет гордиться не только наш город, но и вся советская страна?

— Спасибо дядя Моня, — хором закричали пацаны и с криком ура вновь убежали на поляну гонять уже отремонтированный мяч.

На какое-то мгновение Валерка с евреем остались наедине, и тогда Моня, видя в нем родственную душу, начал долгую беседу.

— Валерочка, вы не спешите? — спросил он, чтобы поделиться тем, что наболело на его сердце.

— Да нет, вот только уроки…. Остался последний год, так я не хотел бы терять свою форму. Я ведь хочу поступить в военное училище, чтобы стать военным летчиком, как мой отец. У нашего аэроклуба договор с — 8-й Одесской военной авиационной школой пилотов. Если повезет, то зачислят без экзаменов.

— А вы, Валерочка, не боитесь, что скоро начнется война!? — спросил еврей, глядя поверх своих очков. — Вам ведь придется воевать с самым грозным врагом.

— Нет, не боюсь! Товарищ Сталин, нам говорит, что мы будем воевать малой кровью и на стороне противника…. Я дядя Моня, хожу в аэроклуб! На планере уже научился летать, и даже значок получил «Ворошиловский стрелок». Вот так, вот! — похвастался Краснов.

— Вы хоть сами–то верите в эти сказки? Я знаю, несомненно товарищ Сталин прав, но немцы…. Эти сволочи накопили горы всякого оружия. Они захватили Польшу и всех евреев согнали в гетто. Они разорили все еврейские магазины в Германии и теперь преследуют нас на каждом шагу по всему миру. А теперь они пойдут войной на Советский Союз, и точно так же будут наводить тут свои порядки.

— Я так не думаю, — сказал Краснов, — у нас же с немцами договор о ненападении. Сам товарищ Молотов подписал его еще в прошлом году с их министром Риббентропом, — сказал Валерка более чем уверенно, удивляя Моню своей начитанностью.

— Я знаю, Валерочка! Но поверьте мне, старому еврею Моне Блюму, война обязательно будет! Вот только когда? В этом году, через год или десять, но она будет…. И помяните мое слово, Валерик, Гитлер утопит всех в крови! Вы еще вспомните наш с вами разговор. Я чувствую своим ливером, что будет большая драка….

В тот момент Краснов был уверен, что это просто опасения старого еврея, изжившего ум в борьбе за выживание в условиях развитого социализма. В его голове никак не укладывалось то, что сказал Моня.

Разве мог Гитлер напасть на Советский Союз, когда связи между государствами набирали обороты дружбы и взаимного сотрудничества, думал Валерка, зная об отношениях СССР и Германии. Отец постоянно рассказывал, что неоднократно на завод приезжали немецкие специалисты и офицеры Люфтваффе. Они с любопытством знакомились с технологией и новейшими образцами военных самолетов создаваемых на отцовском заводе. Участвовали в учениях и даже играли в футбол в дружеских встречах. Нет, войны не должно было быть. К такому мнению пришел Краснов — младший и возвратился в мир учебников и всевозможных военных наставлений.

Глава пятая

Неожиданная встреча

В один из таких дней конца мая или начало июня, отец как–то неожиданно позвал Валерку с собой на работу. Только в машине тот узнал, что по очередной договоренности с наркоматом обороны на завод прибывала партия экскурсантов из самой Германии. Эта весть обрадовала его до самых корней волос. Отец, зная увлечение сына в изучении немецкого языка, не мог оставаться к этому равнодушным. Ему хотелось, чтобы Валерка на практике проверил свои знания и вышел в свет, как это было принято в интеллигентных семьях.

— Валера, ты на завод со мной поедешь, — спросил отец.– К нам сегодня немцы приезжают, будут с нашей заводской командой в футбол играть. Может, и ты, сыграешь с ними, если конечно захочешь…..

— Конечно, хочу, — ответил Валерка, радуясь словно ребенок.

Не знали тогда, ни Леонид Петрович, ни Валерка, что ровно через год и один месяц, эти стройные, холеные германские пилоты будут бросать бомбы на их Смоленск. На этот завод. Будут убивать мирных жителей: детей, стариков, а после очередного рейда, за чашечкой кофе и рюмкой французского коньяка будут хвастаться о своих «победах» над большевиками в кругу таких же, нацистских выродков.

Валерка вместе с отцом приехал на завод к десяти утра. До встречи с гостями заводской футбольной команды было около двух часов и, ему пришлось все это время, шляться по цехам следуя за отцом. Краснову младшему казалось, что время тянется, словно оно сделано из авиационной резины, с помощью которой в небо запускают планер, но станки, рабочие и цеха с продукцией уводили от чувства ожидания.

Ближе к полудню ворота завода со скрипом открылись и на территорию режимного предприятия, пуская клубы бензинового дыма, въехал заводской автобус с группой немецких офицерами летчиками, которые, не скрывая интереса, смотрели в окна. Буквально час назад

«Юнкерс» приземлился на аэродроме «Смоленск Северный», который завод использовал для своих производственных нужд.

Сгорая от любопытства Валерка, подошел к группе встречающих, и встал рядом с отцом, чтобы лучше рассмотреть асов знаменитого легиона «Кондор». Холеные хозяева Европы, вальяжно покидали автобус и, тут же строились в шеренгу, перед руководством и рабочими завода, которые как подобает русским традициям, встречали гостей хлебом и солью.

Запах дорогого одеколона вперемешку с дымом сигар, ударил в нос. Это было непривычно для советских людей, и этот факт больше всего засел в голове Валерки, как отличительная особенность.

— Гутен таг, — сказал Валеркин отец и, подал команду заводскому оркестру, который ко дню прибытия немцев разучил один из торжественных немецких маршей. Фрицы улыбались, протягивали руки, для рукопожатий, и как–то неестественно позировали своему немецкому фотографу в военной форме. Он щелкал фотоаппаратом и, что–то говорил про русско — немецкую дружбу, показывая большой палец.

— Господа офицеры, вы находитесь на территории тридцать пятого смоленского авиационного завода. Здесь мы производим моторы для наших истребителей И– 16 и МИГ– 3– 3, а также для нового штурмовика ИЛ– 2, — сказал директор. Прошу вас пройти в заводской клуб, где состоится торжественная часть нашей дружественной встречи.

Почти все немецкие летчики были знакомы с советским самолетами по Испании. Но после того как в их авиационном парке появился «Мессершмитт БФ– 109», советские самолеты стали значительно уступать инновационным технологическим самолетам немецкого производства. Летая в составе легиона «Кондор», они уже давно опробовали наши «Ишаки» на убойность, и хорошо знали, как красиво горят русские деревянные самолеты, если их в упор расстреливать из пулеметов.

Молодой фриц, в звании фельдфебель, фотографируя сослуживцев, не стесняясь, выбирал такие ракурсы, чтобы в кадр попали заводские корпуса и стоящая под навесом продукция. Но как только он наводил «Лейку», чтобы сделать очередной кадр, неизвестно откуда появлялись странные люди в серых костюмах и широкополых шляпах, которые улыбаясь, вставали перед фотоаппаратом, и мешали немцу нажать спусковую кнопку.

— Валера, скажи этому немцу, что фотографировать завод, цеха и продукцию запрещено, это является государственной тайной…. Если он будет продолжать, то эти ребята из НКВД просто отберут у него фотоаппарат и засветят ему пленку, –сказал отец.

Валерка кивнул головой в знак согласия и, продумав предложение, выдал на немецком то, что просил отец.

— О, юнге, ты не плохо говоришь по-немецки, –сказал улыбаясь фельдфебель. -Я прекрасно понимаю, что это секретно... Не волнуйся, передай своим господам большевикам, что я больше не буду.

— Меня зовут Валерий, — сказал Краснов по-немецки.

— А меня– Франц–Йозеф Нойман, — представился немец по–русски, вызывая удивление. Он, козырнув черной кожаной перчаткой и молодцевато, словно юнкер военного училища, щелкнул каблуками хромовых сапог.

— А я, майор РККА Краснов Леонид Петрович, — сказал отец. — А это, мой сын Валерий, ответил он немцу.

Валерий подал свою руку, и фельдфебель, сняв перчатку, пожал её, скрепив новое знакомство. Он похлопал по плечу Валерку, и, растягивая рот в улыбке, сказал:

— У тебя парень, неплохой немецкий….

— А у вас господин Нойман, неплохой русский, — ответил Валерка.

— Я, между прочим, не немец. Я русский…. Русский — по матери…. Вернее, в моих жилах тоже течет славянская кровь. Моя мать когда–то после вашей революции вышла замуж за немецкого инженера Ноймана, и уехала с ним в Германию, оставив страну советов.

— Признаюсь честно, я рад нашему знакомству, господин фельдфебель, — ответил Валерка по–немецки. –Моей задачей была проверка моих знаний немецкого языка. Необходима практика….

— Превосходно, — ответил летчик. –Можешь не переживать, у тебя, хороший немецкий. Если ты когда–нибудь будешь в Германии, ты вполне сможешь общаться с любым бюргером. У тебя настоящий берлинский акцент….

— У меня господин Нойман, есть хороший учитель, — ответил Валерий. — Я хочу, как и мой отец, поступить в военное авиационное училище. Я обязательно, стану военным летчиком, как и вы Франц….

— О, ты станешь! Это очень похвально! Мужчина должен быть настоящим воином! — сказал фельдфебель, и вновь одобрительно похлопал Валерия по плечу.

Йозеф достал из кармана две сигары в странных алюминиевых футлярах, которые в Советской России были тогда еще в диковинку, и подал одну его отцу. Другую он хотел было закурить сам, но крепкая рука военпреда остановила его.

— Господин фельдфебель, вы извините, но на территории нашего завода курить запрещено. — У нас для этого есть специальные места.

— О, я, я! Я понимаю — хорошо! У меня дурная привычка курить, — сказал он, держа сигару во рту. Так и ходил потом молодой летчик по цехам завода, с незажженной сигарой.

Валерка, словно собачонка неотступно бегал за немцами сзади. Он ловил каждое слово, каждую интонацию и, переварив её в своей голове, складывал на невиданные полочки своей памяти.

По немцам было видно, что они чувствуют себя вполне уверенно и даже где-то нагловато. Летная форма, галифе, зеркальные хромовые сапоги завораживали своей безупречностью и каким–то немецким военным шармом.

Выступая в заводском клубе перед рабочими и летным составом испытательной эскадрильи, Франц–Йозеф Нойман, расстегнув китель, который украшал «Железный крест», рассказывал, как еще совсем недавно в бою с Бельгийскими летчиками, он за один вылет одержал две победы. Вот за этот подвиг и получил он свой первый крест, которым очень гордится.

Тогда еще никто в СССР не мог предположить, что уже через год отношение к немцам изменится до наоборот. Все эти нацистские побрякушки, вся эта безупречная форма будет олицетворением настоящего зла и всеобщей народной ненависти. Даже молодой фельдфебель Франц –Йозеф Нойман, ставший для Валерки Краснова объектом восхищения и подражания, в одно мгновение превратится из героя в матерого преступника и заклятого врага. Но это еще только будет, а пока немцы и русские спокойно играли в футбол, словно стародавние друзья. Ничего не предвещало осложнение обстановки между двумя великими народами, которые уже через двенадцать месяцев будут смотреть друг на друга через прицелы пушек и пулеметов.

Футбольный матч, в плане встречи немецкой военной делегации, был самым зрелищным и самым интересным моментом советско-немецкой дружбы. Немцы, облачившись в бутсы, черные трусы и красные майки с нацистским имперским орлом на груди, выглядели впечатляюще на фоне черных трусов, голубых футболок с золотым пропеллером на груди и надписью «САЗ» с красной звездой над буквой «А». По уровню игры и индивидуальному мастерству, смоленские заводчане ничуть не уступали холеным немцам, а в некоторых моментах даже имели приемлемое преимущество. Два тайма на поле шла азартная и в тоже время технически интересная игра. Команда смоленского завода все же вырвала победу со счетом 2– 1. Заводчане на последней минуте с пенальти забили победный гол, который поставил заключительную точку.

После окончания матча, каждый немецкий летчик получил заводской вымпел, а те в свою очередь подарили заводчанам красные флажки с черным и ненавистным пауком гитлеровской свастики.

— А это тебе мой юный друг, — сказал Франц –Йозеф Нойман.– На, держи! Это тебе подарок от дядюшки Геринга. Немец улыбнулся и бросил Валерке кожаный мяч.

— Огромное спасибо! — ответил Краснов по-немецки.

В эту секунду сердце паренька забилось с невиданной силой. Оно, словно масляный насос гнало по венам кровь, которая отдавала в висках монотонными ударами.

Мяч был кожаный. Его лакированные бока даже после такой напряженной игры не утратили своего первозданного зеркального блеска и сияли лаковым глянцем. Этот подарок был как никогда, кстати, и открывал перед его друзьями перспективы большого и настоящего футбола.

По окончании дружеской встречи заводской фотограф, собрав немецкую военную делегацию, запечатлел на долгую память всех участников дружественной исторической встречи обеих команд.

Разве мог тогда Валерка подумать, фотографируясь с немецкими пилотами, что совсем скоро каждый из них превратится в его личного врага. Разве мог он тогда представить, что он, простой русский паренек из Смоленска, будет наводить на этих господ настоящий ужас, а эта фотография сохранит ему жизнь. Он даже не мог предположить, что судьба военного летчика вновь сведет его с этим Нойманом. Летом сорок третьего года лицом к лицу он повстречается с ним не на футбольном поле, а в пылающем небе войны, где единственным снарядом прервет полет этого немецкого аса.

Глава шестая

Подарок

На следующий день, после того как немцы улетели обратно в свою Германию, Краснов пришел на поляну, где почти каждый день бушевали футбольные баталии. Ребят, к сожалению, не было. Спрятав новый «пузырь» от дедушки Геринга в тряпочную сумку, Краснов развалился на длинном бревне, которое лежало рядом с поляной еще с каких– то древних времен. Весь его ствол давно был изъеден короедом, а голая и почерневшая от времени древесина было отшлифована до зеркального блеска ребячьими задницами, которые целыми днями восседала на нем, словно на трибуне стадиона.

— О, глянь пацаны, а Красный на «трибуне» развалился…. Наверно, загорает? — сказал Синица, первым увидев своего друга.

Валерка лежал неподвижно, скрестив ноги. Его кепка была натянута козырьком на глаза, и он делал вид, что дремлет, разогретый и обласканный солнечными лучами.

— Эй, Красный, проснись, нас обокрали! — крикнул Синица, и вся компания заржала, реагируя на его остроумие.

— Что ржете!? Дайте полежать спокойно, — ответил Краснов, сдерживая себя от желания показать новый мяч.

— Ты, с нами будешь играть!? — спросил Синица, присаживаясь рядом.– У нас, как раз одного человека не хватает!

— Это тот «пузырь», что старыми фуфайками набит? — спросил Краснов, не поднимаясь с полированного ствола.

— А, что у тебя, что-то лучше имеется? — спросил Синица, закуривая. Он присел рядом с Красновым и погрузился в нирвану, подставляя лицо солнцу.

— А то! — ответил Валерка, натянув кепку почти на кончик носа.

— Тогда че лежишь, кого ждешь? — спросил Сашка, пыхтя папиросой.

— Дай–ка мне дернуть, — попросил Валерка, и протянул руку.– Дымком ароматным что–то потянуло. Синицын три раза подряд глубоко затянулся, и, оборвав зубами, кончик папи-

росы, вставил её между пальцев Краснова. Валерка, нащупав окурок, всунул его себе в рот и глубоко втянул в себя горький и вонючий дым.

— Красноармейские? — спросил он, продолжая лежать на бревне.– Продирает, аж до самой задницы!

— Нет, брат это — «Наша марка», — ответил Синица, давясь от смеха.

— Да у тебя Саня, на «Нашу марку» денег не хватит, — парировал Краснов. — Да и табачок в «Нашей марке» турецкий, а он будет ароматней и мягче. А это махра, до самой задницы горло продирает…. Настоящий конский гузнораздиратель!

— Да ладно тебе гоношиться! Тоже мне знаток табачных изделий! Давай вставай, погоняем мячик! — ответил Синица, и толкнул в бок Валерку.

Краснов, не поднимаясь с бревна, разжевал кончик гильзы папиросы и, приклеив её на ноготь указательного пальца, вслепую щелчком отправил окурок в полет: — На кого Бог, пошлет, — сказал он, и резко поднялся, придерживая рукой кепку.

Окурок, наполненный слюной, после сильного щелчка взлетел в воздух. Описав дугу с каким-то странным чваканьем, шлепнулся на хромовый сапог подошедшего к бревну Ферзя.

— Ты че, авиатор, рамсы попутал? Я тебе сейчас, как по дюнделю заеду! — заорал стародавний враг Фирсанов. Он был в гневе и, приготовившись к драке, принялся закатывать рукава своей форменной гимнастерки.

— Да хорош Ферзь, наезжать на него! Красный же тебя не видел, — ответил Синица, заступаясь за друга.– Он же сказал, на кого Бог пошлет. Вот на тебя Бог и послал…. Какие претензии к Красному? Все претензии к Богу!

— Ты конопатый, форточку свою прикрой! Не с тобой базарят, фраер дешевый. Видел, не видел — мне по– хрен! Его бычок, вон как прилип к моему сапогу ему и ответ держать.

Ферзь подошел поближе и поставил перед Валеркой сапог, на котором и впрямь торчал приклеившийся окурок.– А ну вытирай козел! –приказным тоном сказал Ферзь, и грозно сжал кулаки. Желваки на его скулах заходили, и было видно, что через секунду он бросится на Валерку, и вся эта перепалка перерастет в очередное кровавое побоище.

Валерка понял, в чем был план Фирсанова. Ферзь хотел на глазах детворы унизить его. Как всего несколько дней назад он указал Ферзю его место.

Хромовые сапоги Фирсана чистотой не блистали, и даже этот окурок не мог испортить их потрепанного вида. Парни, с интересом глядя за происходящим, собрались полукольцом за спиной Ферзя, и над поляной воцарилась тишина.

— Я сказал тебе — вытирай! — вновь повторил Фирсанов, уже конкретно заводясь на драку.

Валерка поднял с глаз свою кепку и ехидно взглянул на Ферзя, снизу вверх. Какой-то миг он, словно пружина разжался, да так быстро, что Фирсан даже не успел сообразить. Кулак Краснова, что было сил, врезался ему в пах в район мужского достоинства. Нестерпимая тупая боль пронзила все тело Ферзя от мошонки до самого мозга. Схватившись за гениталии, тот присел на корточки и глубоко дыша, простонал, стараясь пересилить боль.

— Есть! –торжественно сказал Синица, выступая в качестве рефери. –Технический нокдаун! Скрючившись, в позе эмбриона, Ферзь мычал лежа на земле, и было видно, что удар Краснова достиг своей цели. Ферзь был окончательно повержен. Он лежал на траве и, испытывал такие страдания, которые надолго оставляют в памяти не заживаемый след.

Этот самый момент в воздухе повисла пауза. Пацаны, смотрели то на Краснова, то на Ферзя и понимали, что сейчас прямо на их глазах Краснов одним ударом уложил того, кто наводил ужас на весь район. Валерка в один момент стал героем. Несмотря на физическое превосходство местного бандита, Краснов так легко с ним расправился. Валерка не дал унизить себя. Это был для всех ребят настоящим шоком. В это самое мгновение в их глазах, он повторно снискал себе еще больше авторитета и уважения.

— Да вставай уже, — сказал Краснов и, подав Ферзю руку поднял его.–Надеюсь, я тебя не сильно…..

— Я тебя на лоскуты пошинкую, –сказал Ферзь, присев на бревно, продолжая бороться с болью.

— А это Саня, как получится, — ответил Краснов, и достав из сумки мяч, запулил его в небо.– Держите «пузырь» ханурики! — заорал он. Мяч красиво взлетел и на какой–то миг даже завис над поляной, блеснув лакированными боками. Завороженные его полетом, пацаны, замерли в каком– то восхищении и полном непонимании. Красивый, кожаный мяч, словно птица, стремительно понесся вниз, и, упав на траву, вновь несколько раз подскочил, как бы очаровывая своей прыгучестью.

— Ура, ура, ура! — заголосила ребятня и, поднимая клубы пыли, бросились ловить скачущий по полю фашистский подарок.

В минуты всеобщего ликования и безграничной радости, пацанам было все равно, что сейчас испытывал Ферзь. Он лежал на «трибуне». Доминирование Ферзя мгновенно рухнуло, словно карточный домик, а Краснов развеял миф, о его непобедимости и это было состоявшимся фактом.

Власть Фирсана, над ребятами в мгновение ока растворилась, как растворяется сахар в горячей воде. Еще пять минут назад, он считал себя некоронованным «королем» всего района всей Офицерской слободы, а сейчас — сейчас его место занял даже не Краснов, а настоящий кожаный мяч. Именно он стал тем подарком судьбы, который в одно мгновение объединил всех слободских ребят в одну команду.

По случаю торжественного вброса нового «пузыря» (как мальчишки называли мяч), состоялась первая дружеская игра. В азарте и бушующих страстях, никто и не заметил, как поверженный и отвергнутый Фирсанов тихо ушел. Никто даже не вспомнил о нем, ведь футбол закружил ребят в своем вихре, словно торнадо, и никому не было дела до «короля», который в одночасье потерял свою корону.

Вот так, всего лишь одним ударом Валерка, поставил в споре с жиганом последний восклицательный знак.

Глава седьмая

Плохая весть

Новость об аресте Ферзя, застала Валерку на южном летнем поле смоленского аэроклуба. Как, только, он спустился по крылу У– 2 и спрыгнул на землю, в этот самый момент, он увидел, как через поле навстречу ему стремглав несется Сашка Синицын. Видавшая виды, залатанная шотландка, словно флаг развевалась по ветру, обнажая напряженные мышцы его упругого пресса.

Не добежав до Краснова нескольких метров он, задыхаясь, еще издалека завопил:

— Краснов, Фирсана, легавые повязали вместе с бандой Вани «Шерстяного»! Говорят, что они кассира с авиационного завода завалили, когда тот из банка получку на завод вез….

Отстегнув замки парашюта, Валерка, было, собрался бежать, но командирский и властный голос инструктора — лейтенанта Хмелева, остановил его.

— Курсант Краснов — стоять! Ты куда змееныш, намылился — мать твою!? Что за посторонние на летном поле во время учебных полетов? — обратился он к Синице.

В ту секунду Сашка, стоял в позе «вратаря», упершись руками в колени. Он настолько глубоко дышал, что слюна белой пеной произвольно стекала по его подбородку, и у него не было сил даже её вытереть.

— Он товарищ инструктор, сейчас оклемается, и уйдет, — сказал Валерка, вступившись за Синицу.

— Пока он оклемается, ему винтом башку в щепки разнесет, — ответил тот, закуривая. — Даю вам пять минут, и чтобы духу его не было! Пусть ждет на краю поля. Мы еще не закончили. Разбор полетов по плану….

Синица постепенно пришел в себя. Он рукавом рубахи вытер слюну и сказал:

— Варелик, Фирсана замели легавые! Я почти всю дорогу бежал, чтобы сказать тебе. У нас полный двор НКВДешников и народной уголовной милиции. Черные «воронки». Участковый с «наганом» к вам домой заходил, вместе с чекистами. Что-то они ищут — караул! Сплошной кипишь!

В эту секунду в душе Краснова, что-то странно екнуло. Чувство Какой-то опасности, нахлынуло на него, и он ощутил сердцем, что дома произошло, что-то неладное.

Ноги как–то сами по себе подогнулись и он, расслабившись, плюхнулся на парашют, валявшийся тут же на земле.

— Что, что было дальше!? Давай рассказывай! — спросил Валерка, предчувствуя сердцем беду.

— Тетка Фруза говорила, что легавые якобы тебя ищут, чтобы допросить …. Будто они и тебя в чем– то подозревают. — Сказал Синица, придя в себя от марафонского бега.

— А я — тут причем? — недоуменно спросил Краснов, делая удивленные глаза.

— А притом, что ты мог знать, когда получку повезут на завод. Участковый дядя Жора знает, что вы с Ферзем враги. Но он настропалил НКВДешников, что якобы вы закадычные друзья.

— Вот же сука! Это он мне простить не может нашу дуэль с Ферзем.

— Да нет же! Дядя Жора просто давно на вашу квартиру глаз положил, — ответил Синица. –Недавно по — пьяни он говорил, что отец твой эту квартиру получил незаконно. А еще….

Синица подошел к Краснову, и таинственно оглядевшись вокруг, прошептал:

— Участковый говорил, что твой батька немцам продался. А ты за футбольный мячик продался Гитлеру и теперь вы оба шпионите в его пользу. Короче: ходит и распространяет слухи, что якобы ваша семейка, это настоящий шпионский рассадник. Ты меня, Валерка извини, но в такое время говорить о шпионах, это моментом угодить на кичу –на «Американку». Вон батьку Левы, два дня назад чекисты замели в НКВД. Говорят, что тот тоже враг нашего народа. А какой он враг? Он всю жизнь на железной дороге отработал сцепщиком. Говорят уголь воровал и продавал….

— Я теперь понимаю. Участковый уполномоченный специально хочет моего отца в Магадан отправить без права переписки, чтобы нашей квартирой завладеть. Все же этот Жора, настоящая блин тварь! А я думал он настоящий советский милиционер! А он недобитая контра!

— Во — во, дошло наконец– то до тебя, как до жирафа, — сказал Синица, постукивая Краснова пальцем по лбу.

— Хватит, свидание окончено! — послышался голос инструктора. — Курсант Краснов, ко мне, мать твою, ежики– лысые….

— Есть! — сказал Валерка, и вскочил с парашюта. Он лениво, без особого желания взял его и натянул лямки поверх своего синего комбинезона. Застегнув ремни, отряхнул прилипшие к брюкам сухие травинки, и, подняв с травы кожаный шлем с очками, со злостью надел себе на голову.

— Ладно, я тебя там подожду, — сказал Синица, и уныло побрел на край поля к ангару.

— Повторим! — приказал лейтенант– инструктор. — Взлет– посадка!

— Я готов, товарищ лейтенант, — ответил Краснов, слегка унылым голосом.

— Ты мне тут курсант, не хандри! За полем или дома за тарелкой с борщом будешь хандрить…. Сейчас, курсант, ты — учебная боевая единица…. Если хочешь поступить в военное

авиационное училище, то постарайся окончить эти курсы с отличием. Как говорит товарищ Сталин: «Комсомольцы — все на самолет»! Вот и вперед, к самолету! Комсомолец, мать твою, ежики– лысые….

Валерка влез по фанерному крылу «этажерки» в кабину и устроился там, сев как положено на парашют. Инструктор расположился во второй кабине где располагалось дублирующее управление самолетом.

— От винта! — прокричал Краснов, и двигатель У–2 стрекоча, стал раскручивать тяжелый деревянный винт. Мотор стал набирать обороты и когда его звук превратился в монотонное жужжание на подобие звука «мухи», Валерка еще добавил газу и отпустил тормоз. Хвост самолета поднялся, освободив крючок тормоза из зацепления с грунтом. «Этажерка» послушно покатилась по мягкому полю, и уже через несколько секунд оторвалась от земли и взмыла в небо, оставляя земные проблемы далеко в низу. В этот самый момент, когда колеса отрывались от земли, Валерка отключался от всего, и все его сознание переключалось на полет. Он как бы срастался с планером, становясь его мозгом и даже мускульной силой. Он словно «Икар» всей своей сущностью и телом врастал в самолет пуская миллиарды нервных клеток которые пронизав авиационную перкаль передавали всю информацию ему в голову. В такие секунды Краснов чувствовал как какие–то пушистые шарики катались по его внутренностям от самого горла до пяток. Кишки странно приподнимались к диафрагме, вызывая подобным перемещением приятный и блаженный зуд. Валерка потянул ручку штурвала, и У– 2 плавно пошел в набор высоты. Ветер бил в защитный щиток и в очки, обжигая холодом открытые участки кожи.

В этот мгновение, он словно улетал в своем сознании от суровой и трагической реальности. Только здесь он становился не летчиком, а вольной птицей, которая подчиняла своей воли не только воздушные потоки, но и весь этот пронизанный механикой перкалевый фюзеляж.

Земля уходила все дальше и дальше. Взглянув на уменьшающиеся дома, деревья, машины, людей Валерка все сильнее тянул на себя ручку штурвала, набирая высоту.

В эти мгновения когда он оказывался один на один с небом, он забывал всё. Неприятности, оставались там, далеко на земле, а здесь он чувствовал себя недосягаемым и торжественно чистым от шлака бытовой рутины. Чувство свободного полета, чувство независимости, спускались на него с небес Какой-то восхитительной неземной благодатью.

«Этажерка», разогнанная силой мотора, падая, входила в вираж. То свечой зависала в воздухе, словно карабкалась на гору, но, не достигнув вершины, тут же срывалась в пропасть, завывая разрезанным плоскостями воздухом. В эти самые минуты, когда кусок фанеры с мотором подчинялся его воле, его разуму, Краснову хотелось просто петь. Он мурлыкал под нос слова популярной песни из кинофильма, заставляя учебный У–2 выполнять фигуры и виражи учебного пилотажа. Город проплывал то справа, то слева. Знаменитые купола Успенского собора сменялись красным хребтом крепостной стены смоленского Кремля и ртутным блеском, бежавшего на юг великого батюшки–Днепра.

Валерка был патриот, и до боли в сердце обожал город в котором ему довелось родиться, и вырасти. Здесь он познал школьную науку, здесь познал любовь и страсть к небу. В такие минуты полета он забывался, и только крики инструктора, прорывающиеся сквозь треск мотора и вой винта, заставляли его возвращаться в мир реальности.

Лейтенант–инструктор, перепуганный смелостью пилотирования Краснова, словно сапожник ругался матом. После того, как самолет благополучно садился на взлётно–посадочную полосу, он глубоко выдыхал воздух и, прощал все Валеркины вольности. Лейтенант хоть и был не намного старше Краснова, но он чувствовал и видел рождение нового летчика– аса, искренне завидуя, его умению сливаться воедино с самолетом.

— Курсант Краснов, за пилотирование учебного У– 2, объявляю Вам, благодарность и ставлю вам оценку отлично. Следующие занятия, согласно учебного плана. На сегодня вы,

можете быть свободны, — сказал лейтенант, и пожал Валерке руку. — А теперь, теперь паря я скажу тебе без всякого официоза. Ты Краснов, один из самых лучших курсантов во всем Смоленске. В тебе есть что-то такое, чего нет больше ни у кого. Мне кажется, ты чувствуешь машину каждой своей клеткой. Береги себя, ты брат родился под счастливой звездой. Без всяких сомнений, я буду рекомендовать тебя к поступлению в одесскую летную школу имени Полины Осипенко, — сказал лейтенант.

— Ну что, — Спросил Синица, видя довольную улыбку Краснова.

— Есть! Михалыч, сказал, что будет рекомендовать меня в летную школу.

— Ты Красный, настоящий ас, — восхищенно сказал Сашка. — Я пока тут на поле валялся и смотрел в небо, я чуть с ума не сошел. Как ловко у тебя получается так рулить.

— Не рулить, а пилотировать, — ответил Краснов, и щелкнул Синицу по козырьку.

Глава восьмая

Арест

Валерка еще не знал, да и не мог знать, что белокурая девчонка, по прозвищу Леди, на каждый его полет смотрит с замиранием сердца в театральный бинокль. Каждый раз, она тайно поднималась на крышу дома «башни труда Коммуна», что на Почтамтской, и смотрела в небо, чтобы хоть краем глаза увидеть учебный самолет милого, на котором он парил над городом оттачивая свое мастерство.

— Боже! Еже еси на небеси…. Да святится имя твое! Да придет воля твоя! Сохрани раба божьего Валерку! Не дай дурачку убиться, — молилась Ленка, вдали от посторонних глаз.

В минуты первых полетов, ей было жутко страшно за него. Девичий мозг отказывался верить в то, что так просто, распластав крылья, можно опереться на воздух и парить–парить подобно птице. От подобных мыслей её охватывало оцепенение, представляя, что её парень вдруг может упасть и разбиться. Только в нем Ленка видела того единственного, и того самого желанного лихого мужчину, с которым мечтала прожить всю жизнь. Только в своих девичьих мечтах, она представляла его не просто мужем, но и отцом своих детей и только с ним мечтала умереть в один день, как умерли святые Петр и Февронья, так никогда и не познав горечь разлуки.

Сегодня — сегодня для всех был день особый. Каким то седьмым чувством Ленка чувствовала, что грядут какие–то ужасные перемены, которые заставят её взглянуть на весь этот мир совсем другими глазами.

Офицерская слобода гудела, словно разоренный улей. Старухи на лавочках, мужики за кружкой пива, а пацаны на футбольном поле, обсуждали арест Саши Фирсанова строя свои догадки и всевозможные версии. Старушки, постоянно сидящие на лавочке, уже давно пророчили Ферзю незавидную судьбу уголовного арестанта, выдавливая из себя в его адрес ехидные реплики.

— «По тебе Сашка, давно тюрьма плачет»!

Фирсан, всегда делал ужасную гримасу и каждый раз передразнивая сквалыжных старух, отвечал им резко, и по существу:

— Не построили еще ту тюрьму, которая по мне зальется горькими слезами!

Как Фирсанов не дергался, как не играл с судьбой в орлянку, а время отвечать за свои поступки неудержимо двигалось к развязки и трагическому финалу.

Пророчество тетки Фрузы довольно неожиданно сбылось и наручники захлопнулись на руках Ферзя. Два милиционера завернув руки за спину выводили Фирсана из дома, в стоящий рядом «воронок». Бабки, сидящие на лавке, от умиления даже захлопали в ладоши, приветствуя Фирсанова, словно артиста смоленской филармонии. Тот зло косился на старух, и как змея шипел сквозь зубы:

— Я баба Фруза, еще вернусь! И тогда на моей улице обернется машина с тульскими пряниками! А вам, старые клюшки, пусть воздастся сполна, за ваше злорадство, — говорил Сашка.

— Давай вали — вали на свою «Американку»! Пряник Ты тульский! — отвечала тетка Фруза, держа руки на своей широкой талии.

Корпус смоленской тюрьмы под названием «Американка», был построен еще в 1933 году по американскому проекту. Два здания из красного каленого кирпича в три этажа, высились за высоким пятиметровым забором. Своими коваными, железными решетками на следственных камерах она наводила ужас на простого обывателя, который порой останавливался и видел лица выглядывающих из–за решетки арестантов. В ту пору о смоленской тюрьме, слагались настоящие легенды. Ходил слух, что якобы в её глубоких и сырых подвалах, ежедневно приводятся расстрельные приговоры «тройки», а по ночам НКВДешники, в крытых полуторках, вывозит в Красный бор и под Катынь, трупы расстрелянных. Там, в охранной зоне отдыха санатория НКВД, многие убитые, как и сотни польских офицеров, нашли в те годы свое последнее пристанище.

За арестом Ферзя, тут же в этот же день последовал арест отца Краснова. Странное совпадение абсолютно разных событий, людской молвой было мгновенно перекручено и объединено в одно целое.

По слободе тут же поползли слухи, что отец Краснова, майор РККА, как–то связан с со смоленскими бандитами и, что это якобы он убил из своего нагана заводского кассира, чтобы завладеть деньгами рабочих.

Спустившись с крыши «башни трудовой Коммуны» где Ленка наблюдала за полетами своего Краснова, она вернулась домой и была, в прямом смысле слова –ошарашена событиями, произошедшими в Офицерской слободе за последние два часа. Она стояла около подъезда в толпе местных зевак и наблюдала за происходящими трагическими событиями. Своими глазами Лунёва видела, как один НКВДешники в галифе, хромовых сапогах в фуражках с синей тульей, выводили из дома отца Краснова младшего, который в то время был в аэроклубе.

Майор Краснов Леонид Петрович, под конвоем двух чекистов гордо показался из подъезда, держа в руках небольшой узелок с вещами. Он, молча осмотрел собравшихся соседей и, увидев в толпе Леночку, крикнул через плечо стоявшего вокруг «воронка» конвоя:

— Леночка, дочка, береги Валерку, он тебя любит! Это какое-то недоразумение…. Я думаю, суд во всем разберется и меня отпустят….

В этот момент, стоявший рядом капитан НКВД, ударил майора кулаком в лицо. Леонид Петрович лишь пошатнулся, но не упал. Сплюнув сгусток крови из рассеченной губы, он вытер лицо рукавом военного френча и, прищурив глаза, сказал:

— Зря ты так, капитан, на людях– то!

Капитан втолкнул его в машину на заднее сиденье и влез следом. Сквозь еще приоткрытую дверь машины, он грубо выругался матом на собравшийся вокруг негодующий народ. Чтобы подчеркнуть свою власть, он громко с Какой-то ненавистью хлопнул дверкой, и легковушка, заурчав мотором, выплюнула из выхлопной трубы небольшое облачко сизого дыма.

Еще несколько минут после отъезда машины, народ молча стоял и глядел в след, навсегда исчезающему командиру ВВС РККА майору Краснову. Непонимание, шок и жуткий нечеловеческий страх печатью отразился на лицах соседей. В ту секунду, каждый на своей «шкуре» ощутил Какую-то свою ущербность и незащищенность перед этим страшным карательным молохом возобновившихся репрессий.

Мать Валерия сидела на кухне, подперев голову руками. Её красные от слез глаза уставились в бронзовый кран рукомойника, из которого капля за каплей вода падала в стоящую в мойке алюминиевую миску. В руке дымился зажатый между пальцами окурок папиросы. По

её отрешенному взгляду, по растрепанным волосам и горящему окурку было видно, что она находится в каком– то шоке.

Леночка тихо вошла в открытую дверь и осмотрела квартиру. Все вещи были разбросаны. Шкафы раскрыты а книги, ранее стоявшие на полках, кучей лежали на полу.

Она бережно приподняла томик стихов Пушкина и прижав к своей груди, вспомнила те минуты когда Валерка читал ей «Евгения Онегина». Войдя в кухню, она увидела его мать, прибывавшую в жутком состоянии непонимания происходящего. Лена тихо поздоровалась, но к своему удивлению заметила, что её будущая свекровь, как считала она, даже не шевельнулась. Комок горечи подступил к горлу при виде этой картины. Мать Краснова продолжала молча сидеть, не обращая никакого внимания на девчонку. Её тело странным образом взад и вперед раскачивалось на табурете, словно это был маятник часов.

Лунёва увидев ступор, в котором пребывала будущая свекровь, взяла из мойки миску с накапавшей водой и плеснула прямо её в лицо. В тот самый миг Краснова очнулась. Сделав глубокий вздох, сопряженный с каким-то грудным внутренним хрипом она заплакала. Нет, она не плакала, она просто выла — выла, словно верная собака над телом своего умершего хозяина. Её зубы стучали, будто бил её сильнейший озноб. Сквозь этот жуткий стук зубов из её груди вырывался истошный вой, похожий на волчий. Слезы появились на её глазах, и Светлана Владимировна перестав выть, тихо –тихо заплакала. Ленка присела рядом и облегченно вздохнула. Обняв будущую свекровь за плечи, она прижавшись к ней и заплакала из чувства солидарности. Слезы горечи потекли по её щекам.

После полетов в аэроклубе, Валерка задыхаясь от бега, вернулся домой. Соседи по и дворовые пацаны молча смотрели ему вслед. Ни кто ничего не мог сказать. Лишь странный, предательский шепот нарастал за его спиной и он почувствовал, что произошло, что-то непоправимое. Создавалось такое ощущение, что народ как бы сторонится его, словно прокаженного.

— Слышь Синица, а чего это они, — спросил он своего друга.

Тот крутил своей головой и ничего не понимал, что происходит вообще.

— Да хрен их знает, — отвечал тот, удивляясь происходящему. — Может, помер кто? Я страсть, как боюсь покойников.

— Да ну ты! Тоже скажешь, — сказал Краснов. — Дурень Ты Сашка, бояться нужно живых, а покойники — покойники брат, самые смирные. Лежат себе в гробу и ему ничего от тебя не надо.

— Нет, все равно боюсь! Я читал, что на Земле есть какая-то Дракула, которая тоже была покойником. А потом вдруг она ожила и давай из людей пить живую кровушку. Своя–то уже была холодная, вот ему горяченькой и хотелось!

— Дракула Саня, мужик! Он графом был румынским. Он то и пил кровь людскую….

В Какой-то миг Краснов остановился. Он увидел, как тетка Фруза при виде его, отвернула взгляд. Что — то острое кольнуло в его сердце и Валерка, словно пуля влетел на второй этаж. Дверь в квартиру была открыта настежь. Краснов– младший, осторожно переступил порог. На кухне сидела заплаканная мать и зареванная Леночка Лунёва.

— Что случилось, мам? — спросил он пройдя на кухню.

При виде сына из глаз матери вновь хлынули потоки слез. Следом за матерью заскулила и Лена.

— Да что же тут произошло, скажет мне кто или нет!? — вновь спросил Краснов, уже выходя из себя и срываясь на крик.

— Отца! Отца арестовали! Батьку твоего арестовали, — сказала мать, вытирая слезы краем фартука. — его НКВДешники забрали.

Тут до Валерки дошло то, что говорил ему Синица. В этот момент к его горлу подкатил Какой-то колючий и отвратительный ком. Он, словно плотина перекрыл глотку и стал душить

Краснова, подобно пеньковой петле. После недолгой борьбы с недугом он вдохнул полной грудью и с хрипом в голосе еле вымолвил:

— Когда!?

— Два часа назад, когда ты в клубе на полетах был.

— А Фирсанов!? — спросил Краснов.

— А что Фирсанов?

— Ну, ведь Синица, сказал, что арестовали Фирсанова.

— Ферзь, бандит! Он никакого отношения к отцу не имеет, — сказала мать, привстав из–за стола.

— Ничего не понимаю. Синица говорил, что арестовали Фирсанова. Причем тут отец!?

— Фирсанова арестовала милиция из отдела по борьбе с бандитизмом, а за отцом приезжали чекисты.

Тут до Валерки дошло, что его отец стал жертвой какого — то злого навета. Не зря Синица говорил, что дядя Жора, местный участковый, как –то по пьянке, выказывал свое недовольство. Якобы, родина и сам товарищ Сталин обделили его, и что он, как милиционер и бывший красноармеец–буденовец, достоин лучшей доли в социалистической стране, за которую он в гражданскую, проливал свою кровь. А этот выскочка, военпред Краснов, занимает трехкомнатные апартаменты да еще на работу на казенной машине ездит. С немцами шашни какие–то заводит, видно им частями продает Родину.

Белая пелена в тот миг накрыла сознание Валерки. Схватившись за дверной косяк, он присел в дверном проеме на корточки. Что-то непонятное и неопределенное крутилось в те секунды в его мозге. Картины ареста отца поплыли перед глазами, словно миражи в жаркой пустыне. Не удержавшись на ногах, Валерка упал. В тот миг он вообще не контролировал своих действий. Всем своим нутром, всей своей душой он ощутил ту боль, которая теперь гложет его сердце в минуты скорби по родному человеку. Словно через толщу воды до его слуха докатился истошный вопль матери. Уже ничего не осознавая, Валерка упал навзничь и «покатился» в черную пропасть, инстинктивно хватая воздух широко открытым ртом.

Увидев состояние сына, мать и Ленка бросились к нему, желая помочь. Но тело Краснова–младшего обмякло, распластавшись на полу.

Очнулся Валерка от странного холода, лежавшего на его лбу.

«Тряпка мокрая», — подумал он, сквозь пелену накрывающую его сознание.

Полотенце, пропитанное водой, неприятной холодной влагой касалось лица, подбородка и шеи и это холодное и мерзкое неудобство, привело его в чувство.

Он скинув полотенце, приподнялся. Мать, сидевшая рядом, схватила его за плечи и уложила вновь на подушку.

— Лежи сынок! Не стоит подниматься. Тебе нужно спать.

— Что со мной? — спросил Валерка, касаясь рукой материнской щеки, по которой текла крупная слеза.

— Ты просто был в обмороке, — ответила мать и, перехватив руку сына, нежно её поцеловала. Она прижала ладонь к своей щеке и с глазами полными слез, посмотрела на него. — Отца арестовали по подозрению в шпионаже.

Тут Краснов вспомнил, как Синица говорил о неудовольствии местного участкового дяди Жоры. В эту секунду в его душе, словно что-то взорвалось.

— Я убью эту сволочь! Контра белогвардейская! Я знаю, кто написал на него донос. Подонок! — стал выкрикивать Валерка и, вскочив с дивана, бросил мокрое полотенце на спинку стула. — Я знал, знал, что он настоящая тварь! Прикрывается сука, удостоверением сотрудника народной милиции, а сам хуже того же вора «Шерстяного»! Но тот хоть вор в законе, а этот? Это настоящий гад и оборотень! Днем служит Родине, а по ночам подворовывает из товарных пакгаузов на товарной.

— Тихо, тихо не кричи, соседи услышат и донесут участковому. Будет он, потом и на тебя доносы строчить. А я, я же не могу потерять двух мужиков, — сказала мать, держа сына за руку.

Краснов — младший был в гневе. Он ходил по комнате взад и вперед и на ходу хватал какие–то вещи. Подержав, он тут же с остервенением бросал на место и вновь продолжал свои непонятные телодвижения.

Все эти трагические для семьи Красновых минуты Леночка сидела молча. Она с сочувствием и жутким страхом наблюдала за своим кавалером и нервно руками теребила носовой платок. Ей показалось, что Краснов как–то изменился и даже повзрослел. Из веселого и беззаботного восемнадцатилетнего юнца, он в этот миг превратился в настоящего мужика наделенного силой волей и непоколебимостью духа. Его лицо стало суровым, а глаза как–то сузились, словно у хищника в момент охоты. Все в его поведении говорило, что теперь он как мужчина является для матери опорой и надеждой.

Впервые в жизни Валерка, в присутствии матери, достал из кармана пачку папирос, дунул в гильзу, и с силой сдавив её своими зубами, закурил. Раньше побаиваясь отца, он никогда этого не делал, но сегодня был тот день, когда он окончательно превратился из юноши в настоящего мужчину.

Сидевшая на диване мать, увидев сына курящим, даже не удивилась и ничего не сказала. Смолчав, она в ту самую секунду поняла, что её сын Валерочка, как она его называла уже не тот мальчик, которого она нежно целовала в родильном доме и кормила своей грудью. Он вырос, и теперь он вполне может сам решать, что ему делать.

— Давно куришь? — спросила она.

— Скоро уже год, — ответил Валерка.

— А если узнает…. — хотела вдруг сказать мать, но осеклась на последнем слове, вспоминая кошмар сегодняшнего утра.

— Я, наверное, пойду домой? — сказала Леночка.

— Сиди! — властно ответил Краснов — младший, и, тронув её за плечо, усадил на место. — Пойми Леночка, ты сейчас нужна мне и матери. Ты, ведь, словно бальзам на наши растерзанные души и сердца….

Лунёва махнула головой в знак согласия и смиренным голосом, сказала.

— Хорошо, я побуду у вас еще немного.

— Так девушки…. Слезами горю не поможешь! Кушать надо. Давай мать, накрывай стол, питаться будем и, думать, как нам жить дальше. На сытый желудок оно ведь лучше всего думается, — сказал Валерка, словами отца, показывая, таким образом, что теперь ему предстоит стать во главе семьи Красновых.

В эту самую минуту мать окончательно убедилась, что теперь сын стал главой семьи и теперь только он в состоянии принимать твердые мужские решения. Приподнявшись с дивана, мать глубоко вздохнула и, поправив фартук, впервые за целый день улыбнулась сыну. Подойдя к нему, она поцеловала Валерку в щеку и сказала:

— Какой ты стал взрослый….

Глава девятая

Смоленский централ

Следственная камера восемьдесят три –смоленской тюрьмы, а в народе (централа) утопала в табачном дыму. Он, словно туман, висел в пространстве замкнутой комнаты и, перемешиваясь с запахом мочи, исходившей от тюремной «параши» выедал глаза.

В такой духоте этой зловещей и жуткой атмосферы кипела совсем другая жизнь в отличие от жизни на воле. Подследственные арестанты из–за жары, сидели на верхней наре по пояс голые и азартно резались в самодельные карты, которые они почти каждый день клеили из тетрадных листов при помощи прожеванного хлебного мякиша.

Тусклая, почерневшая от ваты лампочка «Ильича», вмонтированная за решетку в противоположную стену, лишь обозначала присутствие в камере круглосуточного света. Глазок в камеру, он же «волчок» или по– арестантски «сучка», раз от разу открывался и в нем появлялось недремлющее око местного вертухая, который блюл порядок и соблюдение советских законов в камере.

— Че «вертушок», зеньки пялишь!? Давай заваливай к нам, в «буру» скинемся на твои «прохаря». Мне они как раз будет по фасону. Я в них на танцы буду ходить! — крикнул Фирсан, заглянувшему в камеру охраннику.

— На Магадан этапом пойдешь, а не на танцы, — сказал охранник. Арестанты заливались смехом, подковыривая надзирателя острыми и колкими шуточками.

После недолгой паузы за деревянной дверью, обитой железом, послышался щелчок. Окно «кормушки» (дверка для передачи продуктов), открылось, и в камеру заглянуло полное и красное лицо местного надзирателя, которого местные обитатели называли «вертухаем».

— Ферзь, из вас кто будет? — обратился он ко всем сидельцам.

— Ну, я Ферзь, — сказал ехидно Сашка, перекатывая окурок «Беломора». — Только у меня погоняло Ферзь!

— Такой как ты Ферзь, может у меня в карцер сесть, — улыбаясь, ответил охранник и, обнажив, желтые лошадиные зубы засмеялся.

— Ты «красноперый» за базаром следи! Как бы тебя самого на «штырину» не натянули, — огрызнулся Фирсанов, улыбаясь. — Отгоню на волю «маляву», и пришьют тебя в подворотне, как барашка. Чик и ты мертвый будешь….

— Поди, ближе, Ферзь. Базар у меня к тебе — от жигана «Шерстяного». Ты вроде у него в подельниках идешь?

Ферзь вальяжно подвалил к «кормушке».

— Чего надо? — спросил он, не очень громко и выпустил остатки дыма в лицо.

— Слушай меня, босота хренова, — ответил «вертухай» приглушенным голосом. — На первом этаже как раз под вами в расстрельной камере сидит твой подел — «Шерстяной». Он притаранил тебе «маляву». Просил, чтобы ты подсуетился насчет «бациллы» и курехи. Голодно ему на строгаче. Уважь мужика, он же под «вышак» катит. Он сказал, что бы ты молчал как рыба — он на себя все берет. Ему один хрен вышка светит за то, что он кассира замочил….

— Ладно, легавый! Базара нет! Для блатного кореша мне ничего не жалко, — сказал Сашка, и незаметно взяв от охранника маляву в рот, следом за ней сунул новую папиросу.

Кормушка закрылась, и Ферзь вновь ловко влез на железную нару, чтобы продолжить игру.

— Что мусору надо было? — спросил один из старожилов этого заведения.

Ферзь не говоря ни слова, со всей силы ударил его пяткой в глаз. Это произошло так быстро, что тот слетел со второго яруса на бетонный пол. Сашка спрыгнул на него с нары, нанося руками удары по голове.

— Что ты сука, мне вопросы какие–то кумовские задаешь!? Может ты стукач? Может ты какой подсадной?

— Да ты что, Ферзь? Я же так, для интереса! — стал оправдываться арестант, стараясь защитить лицо от ударов.

— Для интереса–для интереса только кошки трахаются, а потом у них появляются котята, — гневно орал Ферзь. — Мой папашка еще в детстве таким как ты на киче заточкой кадыки вскрывал.

Подобные разборки между уголовниками были в те времена не редкостью. Почти каждый день в тюрьме кто-то умирал от побоев или был прирезан ночью остро заточенной ложкой, которую урки затачивали на острых кромках железных нар, шлифуя на кирпичной кладке. Блатные, как правило, в целях своего лагерного благополучия шли не только по всяким там

мужикам, тянущим срок за колосок, или килограмм картошки с колхозного поля, но и по трупам. Охране тюрьмы было наплевать, сколько преступников за ночь загнулось. Меньше народу — спокойней была вертухайская жизнь.

Ферзь отпустил арестанта и встав с пола громко сказал.

— Эй, басота! Под нами, в камере смертников жиган Ваня «Шерстяной» чалится. Ему по указу тройки светит вышак. Голодно бродяге, ни кто «дачку» не носит. Кишка гнетет, а по хозяйской пайке и подыхать в облом. Кто сколько может соберите каторжанину «грев»: Пусть «Шерстяной», перед «зеленкой» хоть сытной хаванины хапнет. С набитой кишкой, оно и подыхать веселее!

После слов сказанных Ферзем, мужики молча полезли в свои баулы. Кто достал горсть ржаных сухарей, кто сала, кто самосада рубленого вручную. Весь нехитрый мужицкий скарб перекочевывал на «нары» молодого жигана, где тот умело закручивал «грев» в листы старых газет, которых было в камере вволю. После чего, разогрев в кружке парафиновую свечу, он обильно смочил связанные колбаски каторжанского «грева» расплавленным парафином.

— Санек, «коня» тащить, или будем ногами перебрасывать? — спросил один из арестантов по кличке Сивый.

— Давай Сивый, «коня» — так надежней будет! Давай ханыга, качай «парашу», — сказал он сидящему на первой наре неряшливого вида зашуганному крестьянину с бородой.

— А что мне делать, — спросил тот, трясясь от страха.

— Будешь дед, толчок откачивать.

— Я не умею, — сказал тот, стараясь прикинуться дурачком.

— Я научу, — ответил Фирсан, и, схватив с его головы шапку, кинул её в парашу, куда отправлялись естественные надобности.– А теперь дед, давай гони шапкой, воду из сифона….

— А шапка?

— Хозяин на зоне тебе новую даст, –сказал Ферзь, и вся хата заржала.

Хилый дедок с козлиной бородкой подошел к «параше». Фирсанов три раза ударил кружкой по чугунному стояку, подавая сигнал на связь. Дождавшись ответа, дед взял шапку — ушанку в руку и, словно поршнем, резко выдавил воду из очка. Фирсанов встал на колени и проорал в освобожденное от воды жерло параши.

— Эй, «Шерстяной», гони коня на три метра!

Из чугунного стояка гулко, словно из преисподней, послышалось:

— Понял…. Готов!

— Давай Сивый, «коня».

Сивый, откуда– то из-под нары, вытянул плетеную из шерстяных носков и свитеров самодельную веревку. К концу веревки были привязаны щепки, наструганные из продуктового ящика. Щепки располагались таким образом, что расстояние между ними было примерно не более шести сантиметров.

Дед ханыга аккуратно просунул в очко параши веревку, скрутив её кольцами по периметру трубы. После чего, взяв ведро с запасом воды, резко вылил её в трубу. Веревка, уносимая её потоком, полетела на нижний этаж по чугунному стояку. От завихрения, создаваемого водяным потоком, щепки начали вращаться, наматывая веревки с третьего и первого этажа. В Какой-то миг веревки перекрутившись, намертво сцепились.

— Есть! — заорал Фирсан, натянув «коня», словно леску с попавшей на неё рыбой.

Зацепив на веревку «грев», он подал сигнал, и «Шерстяной», через чугунный стояк тюремной канализации, потянул его в свою камеру. Таким образом, запрещенная в камере смертников арестантская утварь как сало, табак, сухари, спички надежно перекочевала с третьего на первый этаж. Следом за отправленным «гревом», обратно от Ивана вернулась и предсмертная «малява».

Фирсан снял с «коня» «маляву» и, подойдя ближе к окну, прочитал:

Воровской прогон

Мир дому нашему и всему люду достойному в нем живущему!

Во благо хода воровского я ниже обозначенный вор «Шерстяной» –Смоленский, ставлю вас в курс, что чалищийся в хате восемь три арестант Санек Фирсанов с погонялом «Ферзь», объявляется жиганом с правом решать «людское».

В последний час, хочу проститься с вами и пожелать фарта в деле нашем.

Каторжане, суки, легавые спят и видят, как мы будем шинковать заточками козлов и петухов на зонах. Я призываю вас всех, уважать воровской ход и не давать врагам нашим мусорам творить беспредел и ломать кровью писанные воровские законы. С этого момента, тянуть мазу и решать рамсы за корпусом «Американка» я назначаю Ферзя из хаты восемь три.

Прогон довести до всех арестантов смоленского централа.

«Шерстяной» — Смоленский

— Я, че– то, не понял!? — взвился один из каторжан по кличке Синий. — Ты фраер, дешевый, на зону ни одной ходки не имеешь, а в цветные лезешь! Ты урка, сперва баланды лагерной вдоволь хлебни, а потом положенцем правильным себя мни….

Эти слова, сказанные каким-то «бакланом», больно тронули душу Фирсанова, и он, не удержавшись от обидных слов, в долю секунды выхватил заточку и воткнул её в глотку Синему.

Синий захрипел. Кровь пузырями мгновенно заклокотала из раны. Он схватился за горло, желая заткнуть дырку ладонью, но его ноги подкосились, и он опустился на бетонный пол камеры. Синий сидел полу, опершись спиной на нары, а кровь, черная и густая, обильно текла из пробитого горла, прямо на купола собора наколотого на его груди. Через минуту он стал задыхаться и хрипеть. Его глаза выкатились глаза из орбит. Воздух вместе со стоном выходил из пробитого в горле отверстия. Слова, сказанные им, превращались в забавный свист и странное бульканье.

Свою кличку «Синий», получил за цвет кожи. На его теле, наверное, не осталось ни одного свободного места, которое не было бы покрыто татуировками. Купола храмов, ангелы и прочая церковная лабуда перемешивались с русалками и змеями, которые своими телами обвивали кинжалы. Довольно примитивные рисунки покрывали всего Синего. Этот винегрет, даже у первоходов вызывал лишь смех и никакого интереса.

Фирсан, подошел к двери камеры и ногой постучал. На его стук не спеша подошел дежурный вертухай и, открыв, спросил:

— Чяго тебе, урка, надо?

— Веди мусор «лепилу», у нас крендель вскрылся! Прокатал сука, « фуфлыжник» в карты и решил с хаты на больничку свалить.

— Он не зажмурился?

— Нет, но уже скоро, наверное, кони нарежет, — сказал Фирсанов, без всякого чувства сострадания к сокамернику.

За дверью послышался трубный и гулкий голос надзирателя.

— Васька, давай санитара в восемь три, шпилевой вскрылся.

Через несколько минут, громыхая замками, дверь камеры открылась. Два «шныря» с носилками из тюремной обслуги, вошли в хату и замерли в ожидании вердикта санитара.

— Чего стоим, грузим и на больничку, — сказал тот, перевязав глотку Синему, который уже от потери крови был бледен, словно простынь первой категории.

Шныри, хлюпая по луже крови «гадами» по полу, кинули тело арестанта на носилки и уже хотели вынести его вперед ногами, как вертухай стоящий возле двери, проорал:

— Вы шо, петухи, он же еще живой! Давай разворачивай оглобли!

Шныри послушно развернули носилки и вынесли его на «продол» головой вперед.

— Фирсанов, что мне корпусному сказать? — спросил вертухай, закрывая двери.

— Вскрылся фраер, — ответил Фирсанов, и незаметно сунул охраннику в руку десять рублей.

— Заметано! — ответил охранник, и закрыл тяжелые кованые двери.

— Ну что, босота! Все в курсах, что по киче прогон нужно раскидать? — спросил сокамерников Фирсанов, предчувствуя, что с этой минуты он уже наделен воровской властью.

Уже через несколько минут прогон, написанный Ваней «Шерстяным», копировался арестантами. Дед, по кличке Херувим, плевал на химический карандаш и старательно своим желтым от табака пальцем выводил на клочках бумаги то, что написал вор. Как только работа была сделана, несколько «воровских прогонов» двинулись по тюрьме различными путями. Некоторые с помощью хлебного мякиша крепились к днищу алюминиевых мисок, выдаваемых «баландерами» в обед, другие, с помощью «коней», перебрасывались в соседние камеры через решетки.

Со стороны можно было наблюдать, как десятки нитей опутали наружную сторону тюрьмы и по этим нитям, словно по «дорогам», двигались из одной камеры в другую «малявы прогона». Вертухаи бегали вокруг корпуса с длинным шестом, вооруженным металлическим крючком, и обрывали «дороги» наведенные арестантами за несколько минут. Но взамен оборванных, вновь и вновь появлялись новые, и вся эта круговерть продолжалась бесконечно, сводя усилия охраны тюрьмы на нет. К вечеру того же дня, когда «воровской прогон» уже достиг почти всех камер тюрьмы, двери открылась. В дверном проеме появились два надзирателя, которые пристально в полумраке осматривали заключенных.

— Что зеньки лупишь, мусор? — послышался голос Сивого. — Говори, че надо!

— Фирсанов! — обратился охранник. — На выход!

— С хотулями?

— Нет! Пока без хотулей! Кум зовет! — сказал трубным голосом вертухай. — Базарить по душам будет.

Фирсанов слез с нары и, накидывая на ходу рубашку, вышел из камеры, заложив руки за спину

— Лицом к стене! — скомандовал один из охранников.

Фирсанов послушно повернулся лицом к стене, продолжая держать руки за спиной. Один из охранников ощупал его одежду сверху вниз, а другой тем временем закрыл камеру и ткнул большим ключом его в бок.

— Вперед! — скомандовал властный голос охранника, и Саша Фирсанов под конвоем вступил на чугунную лестницу, которая вела на первый этаж.

Корпус «Американки» напоминал большой квадратный стакан из красного кирпича. Огромные стеклянные окна с первого по третий этаж находились напротив друг друга. По периметру трех этажей выступал металлические балконы с перилами. По центру тюрьмы с первого этажа на третий шла широкая чугунная лестница. На каждом этаже находилось порядка 30 камер, в каждой из которых шла своя уголовная жизнь.

Кабинет «кума», как называли «урки», начальника оперативной службы тюрьмы, располагался на первом этаже возле кабинета корпусного. Идущий впереди охранник, открыл двери и доложил по уставу:

— Товарищ майор, заключенный Фирсанов, по вашему приказанию доставлен!

— Давай сержант, заводи нового «положенца», — сказал майор. — Хочу глянуть на сынка «Гнусавого». Весь бля….цвет блатного мира, мать его….

— Вперед! — скомандовал «вертухай», толкнув Фиксу в спину связкой ключей.

— Ну что, Фирсанов Саша — Ферзь, проходи, присаживайся, — сказал майор, и указал на стул, прикрученный к полу шурупами.

Фирсанов, сев на стул, закинул ногу на ногу. Его растоптанные ботинки без шнурков вывалили свои языки, обнажив голые, без носков ноги. На правой ноге, на косточке красовалась татуировка паука, что говорило о его принадлежности к воровской, то бишь блатной масти.

— Что, начальник, надо!? — нагло спросил Фирсанов, почесывая подмышками.

— Я слышал, ты сегодня в «паханы» произведен!? — спросил кум, присаживаясь за стол напротив Фирсанова.

— А че, вам в падлу мое положение? Решил, начальник, с первого дня меня под пресс? Да я плевать хотел на твой пресс! Я сам выбрал свою каторжанскую долю, вот и буду тянуть срок, как полагается, — сказал Фирсан, почесывая под мышкой укусы клопов и бельевых вшей, кишащих в одежде арестантов.

Майор улыбнулся и, открыв стол, достал пачку папирос, кинув их перед арестованным.

— Закуривай!

Фирсанов взял пачку и, вытащив папиросу, дунул в гильзу со свистом, затем сжал её зубами и прикурил. Несколько раз он языком перевел папиросу из одного уголка рта в другой, стараясь показать свой гонор.

Майор НКВДешник улыбнулся, и выдержав паузу сказал:

— Ты себя в зеркало видел? Что ты босяк куражишься передо мной, словно вошь лобковая на гребешке? Я тебе что, дешевый фраер!? — спросил майор, видя как Фирсанов, перед ним изгаляется.

— А че!?

— А не че! Хер тебе через плечо! Ты сопляк, когда еще мамкину юбку держал своей ручкой, я уже банду братьев Левашовых громил. Да и батя твой — «Гнусавый» был здесь на киче в авторитете. Базарить с настоящими ворами намного приятней, чем с дворовой шпаной. Если бы твой подельник, не был «Шерстяной», то сидел бы ты сейчас в семь шесть, и кукарекал бы на параше, как живой будильник. А так гонор из тебя воровской попер! А ведь ты Фирсан, не вор, ты скорее будешь«бакланом» в лучшем случае….

— Обоснуй начальник! А то я сейчас….

— Ты сейчас можешь угодить только на карцер. Посидишь на киче, на воде и хлебе, вот тогда и поймешь, что с кумом дружить нужно, а не лаяться. Я чуял, что тебя «Шерстяной» сделал паханом?

— Ну было! — коротко ответил Фирсанов.

— А ты знаешь, что все положенцы с нами дружат?

— Ты че начальник, туфту гонишь? Я в твои байки не верю! Чтобы блатные на кума шпилили, да мусорам стучали, как суки лагерные? Че — то тут ты фуфло толкаешь, — сказал Фирсанов, пыхтя папиросой.

— Тебя стучать никто не заставляет, у нас своих стукачей хватает, а вот махновщину пресекать, это уже браток твоя забота. Сам «Шерстяной» тебе зеленую дал…. Так вот и уважь вора, делай то, что он просит. Мужика не гнобить, поборами не заниматься. Петухов не обижать. Да и с суками и козлами на ножах не сходиться…. А то и они могут пырнуть в бане в кадык, как ты Синего –хрен оклемаешься. Что думаешь, я не знаю, кто ему заточку в глотку воткнул?

«Синий, сука продал», — подумал Фирсанов и тут же сказал. — А не хрен было ему мою матушку вспоминать! Вот и нарвался сука на заточку….

— Не в Синем дело, Фирсанов! Ты теперь преемник вора на «Американке», теперь тебе суждено с босотой рамсить. Я не хочу, чтобы тебя в зоне на заточки за махновщину подняли и за беспредел спросили….

На какое-то время Ферзь задумался. В словах мусора была заложена истина, от которой ему уйти было невозможно. Не смотря на свои восемнадцать лет, он уже имел положение в тюремной иерархии, что давало ему перспективы карьерного роста в настоящие воры.

— Я понял тебя, начальник, — сказал Фирсанов и, взяв со стола пачку «Беломора», сунул её себе в карман.

— Для начала хочу тебя предупредить, что сученые тебе жизни не дадут. Так что подтягивай к себе «торпед с огромными кувалдами», которые масть воровскую охранять будут. Для меня ведь самое главное, чтобы вы на корпусе не баловали. А когда на этап, на зону пойдете, то там дело конвоя…. Они долго не цацкаются, за малейший косяк, пуля в лоб и на цвинтар с номером уголовного дела на пятке, понял?

— Блефуешь, начальник! Я по базарам знаю, какая жизнь на зоне! «Шерстяной» в Магадане рыжье мыл! Там, за хороший кусок рыжухи и пайка баланды двойная и срок косят на треть.

— Косят, косят, да только козлам и мужикам, а такого блатного брата, как ты держат в отдельных бараках. Вам же ворам работать впадлу. Вот только тем приписочкам, по трудодням, которыми вы раньше занимались, и за которые вам срока резались –конец пришел. Работяги теперь, от воров и блатных, в других бараках чалятся, и пахать на вас не хотят….

— Я, начальник, вор! Как мне предписано судьбой, так пусть оно и будет, — сказал Фирсан. — Время покажет и пусть оно нас рассудит….

Майор нажал кнопку под столом и в кабинет вошел вертухай.

— Вызывали!?

— Да, Васильев, веди этого босяка в камеру. Пусть еще ума набирается. Придет время, сам на стрелку напросится, — сказал майор, закинув хромовые сапоги на стол.

Конвоир подошел к Фиксе, и сказал:

— Руки за спину…. Пошел вперед!

Глава десятая

Черный карцер

Повинуясь охраннику, Саша Фирсанов скрестил свои руки за спиной и вышел из кабинета.

Он шел, глядя на свои ботинки, из которых так и норовили выскочить его босые ноги. Хлопая «гадами» по чугунной лестнице, Фирсанов поднимался наверх в сопровождении надзирателя, который шел сзади. Вдруг на площадке второго этажа он столкнулся, до боли знакомым ему человеком, который, так же как и он шел под конвоем, спускаясь вниз. В одно мгновение Сашка узнал отца своего заклятого врага Краснова. Да, несомненно, это был отец Красного. Поравнявшись с ним, Фирсан поздоровался:

— Здрасте, Леонид Петрович, — сказал Фирсанов, улыбаясь на всю ширину рта.

— А, Саша, здравствуй, здравствуй! — ответил Краснов. — Ты как здесь?

— Что ты лыбу давишь, профура? — и тут же ногой от конвоирующего вертухая получил в бок хромовым сапогом.

— Ты че, сука, легаш поганый делаешь? — заорал Фирсанов и опустившись на колени, нанес удар в пах охранника. Тот взвыл от боли, и, схватившись за свои ушибленные тестикулы, присел. Второй охранник, стоявший за спиной новоявленного «положенца», сжав связку ключей от камер, со всего размаха ударил ими Сашку по голове. Фонтан искр и нестерпимая боль прокатились от затылка до самых пяток. Фирсанов упал. Четыре хромовых сапога стали жестоко избивать его, на площадке между этажами.

— Что же вы, делаете мужики? Он же еще пацан! — вступился Краснов, и ударил одного вертухая в челюсть.

Краем подбитого глаза Сашка видел, как отец его недруга, его врага Краснова, тянет за него «мазу». Что было после, он уже не помнил. Что-то очень тяжелое опустилось на его лицо, и он в тот же миг сорвался в черную бездну беспамятства.

Очнулся Фирсанов от жуткого холода. Все его тело бил озноб. Сквозь залитые запекшейся кровью щели глаз, он осмотрелся и увидел лежащего рядом мужика, который дышал, словно собака на летнем солнцепеке. Вся его голова напоминала большой кусок фарша. Сквозь короткие волосы просматривались многочисленные раны, которые были залиты черной засохшей кровью.

— «Во бля….вляпался», — подумал Ферзь и, превозмогая боль, сел на дощатый настил, который возвышался над полом на высоту тюремных нар. Он достал пачку «Беломора», изъятую у кума и закурил. Голова после тумаков ужасно болела. Кровь от раны окрасила всю рубаху, из–за чего та стала словно фанерная.

— Вот же суки, как больно бьют! — сказал сам себе Фирсанов. — Эй, ты, мужик, где это мы? — спросил он лежащего рядом человека.

Тот ничего не ответил.

— Ты, часом не нарезал кони? — вновь спросил Фирсанов, и толкнул мужика в бок. Вместо ответа он услышал глухой стон. Из чувства любопытства, Сашка перевернул арестанта и тут же опознал отца Краснова Валерки.

В памяти возникли картинки прошедших событий. Он вспомнил, как этот человек вступился за него. Это он дрался с конвойными, когда те накинулись на новоявленного жулика. Это он! Это майор РККА! Это был тот которого он уважал с самого с детства.

С тринадцати лет Сашка рос без отца. Он всегда завидовал Валерке Краснову, что его отец был красным командиром –летчиком. Его каждый день возили с почетом на работу в черной машине. Это он научил Валерку стрелять из нагана. Это он научил его драться и применять приемы джиу– джитсу. От такой зависти Ферзь еще больше ненавидел этого ботаника Краснова. Ненавидел и его любовь и к Леночки Лунёвой из–за которой, он так легко расстался с авторитетов в своем дворе и всей Офицерской слободе. С вором Ваней «Шерстяным» он связался всего год назад, по протекции своего покойного папочки. Вместе с ним он «шакалил» по ночному Смоленску, освобождая богатых НЭПманов и аристократов от толстых кошельков и золотых украшений. Умирая от потери крови, Гнусавый просил Ивана не оставлять Ферзя без присмотра. Так и попал Фирсанов в новый мир — мир блатной воровской жизни.

Непонятка овладела его сознанием. Он коснулся своей рукой бородатой щеки бывшего майора и в эту секунду в его сознании что-то перевернулось. Блатной гонор почему–то растаял, словно утренний туман. Сердце сжалось от какого–то непонятного сострадания к Леониду Петровичу.

Несколько раз подряд Фирсан затянулся, словно обдумывая план своих действий и, бросил окурок на пол. К своему удивлению он услышал, как окурок упал и зашипел. Приглядевшись, Фирсан увидел, как черная вода залила половину камеры. Она постоянно стояла на уровне порога. В свете тусклой лампочки и света исходившего из маленького окошечка, он увидел, как что–то непонятное плавает в этой воде. Мохнатые «колбаски», поросшие плесенью плавали на поверхности, словно это были рыбацкие поплавки. Ферзь пригляделся и ужаснулся. Это были разложившиеся трупы крыс. Вперемешку с крысами на поверхности прорисовывались и другие предметы которые источали жуткий запах.

— Бля….да это же говно! Говно! — заорал он. Дотянувшись с настила до двери, он хотел было стукнул в неё, но тюремный ботинок без шнурков, сорвался с его ноги, и, хлюпнул в эту воду, присоединяясь к компании дохлых крыс.– Сука, сука, сука! — заорал Фирсан, взбесившись.

В этот момент, что-то заурчало в углу камеры. Вглядевшись в сторону где была «параша» Сашка заметил, как из разбитого чугунного стояка тюремной канализации вывалились новые порции свежего дерьма.

— Эй, суки, хорош срать! — заорал он, что было сил. Сняв другой ботинок, он стал неистово стучать им в стену, надеясь, что его кто-то услышит.

В этот миг, лежавший на настиле майор Краснов, подал признаки жизни и сквозь гортанный хрип еле прошептал:

— Пить, пить….

Фирсан вновь закурил. Его всего трясло от ощущения собственного бессилия. Он старался осмыслить сложившуюся ситуацию. В его голове вертелась только одна мысль. Она крутилась, словно акробат на перекладине, не давая его разуму ни секунды покоя. Валеркин отец. Это был какой–то страшный сон.

До крана с холодной и чистой водой было всего пару метров. Она, фактически не переставая текла в раковину, рядом с «парашей». Но, чтобы достать её, и чтобы утолить жажду, нужно было просто вступить ногой дерьмо. Представив себя по щиколотку в вонючем говне, Фирсанова стошнило. Он вскочил, и, встав на четвереньки на краю настила, стал блевать, возвращая скудную тюремную баланду природе. Рвотные спазмы рвали из него кишки, удаляя из организма остатки тюремной пайки. В этот миг его сердце заколотилось в бешеном ритме. Даже не смотря на холод, его пробил обильный пот.

— Пить, пить…. — вновь простонал майор.

Его стон еще больше натягивал душевные струны Сашки Фирсанова. Сейчас он мог попросту отвернуться от него. Мог даже отказать в помощи. Он мог вообще не обращать на него никакого внимания и, даже мог задушить этого майора, и ни кто бы не сказал ему ни слова.

«Пусть сдохнет, пусть себе дохнет», — ведь он, без пяти минут вор в законе знал, что ни местные обыватели, ни авторитетные каторжане, никогда не осудили бы его за подобный поступок. С другой же стороны его томил вопрос — «Валерка»!?

Хоть он и был Краснов его врагом, но в душе Сашки, в его сердце было то, что толкало его к этому крану с чистой водой. Надо было просто переступить через свои фобии и вступить босыми ногам в эту зловонную жижу.

Фирсан слышал, что в подвале «Американки» есть такая «хата», через которую протекает канализация. Жажда и голод здесь ломали любого человека, заставляя его опускаться ниже уровня этого дерьма, подписывая любой документ, который бы гарантировал глоток свежего воздуха, и чистой воды. Сашка не знал, да, наверное, не верил, что сам может угодить в это место, и как назло этот факт свершился.

— Пить, — чуть тише простонал майор.

Фирсан понял, что время идет на минуты.

Взяв в руки лежащую на настиле пустую кружку, он закатал свои штаны. Противясь всей душей, он стал медленно опускать ногу в этот кисель из тюремного дерьма. Вновь рвота подкатила к его горлу. Вновь спазмы начали выворачивать его кишки наизнанку. Фирсан усилием воли медленно опускал ногу пока не нащупал дно. Ощутив голой пяткой пол, он встал и почувствовал, как стародавние и уже разложившиеся человеческие испражнения, словно глина скользнули меж его пальцев.

— Суки! — заорал Ферзь и резко опустил вторую ногу, доказывая самому себе, что даже это вонючие фекалии и эти вздувшиеся тела дохлых крыс не смогут удержать его от праведного поступка и даже сломить его жиганскую волю.

Приступы рвоты прекратились. Слегка оклемавшись от этой мерзости, он сжал двумя пальцами нос и уверенно сделал первый шаг к раковине. Затем второй, третий. Вот уже и кран с водой и он — совсем близок. Осталось дотянуться до него всего лишь рукой. Но фекалии,

эти скользкие и мерзкие фекалии, и эти крысы, обволакивали его ноги. Они плавали, касаясь его кожи, вызывая в его душе жуткое омерзительное отвращение.

Сделав над собой усилие, Фирсанов дотянулся до крана. С облегчением он помыл руки, лицо, смывая с себя запекшуюся кровь и эту вонь, пропитавшую всю атмосферу помещения. Сполоснув кружку, он набрал в неё чистой холодной воды и вернулся назад. В этом замкнутом пространстве камеры было непонятно, что сейчас ночь или день. Лампочка «Ильича» светила круглосуточно и только этот свет был признаком существующей жизни.

Напоив Петровича, Сашка вновь спустился к рукомойнику и налив кружку воды постарался помыть свои ноги от фекалий. Только этого жалкого количества было мало, и он ощутил, как это зловонье впитывается в его кожу. Вонь, бежала по венам, заставляя вонять и весь организм.

— Врешь–не возьмешь! Хрен вам! — прошептал себе под нос Фирсанов. — Хрен вы, суки, меня сломаете! Пусть я даже сдохну в этом отстойнике….. Пусть я сгнию, но никогда не встану на колени, — сказал он себе.

Закурив, Фирсан сел на деревянный настил и свесил ноги, чтобы не пачкать свою каторжанскую «кровать». В его голове поплыли вновь воспоминания, которые были связаны с Валеркой. Он вспомнил, как вызвал «ботаника» на дуэль, как бил его в подворотне за Ленку. Как «ботаник» –этот «папенькин сынок», навесил ему в ответ. От этих воспоминаний на душе стало как–то грустно.

В душе что-то щелкнуло и он, сбросив груз обиды, простил Краснова. В ту же самую секунду он понял, что оказывается ближе «ботаника» Краснова и ближе Лунёвой у него не было друзей. От этих ностальгических воспоминаний, на его глаза навернулась слеза.

Сашка в какой–то момент даже подумал, что хочет завязать с этой тюремной романтикой и хочет вернуться туда, где осталась его мать. Здесь в этой волчьей стае, каждый норовил воткнуть в спину заточку, и занять место ближе к лагерной кормушки. Только здесь, в тюрьме, царил закон курятника, который гласил — отпихни ближнего, обгадь нижнего, а сам, сам всегда стремись наверх».

Все эти философские размышления настолько овладели его сознанием, что он даже забыл о тех фекалиях в которых только что плавал. Стук открывающейся «кормушки» вернул Сашку в реальность.

— Эй, блатота, ты еще жив!? — спросил голос вертухая.

— Жив…..

— А этот, враг советского народа!? — вновь спросил голос.

— Этот тоже жив, — ответил Фирсанов.

— Лучше бы загнулся, его все равно вышак ждет, — сказал голос. — На, вот — держи!

За дверью послышался звон черпака о бачок. Через секунду в маленькое окошечко в двери просунулась рука с алюминиевой миской. Сашка, не обращая внимания на дерьмо, опустил в воду свои ноги и уже без всякой брезгливости и тошноты подошел к двери. Взяв миску с баландой, он поставил её на настил. Затем еще одну. Две краюхи черного с опилками хлеба, были завернуты в газету.

— А весла!? — спросил Фирсанов.

— В карцере весла не полагаются, — ответил голос, и «кормушка» с грохотом закрылась.

— Суки, суки! — крикнул Сашка вслед уходящему охраннику. — Позови мне корпусного! Я хочу с «кумом» потарахтеть….

За дверью гулко прозвучал голос:

— Ладно, потарахтишь!

— Эй, Петрович, вставай, пайка приехала, подкрепись, — сказал Фирсанов, трогая Краснова за ногу. Тот, простонав, слегка приподнялся на локти.

— Петрович, хавчик прибыл, поешь! Тебе батя, силы нужны, а то так можно сдохнуть.

Краснов еле подтянул свое тело к стене, и оперся на выступающие цементные бугры «шубы».

— У тебя, Саша, курить есть? — спросил он, придя в себя.

— Есть, Петрович –есть! — обрадовался Фирсанов, воскрешению майора. — Только давай, сперва похавай, а потом мы с тобой от души покурим и поговорим.

— А тут что, еще жрать дают? — спросил Краснов.

— Ага, дают, вот только, как у вас — у летчиков.

— Это как?

— А так, сегодня день — летный, завтра день — пролетный. Сегодня — летный, а завтра — пролетный, — повторил Фирсан.

— Вот же суки, как бьют больно, — сказал Краснов, трогая голову.

— Сапогами видно. Мне тоже досталось — мама, не горюй!

— А что это так воняет? — спросил майор.

— А это Петрович, дерьмо. Мы тут по уши в настоящем дерьме, — сказал Сашка.

Краснов закинул голову, опершись ей на стену, и на мгновение закрыл глаза, стараясь вспомнить все то, что произошло. Сашка подал ему миску.

— Держи Петрович, баланду.

Краснов открыл глаза и дрожащими руками взял миску с нехитрым тюремным варевом из картошки и затхлой квашеной капусты.

— Ложка есть? — спросил он.

Сашка видя, что отец Валерки окончательно оклемался, улыбнулся ему и сказал:

— А тут Петрович, весла не положены. Хлебай так, через борт. На, вот, держи, еще пайка хлеба есть.

Дрожащими руками майор Краснов взял миску и поднес её ко рту. Его зубы коснулись края алюминиевой «шлемки», и до Фиксы дошел стук его зубов о миску. Поставив свою пайку на настил, Сашка взял миску Краснова и стал сам кормить его из своих рук. Краснов стербал суп вспухшими губами и, не жуя, глотал гнилые вареные капустные листья. Опустошив посуду, он взял в руку кусок хлеба и стал, его есть, отщипывая от «птюхи» маленькие кусочки.

Фирсан, видя, что майор пришел в себя, принялся, есть сам. Одним махом он проглотил остывшее содержимое своей миски, откусывая между глотками большие куски тюремной «черняшки».

Ели молча. После того, как все до последней крошки было съедено, Фирсан покрутил ладонью по животу и сказал:

— Хорошо, но ведь, сука, мало же! Я цветущий организм и мне нужен рост!

— А я наелся, — тихо ответил майор Краснов. — Давай Саша, закурим, Ты же обещал….

— Ах, да, — опомнился Фирсан, и достал папиросы. Щелчком он выбил из пачки пару папирос и протянул пачку Краснову. Закурили….

Дым табака на какое-то мгновение перебил запах, исходящий из-под настила.

— А Ты почему без обуви? — спросил Краснов, глядя, как Фирсанов вытянул свои босые ноги.

— Да у меня «гад» в дерьмо нырнул. Я брезгую туда руками лезть.

— А ногами ведь ходишь?

— А что ногами? Ноги то они ведь из жопы растут, им такая атмосфера привычней….

Превозмогая боль, пронзившую все тело, Краснов засмеялся. От такой шутки на душе стало значительно легче. Силы понемногу стали возвращаться в его разбитое тело.

— Говоришь ноги из жопы, растут? — переспросил майор. — Поэтому они и к дерьму привычные?

— Ага, Петрович, привычные!

Краснов вновь залился смехом, хоть это было довольно больно. Отбитый ногами охранников живот болел от каждого вздоха, а тут такая нагрузка.

— Философия у тебя железная, — сказал майор, держась за пресс. — Как ты думаешь, мы тут надолго?

— Не знаю. Обычно суток пятнадцать держат, — спокойно ответил Фирсанов, затягиваясь папиросой.

— А сколько времени прошло?

— А хрен его знает. Тут разве можно сориентироваться. Что день, что ночь. Судя по пайке, мы сидим или один, или два дня.

В те минуты ни Фирсанов, ни Краснов не знали, что их заточение длится уже третьи сутки. Время вытянулось в одну сплошную линию, и поэтому было трудно определить, где начало, а где конец. Чувство голода тоже ни о чем не могло говорить, с момента ареста и заключения под стражу, это чувство всегда преследует арестанта до конца его срока.

— А Ты как тут оказался? — спросил Краснов.

— Замели меня легавые, — нехотя ответил Сашка.

Ему сейчас было стыдно сказать майору Краснову, что он вместе с «Шерстяным», взял на «скок» кассу авиационного завода, где Краснов работал военпредом. Ему было стыдно, и поэтому он не хотел говорить об этом.

Фирсан слышал, как вертухай сказал, что этого врага народа все равно приговорят к вышке. Он знал, поэтому ничего и не хотел говорить. Не должен, не должен Краснов знать, что он, Сашка Фирсанов, без пяти минут вор, покушался на деньги рабочих.

— А вас, Петрович, за что?

— Меня, Саша, обвинили немецким шпионом. Говорят, я Родину продал и на Гитлера работаю.

— Это же бред!

— Бред не бред, но кому– то это нужно. Немцы к нам на завод каждый год приезжали и приезжают. У них договоренность с Наркоматом обороны. Вот только я слышал, Саша, что война с немцами неизбежна. Сталин оттягивает время, как может, чтобы перевооружить Красную армию. Но ведь у немцев тоже разведчиков хватает. Они– то Гитлеру их сраному тоже докладывают о нашем перевооружении.

— А я, Петрович, в политику не лезу. Вон вашего брата, сколько сидит…. Полная тюрьма.

В каждой хате по несколько человек лишних. Каждую ночь в подвале расстрельные приговоры в исполнение приводятся. Мочат народ русский — мама, не горюй! Я не хочу под вышку! Лучше быть блатным вором, чем политическим жмуром. Во!

— Это, Саша, ты говоришь правильно. Да и философия твоя мне понятна. Ноги они ведь из жопы растут, поэтому их в дерьмо можно ставить смело. А раз в дерьмо наступишь, то всю жизнь оно вонять будет, жизни не хватит, чтобы потом отмыться.

Фирсанов посмотрел на свои ноги, почесал под подмышками, разгоняя собравшихся там на собрание вшей.

— Я, Саша, это образно говорю! Натуральное говно в бане отмоешь, а вот внутреннее….. То, которое внутри, его никогда…. Оно вечно. А люди, люди они чувствуют, в ком этого дерьма много, а в ком….

— А я понял, Петрович, — перебил его Фирсанов, и задумался.

Он стал размышлять над словами сказанными Красновым. Как–то само собой он вновь вытащил папиросы и предложил майору. Краснов отказываться не стал, видно предчувствие скорого конца не отпускало его ни на миг. Вот и хотел Валеркин отец жить на полную катушку даже среди этого вонючего болота.

Сколько прошло времени, было неизвестно. Дверь в камеру открылась, и в его проеме показался «кум». Он стоял с видом хозяина, широко расставив свои ноги. Хромовые сапоги

были начищены до зеркального блеска. Синие галифе были выглажены так, что об них можно было порезать пальцы. Новая портупея с наганом в кобуре перепоясывала такую же новенькую шевиотовую гимнастерку.

— Ну что, жиган, ты созрел для нашего базара? — спросил начальник оперативной службы тюрьмы. — В говне сидишь по самые уши? Я слышал, ты хочешь со мой поговорить?

Фирсанов взглянул на кума и сказал:

— Знаешь, начальник, — это дерьмо можно в бане отмыть. Страшнее то, которое внутри. Его отмыть порой даже жизни не хватит, — гордо ответил Фирсанов, повторяя слова Краснова. — Ты начальник, «лепилу» приторань, а то этот майор загнется, — продолжил Фирсанов, и кивком указал на лежащего политарестанта. Он рассчитывал, что сможет через санитара передать в камеру «маляву», в которой обрисует всю ситуацию, в которой оказался.

— Ему «лепила» не нужен! Этому немецкому шпиону и так осталось жить до приговора «тройки». Чекисты на него уже собрали досье по 58– 1а. Осталось только в трибунал передать и — все! Эй, майор, ты повремени подыхать– то, тебе завтра с делом знакомиться, — сказал «кум» через плечо Фирсанова. — Так что, Ферзь, будешь с администрацией дружить?

— Хрен возьмешь, начальник, Сашу Ферзя! — сказал Фирсанов и, согнув руку в локте, другой рукой стукнул по внутренней стороне, показывая такой русский хер.

— Ну что ж, тогда посиди еще суток пять, может до тебя дойдет. Не таких воров ломали….

Кум плюнул себе под ноги, и дверь в камеру закрылась. В ней вновь стало темно и тихо.

— Слушай, Петрович, нам надо что-то делать. Эти вертухаи нас тут сгноят. Это факт….

— Бежать, что ли? — спросил Краснов.

— Да отсюда Ты хрен на лыжи встанешь. Я просто хочу связаться по тюремному «телефону» и организовать нам с тобой нехилый «грев». Жрать хочу, как медведь бороться.

Сказанные опером слова очень тронули Краснова. Он знал, что за «измену» Родине, которую ему вменяют, он точно получит расстрел. Еще были свежи в памяти репрессии над Тухачевским, Якиром, Рокоссовским. Так– то были боевые генералы, которым немалые сроки дали, что уж говорить о сотнях и тысячах простых майорах и капитанах, расстрелянных по доносам своих же сослуживцев.

Времени оставалось очень мало, и он решил через Ферзя передать весточку жене и сыну.

— Саша, у нас, наверное, есть еще пару дней. Я знаю, что я сюда, в эту камеру больше не вернусь, а Ты наверное, сможешь увидеть Валерку и передать ему мои последние слова.

— Петрович, о чем это вы? Я думаю, что суд во всем разберется. Этого же не может быть?

— Может, Саша, может…. Мы, просто заложники своего времени…. Нам не повезло….

Фирсан смахнул рукой слезу со щеки и, вскочив на деревянный настил, заорал:

— Суки, как я вас ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

После чего он без всякого отвращения прыгнул в вонючую жижу, и постучал алюминиевой миской по стояку канализации. В ответ моментально послышались стуки со всех этажей тюрьмы.

— Эй, эй! — проорал он в трубу.

— Говори, — донесся глухой звук.

— Каторжане, я с хаты восемь три — Ферзь мое погоняло. Меня мусора в трюм запрессовали — на пятнадцать суток. Второй день не кормят, ломают. Если кто может, подгоните «грев». Жрать хочу, курить хочу, аж шкура от вшей чешется!

— Базара нет, браток. Сейчас все сделаем, — послышался гулкий звук.

Фирсан отошел от трубы, потирая от радости свои руки.

— Сейчас, Петрович, у нас и хлеб, и «бацилла», и табак будет, — сказал Фирсанов. — На пока, покури.

И Сашка протянул последнюю папиросу Краснову. Петрович дрожащими руками взял папиросу и дунул в гильзу. В этот момент на его глаза накатилась крупная слеза. Конечно же, ему было сейчас трудно говорить. Ожидание своего конца могло утомить любого, даже самого сильного духом человека. Затянувшись три раза, майор оторвал кусок гильзы зубами и передал папиросу Фирсанову.

— Кури!

Минут через двадцать в стояк кто-то постучал. Сашка спрыгнул на пол и подошел к трубе.

— Эй, — обозначился он.

— Ферзь, держи «грев»! По «киче» прогон пошел, что ты в «трюме», так что не переживай, все будет путем…. Каторжане все в курсах. Чем можем, тем и поможем!

— Давай, ловлю! — прокричал он, и отошел от трубы.

Сверху послышался звук падающей воды, который бывает обычно после того, как арестанты промывают парашу. Вновь вода с шумом вырвалась из отколотого куска трубы, только на этот раз вместо дерьма, выскочили аккуратные круглые колбаски, связанные веревкой. Фирсанов отцепил их, и три раза ударил миской по трубе.

— Спасибо, братаны! — крикнул он в нее. — «Грев», принял! Срите только меньше, а то меня вашим дерьмом скоро затопит, — прокричал он следом, как бы шутя.

Отмыв пропитанные парафином оболочки «торпед» от остатков человеческих фекалий, он аккуратно развернул туго скрученные газеты. В одной «торпеде» лежало больше пачки папирос и спички. В другой был завернут табак, перемешанный с махоркой. В третьей «торпеде» лежал кусок сырокопченой колбасы и шмат сала, граммов на триста.

— Во, бродяги, дают! Колбаса, «бацилла», куреха! Что еще каторжанину надо? Продержимся, Петрович! Ты сам своего сына увидишь и все ему расскажешь. Правда, Валерка твой, мою кралю отбил, но я теперь не серчаю на него. Правильный у тебя, батя, пацан!

Краснов посмотрел на Фирсанова и улыбнулся при виде каторжанской солидарности. Сейчас его занимали совсем другие вопросы. Нужно было, во что бы ни стало, сообщить жене и Валерке о том, что он никогда больше не сможет вернуться домой.

Глава одиннадцатая

Дядя Жора

Прошло более двух месяцев после ареста отца. За это время от него не было ни слуху, ни духу. Передачи, которые мать собирала ему, не принимались, и она раз за разом возвращалась домой, так и не зная, жив ли Леонид Петрович или же…. Как раз об этом ей не хотелось даже и думать. Вечером одного дня, когда мать после очередного посещения «американки» — смоленской тюрьмы находилась в трансе. В тот миг кто-то постучал. Валерка бросился к двери, ожидая хороших новостей, но на пороге увидел незнакомого паренька лет шестнадцати. Он был неухожен и подозрительно бледен, словно страдал чахоткой.

— А. Красновы здесь живут? — спросил он, переминаясь с ноги на ногу.

— Да, — ответил Валерка, –Я Краснов, — сказал он, не представляя, что нужно парню.

— Я тебе «маляву» с «кичи» притаранил, — сказал он по «фене», и снял с головы засаленную кепку. — У тебя «мойка» есть? — продолжил он, глядя на Валерку большими глазами.

— Слушай, я ничего не понял, что за «малява», что за «мойка»? — переспросил Валерка, пожимая плечами.

— Меня звать Сергей, мое погоняло Карнатик, я с тюрьмы, вам письмо принес от вашего папаши…. Дай мне «мойку», тьфу Ты лезвие. Мой каторжанский «лепень» пороть будем.

— Пройди в квартиру, — пригласил его Валерка, и провел парня в комнату.

Достав лезвие, он подал его пареньку и стал с интересом наблюдать за его действиями. Тот снял пиджак и с ловкостью вспорол лезвием заплатку на рукаве, под заплаткой лежала записка.

Сердце Валерки казалось в ту секунду, вырвется из груди. Он смотрел на кусочек промасленной бумаги, и каким-то шестым или даже седьмым чувством почувствовал, что это послание писал его отец.

— Мам! — крикнул он матери. — Тут от отца, письмо принесли!

Мать ворвалась в комнату с глазами полными надежды и накативших на глаза слез. Она в этот миг ничего не могла понять. Схватив трясущимися руками жалкий кусок бумаги она даже не могла прочесть то, что было там написано. Слезы почему–то градом катились по её щекам.

Светлана старалась развернуть сложенную записку, но трясущиеся руки мешали это сделать. Она, увидев, что у неё ничего не получается, вновь вернула записку Валерке, и затаив дыхание, посмотрела на сына.

— Валера, сынок, –прочти. Я очень волнуюсь….

Валерка аккуратно развернул записку. В его глаза брызнули до боли знакомые буквы отцовского почерка. На глаза мгновенно накатила пелена проступивших слез. Он, глубоко вздохнул и, набрав полную грудь воздуха начал читать:

«Моя Светочка и Валерка! Много написать у меня не получится. Хочу, чтобы вы знали, что я ни в чем не виновен…. Не стоит слушать людскую молву и даже верить приговору, по которому меня пытаются осудить.. Я не думаю, что у меня будет возможность написать еще, но при оказии обязательно я это сделаю. У меня нет слов, чтобы выразить все то, что я чувствую к вам в этих холодных и сырых стенах. Я верю, что наш Валерка станет настоящим мужиком и никогда ….»

Записка закончилась как–то внезапно и непонятно. Было ощущение, что сатрапы смоленского НКВД просто вырвали её из рук, не дали шанса закончить отцу предсмертное послание.

— А что дальше? — спросила недоуменно мать.

— А все, — ответил сын удивленным голосом и подал записку матери.

— Я, это…. Хочу сказать, что батьку вашего из камеры тогда забрали. Он мне сунул эту «маляву» и, уже уходя, назвал ваш адрес. Еще он сказал, что вы денег мне дадите, — сказал Карнатик, кусая свои ногти в ожидании причитающегося вознаграждения.

Мать Валерки сидела за столом, подперев голову руками. По её лицу текли слезы, и она ничего в эту минуту не понимала. Огромное горе сжало её сердце сильной рукой разлуки, и она почувствовала, что это письмо от мужа было последним.

— Мам, у тебя есть деньги — надо с курьером рассчитаться, — сказал Валерка, положив свою руку матери на голову.

Словно отойдя от сна, мать встрепенулась. Она вытерла накатившиеся слезы, тихо сказала:

— Ах да! Прости меня малыш — я совсем расклеилась. Привстав из–за стола, она подошла к комоду. Вытащив из него шкатулку, Светлана достала червонец и протянула его пареньку.

— Премногое вам, мерси, — сказал Карнатик, и спрятал деньги во внутренний карман пиджака.

— Может, ты кушать хочешь? — спросила мать. — В тюрьме, наверное, очень плохо кормят. Я вижу ты сильно бледен –голодал наверное?

— Я, мамаша, полгода под следствием на «киче» парился. Вот и отощал на казенных– то харчах. В деревню, к бабке, поеду. Там молоко, сметана есть. Через месяц оклемаюсь и наберу потерянные жиры….

— Ладно, проходи на кухню, — сказала ему Светлана, и пригласила за стол.

Карнатик, без всякого смущения уселся за стол и, закинув ногу на ногу, приготовился к трапезе.

Мать отрезала краюху хлеба и достав из духовки еще теплый суп, налила целую миску.

— Суп гороховый будешь? — спросила его Валеркина мать.

Карнатик, жадно откусывая хлеб, лишь махнул своей головой. Налив миску горохового супа, она подала его гостю, а сама, подойдя к окну, скрестила на груди свои руки и, отключившись от всего мира, уставилась на улицу. Карнатик ловко орудовал ложкой, со звоном и стербаньем, опустошая фарфоровую тарелку, пока в ней не осталось ни капли.

— Вы, мамаша, так особливо–то не переживайте, может быть вашего благоверного отпустят…. Там щас на «киче» полная неразбериха

.Кто за кражи, кто политические, кто за всякие убийства сидят, кто враги народа и шпиёны всякие…. Не тюрьма, а настоящий пчелиный улей. Не ровен час — отпустят, — сказал Карнатик, вселяя в Светлану надежду. Она, кутаясь в шаль, накинутую себе на плечи, молчала и продолжала стоять и смотреть в окно. Было такое ощущение, что она вообще не слышит гостя.

Карнатик, видя, что на его слова никто не реагирует, тихо вышел из кухни и направился к выходу. Валерка вышел за ним и, пройдя на лестничную клетку, спросил:

— Слушай, Карнатик, как он там, расскажи мне без матери. Я правду хочу знать.

— У тебя, наверное, больше нет батьки. Ферзь просил передать на словах, что твой отец настоящий мужик. Он с ним в карцере сидел. Отца твоего с «кичи» увезли…. Куда и когда, никто не знает. Ферзь пробивал по всей тюрьме, его ни в одной хате не было. Может в управление…. Там, во внутреннем дворе, тоже есть тюрьма.

— А, Ферзь, это….

— Это Фирсанов Сашка. Он сейчас на «киче» в авторитете! Сам Ваня «Шерстяной» – его в жиганы перевел. Теперь он паханит и цинкует за «Американкой».

— Фирсан в паханах? — с удивлением переспросил Валерка. — Он же еще молодой….

— Ворам, браток, виднее. Чуют воры, что Ферзь, каторжанин правильный, от того и ставят его в паханы, — сказал тот. — Ладно, бывай, я пошел.

Валерка смотрел вслед уходящему по лестнице парню, а слезы уже заполняли его глаза подобно дождю наполняющего лужи. Не верил, не верил он в то, что отца больше нет. Не верил, что вот так просто можно, без всяких доказательств приговорить человека к расстрелу. Не верил и не понимал, что происходит в этом мире такого, что ему еще не понятно? Видно, прав был старый еврей Моня, когда говорил ему, что дьявол будет жать свою жатву стоя по самые колени в крови, и пожирать своих же детей от духа своего и плоти.

В груди, словно загорелся огонь, а перед глазами вновь поплыли буквы, выведенные аккуратным почерком отца. Валерка вошел в комнату и ничего не говоря матери, рухнул лицом на диван. Он плакал, словно мальчишка, тяжело вздыхая и воя, подобно собаке, потеряв любимого хозяина. Он плакал, вытирая глаза рукавом рубашки, и не верил, что судьба разлучила его с отцом уже не на день и даже не на десять лет, а навсегда.

Судьба развела их на всю жизнь и больше никогда он не увидит его чистых и хитрых глаз и сильных отцовских рук. Он плакал, и не знал, что это были последние его юношеские слезы. Сколько их еще будет в его жизни, он не знал, но, то уже будут совсем другие слезы — слезы горечи и потерь боевых друзей и горячо любимых подруг, с которыми ему предстоит познакомиться.

Леночка вошла в комнату беззвучно, словно пантера. Перед её глазами предстала странная картина: Будущая свекровь стояла на кухне около окна и дымила папиросой, пуская густой дым в стекло. Валерка лежал на диване лицом вниз и молчал, не обращая ни на кого своего внимания. Он был в полном трансе.

Лена подошла к нему и, присев на край дивана, положила руку на голову. Краснов в ту секунду даже не шевельнулся. Он, продолжая скорбеть по окончательной потере родного человека. Так и сидела Лена, держа руку на его голове. Она гладила его по голове, перебирала ему густые волосы, пока Краснов не обратил на неё внимание. Он взял ладонь Лунёвой в свою

руку и нежно поцеловал. В эту минуту Леночка поняла, что горе вернулось в семью Красновых. Девчонка не стала приставать к своему кавалеру с расспросами, внутренне понимая, что любое слово, сказанное ей, может стать лишним и даже неуместным. Все и так было понятно без слов. Своим влюбленным девичьим сердцем, своей нежностью она хотела просто забрать у Краснова ту боль, которая сжимала его сердце.

— Прости! — сказал Краснов младший. Он хотел улыбнуться, но его опухшие и красные от слез глаза, выдавали истинное настроение.

— У вас были двери открыты. Я подумала….

— Ты правильно подумала, — ответил Валерка, с хрипотцой в голосе.– Отец письмо прислал.

— Жив, — переспросила Леночка, надеясь на чудо.

— Я бы тоже хотел так думать, — сказал Валерка и, поднявшись с дивана сел рядом с Лунёвой.– Прости, что я в таком виде….

— Я понимаю, — ответила девушка.– У меня ведь тоже погиб отец в Монголии.

— Когда заешь, что он умер, проще жить. Я каждый день надеюсь, что вот сейчас он войдет в квартиру и, улыбаясь, скажет: «Собирайся сын, поедем на охоту».

— Да, Валерочка, ты прав! Неведение — это хуже всего.

Валерка встал с дивана и, подав девушке руку, помог приподняться.

— Мать на кухне, сходи — поздоровайся с ней, — сказал Валерка, и обняв Леди, поцеловал её. Сердце Ленки сжалось, но тут же, отпустило. Она в тысячную долю секунды поняла, что это был поцелуй не любящего человека, это был поцелуй последней Валеркиной надежды.

— Не надо, — тихо сказала она Краснову — Не надо…. Верь, отец к вам обязательно вернется и вы снова будете все вместе….

Глубоко вздохнув полной грудью Лунёва, прошла на кухню и, подойдя к Светлане, обняла её за плечи.

— Здравствуйте Светлана Владимировна.

Будущая свекровь прижала к ней свою щеку и тихо ответила:

— Здравствуй Леночка! Прости, я сегодня не в форме. От нашего папы весточка была, я очень расстроилась, сказала она, вытирая носовым платком заплаканные глаза. — Парень приходил какой-то. Его с тюрьмы выпустили. Вот он весточку и принес….

Мать, переживая всем сердцем постигшее её горе, замкнулась в себе, и буквально за три дня на голове еще молодой женщины появились первые пряди седых волос. Она никак не могла смириться с потерей мужа и это чувство неизвестности, постоянно угнетало её, порой доводя до спонтанных истерик и приступов неврастении.

С момента ареста отца, прошли уже более двух месяцев, а кроме той жалкой записки на тюремном клочке промасленной бумаги, больше никаких вестей от мужа не было. Несколько раз она ходила на прием в управление НКВД, но каждый раз слышала только одно:

«Ждите, о судьбе майора РККА ВВС — Краснова, вам сообщат официальным письмом….

Время шло, а о судьбе бывшего летчика и героя Испании, майора Краснова, никто извещать так и не спешил.

Все давно знали, что приговор тройки уже приведен в исполнение, а его тело вместе с сотнями тел таких же, как он командиров рабоче– крестьянской красной армии, теперь уже покоится в безымянной могиле невдалеке от поселка Катынь.

Глава двенадцатая

Арест матери

Прошло уже четыре месяца после того, как арестовали отца. На дворе уже была темная сентябрьская ночь. «Воронок», скрипнув тормозами, замер невдалеке от подъезда, где еще

совсем недавно жила в полном составе семья Красновых. Красные точки горящих окурков в машине, просматривались сквозь мокрое от дождя окно. Их было трое. Синие галифе, промокшие от дождя плащ — накидки, черные хромовые сапоги, да фуражки с малиновой тульей.

В те годы, люди в такой униформе, почти в каждую семью несли беду и были плохим знаком, наподобие «черной кошки», которая внезапно появлялась на пути, пересекая дорогу. Не обошла беда и семью Красновых. Следом за отцом, в застенки НКВД, как «жена врага народа», угодила и Светлана Владимировна.

Светлана, вероятно, чувствовала, что время её пребывания на свободе сочтено, а машина сталинского «правосудия», уже начало творить свое коварное и беспощадное дело. В те годы многие ощутили на себе, что за арестом главы семьи, как правило, карательные органы системы, производили окончательную зачистку. Почти все члены семьи не пожелавшие отказаться от родственных уз, подвергали репрессиям по статье 58– 1в УК РСФСР.

Лишь сумрак пал на улицу, в дверь Красновым кто-то убедительно и настойчиво позвонил.

Светлана, положив свои ладони на грудь, тихо подошла к двери и мелодичным и тихим голосом спросила:

— Кто там?

— Краснову Светлану, — обратился невидимый, неизвестный мужской голос.

— Да! Я вас слушаю….

— Вам послание от мужа, — проговорил тот же голос.

Сердце Светланы в этот миг екнуло. По всему телу пробежала волна Какой-то невиданной слабости. В голове полетели разноцветные круги, и ноги Светланы Владимировны подкосились. Опершись спиной на дверь, она стала медленно опускаться на пол. В эту секунду все смешалось в её голове. Страх, жуткий страх, сковал её тело, а на уставшие от слез глаза опустилась какая-то полупрозрачная пелена.

В тот миг кто-то за дверями заорал:

— Открывай, сука, мы знаем, что ты там, — проговорил тот же голос, но уже более настойчиво и с нескрываемой грубостью. — Ты контра, пожалеешь, когда мы эти двери выломаем!

Валерий, шокированный вечерним визитом незваных гостей, одевшись на скорую руку, выскочил в коридор и заслонил спиной мать. Он стоял напротив двери и непонимающими глазами смотрел на неё, как бы спрашивая её совета. Краснов всем сердцем ощутил какую-то незащищенность и странную беспомощность. В это мгновение ему хотелось броситься к двери, навалиться на неё всем телом. Забаррикадироваться и принять смертельный бой, чтобы защитить мать от этого произвола. Хотелось, но что-то его сдерживало….

Валерий тихо подошел к матери, и, опустившись на колени, обнял за плечи. Прижав голову к своей груди, он глубоко вздохнул и поцеловал её в щеку. Спазмы сжали его горло, словно тисками. Валерка в ту минуту молчал. Он боялся спугнуть те последние секунды, которые остались у них.

Глухие удары тяжелых сапог в дверь, в унисон слились с ударами их испуганных сердец.

— Открывай, же — сука, — вновь послышался голос, и дверь загудела под натиском разъяренных чекистов.

Валеркина мать приподнялась с пола и с каким-то отрешенным и смиренным видом, открыла стальную задвижку. Дверь с грохотом распахнулась, чуть не расплющив Валерку о стену.

— Краснова Светлана Владимировна, ты? — спросил мордатый НКВДешник.

В ту секунду от него дурно пахло луком и перегаром деревенской сивухи, которую, судя по всему, он пил буквально перед тем как арестовать Светлану.

— Да! — ответила Краснова.

— Почему так долго не открывали? Что, прятали улики!? Шифровки в печи жгли?

— Мы уже спали, нужно было одеться, — сказала мать, более спокойным и ровным голосом.

— Панфилов, глянь голубчик на кухню, может, они какие вещ. доки в печке палили? Эти контрики на все способны!

— Есть, товарищ капитан, — сказал молодой чекист и, оттолкнув Краснову, скрипя своими сапогами по паркету, вошел на кухню. Он заглянул во все углы, не исключая и помойное ведро.

Тем временем капитан НКВДешник, скинув с себя плащ– накидку, повесил её на вешалку и, посмотревшись в зеркало, улыбаясь, сказал:

— Вы нас не ждали, а мы приперлись! Ну, хозяйка, показываем, где у вас антисоветская литература лежит, где оружие спрятано и иностранные денежные знаки и аппаратура для связи с резидентурой?!

Он схватил Светлану за предплечье, сопроводил её в комнату и толкнул вперед себя. Наугад, нащупав рукой выключатель, чекист включил свет, и заставил мать и сына сесть на диван.

— Ну, шо, господа шпиёны, контрреволюционеры, троцкисты — утописты будем собирать вещички, — спросил капитан, ерничая над горем. — Вот полюбопытствуйте мадам, это так сказать мандат на ваш арест, — сказал чекист, и поставив перед Светланой стул, уселся перед ней, показывая торжество власти.

Он достал из галифе папиросы и, дунув в гильзу, прикурил от немецкой бензиновой зажигалки. В тот миг Валерка вспомнил эту зажигалку. Эту зажигалку после футбольного матча с легионом «Кондор» подарил отцу один из немецких летчиков, и спутать её было нельзя. На ней красовался имперский орел со свастикой в когтях.

— Так, граждане арестованные собирайте вещички! Два комплекта нижнего теплого белья, ложка, миска, кружка. Можно не скоропортящиеся продукты в виде сала и копченостей. Можно, мыло, одеяло и сухари, — говорил НКВДешник, словно по — заученному, наполняя комнату табачным дымом.

Из кухни в комнату вошел лейтенант. Он с треском откусил наливное яблоко, которое взял там без спроса с кухонного стола и, чавкая, сказал:

— Егорович, нет там ни хрена — никаких документов! Печь не топлена! Все чисто.

— А откуда им там взяться, дурень! У них два месяца назад обыск был. Ты че, летёха, вообще ничего не усекаешь? Ничего, обвыкнешься, салабон! — сказал капитан, продолжая куражиться над Светланой.

— А, а, а, понял, — ответил лейтенант. — Это типа такой маневр! Пока я Егорович, на кухне мусорные ведра шмонаю, вы тут товарищ капитан, по золотишку да по ассигнациями специализируетесь!

— Брось нести околесицу! Сядь — не мешай работать, — сказал старший.

Лейтенант, откусив яблоко, уселся рядом со Светланой, и демонстративно закинув ногу на ногу, бросил на пол перед ней огрызок, и сказал:

— Че сидишь — овца? Собирай, манатки, на кичу поедем, клопов кормить….

В груди Валерки в тот миг, словно разорвалась граната. Ему так захотелось залепить этому холеному сатрапу ногой прямо в его наглую физиономию, но он еле сдержал свои эмоции, не поддаваясь на провокации. С чувством ненависти, он крепко сжал зубы так, что бугры мышц, зашевелились на его скулах. Закипая от злости, и не говоря, ни слова, Валерка нагнулся и, подняв злосчастный огрызок, с силой сжал его в кулаке.

— Давай, давай щенок! Чистота — это залог здоровья, — сказал лейтенант с непонятной ненавистью к обитателям этого дома, будто в тот миг перед ним были не граждане страны советов, а заклятые враги и предатели.

— Ты Панфилов, особо не зарывайся! Дай даме спокойно собраться! Чай дорога ей сегодня дальняя — в казенный дом. Пусть соберет вещички, как полагается, а то накатает жалобу Фатееву, будут нам потом и премиальные, и кубари на петлицах.

Видя, с каким пренебрежением чекисты обращаются к матери, Валерка с такой силой сжал в руке огрызок, что раздавил его. Остатки мякоти просочилась сквозь пальцы.

— О, о, о, Егорович, глянь на пацана! Сейчас в драку бросится шкет! Прыщ плюгавый….

— Угомонись, Панфилов! Мальца не трогай, ведь она ему мать, — сказал старший. — Пепельница хоть в этом доме есть? — спросил он, обращаясь к Валерке.

Краснов поднялся с дивана и прошел на кухню. Вернувшись, он поставил отцовскую пепельницу сделанную солдатами из латунной гильзы артиллерийского снаряда на стол. На ней искусно была выгравирована дарственная надпись, и барельеф военного летчика в обрамлении лавровых веточек.

— Занятная вещица, — сказал капитан, с любопытством рассматривая днище тяжелой, латунной гильзы. — Батьке, что ли подарили?

— Да отцу! — сухо ответил Валерка, видя, как мать складывает свои вещи в небольшой узелок.

В тот миг его словно осенило. Он вспомнил про отцовский «Браунинг», который был спрятан в подвале дома. Сейчас это была единственная возможность поквитаться с чекистами и даже спасти мать, думал он, сжимая кулаки.

Мысль, словно шило, кольнула его в мозг, а в груди загорелось желание всадить в этих страшных людей всю обойму. Как сын своих родителей, Валерка знал, знал, что ни мать, ни отец, ни в чем небыли виновны и это были чьи–то происки. Для него они были святыми. Он чувствовал, что по чьей–то чужой воле, по чьему–то ложному навету они просто стали заложниками этого времени.

В голове Краснова одна идея сменяла другую, изыскивая всевозможные варианты его дальнейших действий. Как он ни старался исключить расправу, все его думки сходились только на злосчастном «Браунинге». Он уже как бы почувствовал холодок металла в своих руках, и даже представил, как пули, выпущенные им из пистолета, поставят точку в каком–то беспределе и беззаконии.

— Ну что тетка, собрала свои хотули? — спросил капитан.

— Я готова, — спокойным и ровным голосом ответила Валеркина мать, не теряя душевного ни достоинства, ни женской гордости.

— Ну, раз готова — тогда пошли!

Чекисты поднялись и, пропустив вперед Светлану, собрались, было идти, но….

Валерка вспыхнул, словно порох от искры. В одно мгновение он вскочил, и следом бросился на шею матери. Он крепко в последний раз обнял её, и прижал к своей груди. Валерка целовал материнские щеки, стараясь хоть на минуту, хоть на секунду задержать её в своих объятиях. В тот момент молодой лейтенант грубо оттянул его за плечо, и со всего размаха ударил парня в скулу. Краснов не удержал равновесие, и словно подкошенный рухнул на пол.

Валеркина мать, увидев, как здоровый мужик ударил её сына, что было сил, заорала:

— Что ж вы делаете, люди вы или звери? Он же еще ребенок!

— Прочь с дороги, щенок! Раз ты ребенок, готовься — завтра поедешь в приют для таких же, как ты. А квартирку мы сейчас опечатаем, до особого распоряжения начальника управления. Ты понял меня, стервец, — спросил лейтенант, стараясь показать свою власть.

Краснов, тыльной стороной ладони вытер кровь, стекающую из рассеченной губы, и, не отводя глаз от лейтенанта, поднялся с пола. В тот миг что-то тяжелое и гнетущее навалилось на него, странной пеленой. К горлу вновь подкатил комок горечи, а глаза заблестели от слез. Парень вдруг застонал и, упав на колени, стал кулаками бить по паркетному полу, чтобы хоть как–то унять ту боль, что разгорелась внутри его груди. Он бил руками, скулил, катался по

полу, но так и не смог заплакать. Сколько он находился в этом припадке ярости и скорби, он не знал.

С каждой минутой Валерке становилось все хуже и хуже, пока он не провалился в черный «церковный» подвал сна.

Леди уже почти по привычке, бесшумно вошла в квартиру Красновых. Первое, что она увидела, это был Валерка, который неподвижно лежал на полу. Квартира была пуста. Не было в ней ни приветливой улыбки Светланы Владимировны, ни её прежнего тепла. Создавалось такое ощущение, что злая и неведомая сила лишила этот дом своей души и того семейного счастья, которое было здесь совсем недавно.

Леночка бросилась к Валерке. Встав на колени, он перевернула его лицом вверх. В тот момент она просто его не узнала. Его лицо было серым. Губы вспухли и посинели, а кровь засохла вокруг рта и на подбородке. Ей сначала показалось, что он умер, но тепло его тела говорило, что Валерка жив. Ленка похлопала его по щекам. Краснов приоткрыл опухшие от слез глаза.

— Ты жив, слава богу! Я так испугалась! Что случилось? Почему Ты на полу? — стала его засыпать Леди вопросами.

Валерка приподнялся, сев на пол, он облокотился на диван и, сказал:

— Ночью чекисты приходили. Они и маму арестовали.

— Как? За что, — проглотив ком, еле проговорила Ленка, всем сердцем сочувствуя Краснову.

— За то, что она жена врага народа и немецкого шпиона! — сказал Валерка с суровым выражением своего побитого лица.

Он встал с пола и молча, прошел на кухню, где над печкой на полке лежали уже его папиросы. Он взял одну папиросу и прикурил. Теперь он остался один. Не было того строгого отцовского внимания и материнского неодобрения его дурной привычки. Он был один, и это чувство было до ужаса, до нестерпимой боли неприятным. Тяжело было сейчас осознавать такую потерю, да и даже думать о ней, как о свершившейся правде.

— Что ты молчишь, ведь надо что-то делать!? — бросилась к нему Ленка, стуча ему в грудь своими маленькими кулачками.

— Что я смогу сделать? Написать дедушке Калинину, поехать в Москву к Сталину? Что, что? Ты можешь сама сказать, что?

— Я, Валерка, не знаю…. Это какое-то недоразумение. Неужели никто не может остановить это безумие — это же не тридцать седьмой год?

— Ты бы, поменьше болтала, а то и тебя за антисоветчину упекут. Ты лучше в школу иди, а мне нужно найти жилье. Сегодня придут чекисты квартиру описывать и опечатывать. Меня обещали в приют отправить. Я знаю, по этой статье меня тоже могут сослать, куда– нибудь в ссылку.

— А может к нам? — спросила Леди, глядя на него заплаканными глазами.

— А что скажет твоя мать? Жених пожаловал, без гроша за душой…. Нет, Леночка, я так не могу. К бабке надо ехать в деревню….

— А как же школа? Как твои полеты? Ведь это же, Валерик, последний год.

— Я не думаю, что в ФЗУ меня примут с объятиями. Вон, у Ваньки, тоже арестовали отца и мать. И где теперь тот Ванька? В приюте для детей врагов народа отправлен? Нет, Ванька, уже далеко в Забайкалье. Я так не хочу! Это не мое. Я должен, должен стать военным летчиком. Отец должен гордиться мной! Ты это — понимаешь, я ведь ему и матери обещал?

Когда он говорил это, то даже на сотую долю не мог усомниться, что отец еще жив. Он не мог, да и просто не хотел впускать в свою голову мысль, что больше никогда не увидит его. Валерка сунул руку под стол, где был его тайник. Вытащив жестяную коробку из-под мон-

пансье, он открыл её. Значки, фотографии, Ленкины записки, комсомольский билет и другие документы хранились в ней, как самое дорогое и ценное в его жизни.

Положив коробку на стол, Краснов стал укладывать свои вещи в большой отцовский фанерный чемодан. Леди, совсем забыв об учебе, принялась помогать ему в его нелегких сборах. Сейчас ей было все равно, пропустит она уроки или нет. Необходимо было в такую минуту помочь Краснову. Книги, учебники, тетради она складывала ровными стопками и перевязывала шпагатом. Через час все было готово. В квартире осталась лишь мебель с казенными инвентарными номерами, да кухонная утварь.

— Вот и все, — сказал Валерка, и присел на диван, где еще ночью сидел слегка подвыпивший чекист.

— Немного же у тебя вещей. Ты Краснов, не очень–то и завидный жених! Оставь их пока у нас, я думаю, мама будет не против, — сказала Леночка, положив голову ему на плечо.

— Так найди себе богатого нэпмана или лучше НКВДешника! Пусть он тебе дорогие вещи покупает, — обидевшись, сказал Валерка и, отвернулся.

— Прости! Прости, я не хотела обидеть тебя, — сказала Лена и поцеловала парня в щеку. Она подвинулась к Краснову поближе. Взяв его за руку, она нежно прижалась к его щеке. Она была на удивление теплая. В тот миг Ленка почувствовала, как кто–то невидимый нежным перышком начал щекотать её внутренности. Это было настолько приятно и ново, что она не удержалась и вновь поцеловала его.

Парень удивился. Леночка никогда за все время дружбы не допускала себе подобных вольностей. Наоборот, её строгость и девичья неприступность импонировали Краснову. А сейчас — сейчас она была на удивление мила и доступна. Её запах, её нежная кожа притягивали, словно магнит. Набравшись духа, Валерка, закрыв глаза, чмокнул Ленку в щеку. К его губам моментально прилип её приятный и неповторимый вкус. Он настолько будоражил его чувства, что Краснов впервые ощутил, как он желает быть с этой девочкой. Ему казалось, что внутри его, словно в стакане с газировкой «Ситро», стали подниматься мелкие пузырьки. Они исходили откуда–то с самого низа и, поднимаясь вверх, касались его легких, его сердца, после чего распадались миллионами молекул. От этих чувственных прикосновений было необычайно приятно и как–то странно тепло.

Сам того не заметив, Валерка коснулся её колен. На его действия Леди не обратила никакого внимания, она лишь сильнее прижалась, а её теплые губы вновь коснулись шеи парня. Это прикосновение, словно удар тока пронзило все тело мальчишки. Ленка задышала. Задышала глубоко. Задышала чувственно, высоко поднимая грудь. Ей хотелось, чтобы он, целовал её. Впервые в жизни она испытывала подобные чувства, которые обычно испытывают женщины, мечтающие о великой любви. Все его прикосновения, были настолько нежные и страстные, что сводили её с ума. Ей вдруг даже захотелось умереть в его объятиях.

Откинувшись на диван, Лунёва, стыдливо прикрыв глаза, и отдалась Краснову. Вся целиком - без остатка. Его пальцы пробежались по пуговицам. Их было столько много, что Краснову показалось, что он разминается перед игрой на баяне.

— Ты хочешь быть со мной, — прошептала Ленка, подставляя горячие губы.

Но в это мгновение, в двери кто-то нежданно постучал.

Тело Краснова дернулось. В голове моментально возник образ матери, вернувшейся из тюрьмы. Но этот вариант был, сразу отвергнут, и он вспомнил, что это были сотрудники НКВД.

Он вспомнил, что сегодня они должны были прийти, чтобы опечатать отцовскую квартиру. Увлекшись романтической игрой, он абсолютно выпустил этот факт из головы.

— Ленка! Черт! Это ЧК! — сказал он, и, вскочив с дивана, стал приводить себя в порядок.

Леночка спокойно поправила платье и прическу. Но пунцовый цвет её лица скрыть было невозможно. Воздух в квартире был, пропитался запахом пота и аурой любви. Любой человек,

вошедший в эту среду, мгновенно понимал, что минуту назад здесь происходило то, что происходит между влюбленными в минуты их уединения.

Пока Краснов метался по квартире, в дверь вновь постучали, но уже более грубо. Вход пошли каблуки сапог. Впервые в жизни он ощутил себя на месте любовника, которого застал муж в постели своей жены.

Стук более настойчивый уже сменило дребезжание звонка. Это повторялось вновь и вновь, но уже более требовательно. Леночка, спокойно открыла окно, и глубоко вздохнула, ощутив, свежесть ворвавшегося воздуха.

Краснов бросился к двери. Его испуганные глаза, его разгоряченное лицо, выдавали его состояние. Наконец–то он отодвинул металлическую задвижку и приоткрыл двери.

На пороге квартиры, широко улыбаясь, стоял участковый уполномоченный дядя Жора. Судя по его ехидной улыбке, он догадался, что происходило за дверями.

— Вот, сам Валерий Краснов, собственной персоной! Сын врага народа, занимается любовью с дочкой знаменитого смоленского врача. Пока его батька с мамкой в тюрьме на нарах, их сын развлекается с девушкой, — сказал он с такой издевкой, что внутри Краснова вспыхнул огонь. — Ты Краснов, собрал свои пожитки? За тобой гаденыш, пришли!

В этот миг Валерка увидел за спиной участкового еще двух человек в штацком. Их суровые, лишенные эмоций лица, выдавали в них представителей компетентных органов.

— Ну, что, будем тут стоять, или пустишь в хату? — спросил дядя Жора, отодвигая Краснова в сторону.

— Да, да, проходите, — словно очнувшись, сказал Валерка, слегка заикаясь.

Участковый, как представитель местной власти вошел первый. Следом за ним прошли чекисты.

— Вот гнездо коварного врага и этого «шпиёна», — сказал легавый, рассматривая квартиру.

— Да, квартирка знатная! — сказал один из гостей, положив толстую кожаную папку на стол. — Будем делать ревизию и опечатывать! Ты парень молодец! Я вижу, ты свои манатки уже сложил. А это кто? — спросил он, рассматривая с любопытством Ленку, которая сидела на диване.

— Это моя подруга. Мы домашнее задание делали, — соврал Краснов так нелепо, что все сразу ему «поверили».

— А чего она не в школе? Может у вас здесь медовые каникулы? — спросил чекист и, улыбнулся, обнажив свои желтые от табака зубы. — Ну, пока мамочка с папочкой в командировке!

— У меня занятия во вторую смену, — соврала Леди. — Я пришла помочь собрать вещи, — оправдываясь перед чекистом, сказала она.– А что тут плохого?

— Да нет ничего — дело то молодое! Квартирку нужно сегодня же очистить от имущества. Тут теперь будет жить наш начальник отдела.

— Как это? — спросил участковый с удивленным выражением своего лица.

— А вот так вот! — ответил чекист. — Ты Петрович, свою на Рачевке получишь! Там сейчас новые бараки как раз строят. А эта квартирка будет нашему начальнику четвертого отдела ОПЕРОД товарищу Фатееву. Он у нас женился недавно и очень нуждается в добротном жилье с молодой женой.

— А я? — спросил участковый.

— А Ты Петрович, головка от патефона! Ха, ха, ха! Ладно, хорош базлать, околоточный! Садись, будешь писать инвентарные номера. Тут вся мебель казенная, как и квартира! А Ты пацан, давай выноси свои вещички на улицу! И будь наготове, сегодня поедешь в Ярцевский интернат для детей врагов народа! Там из тебя сделают настоящего Советского человека!

— Гы, гы, гы, — засмеялся участковый, словно конь.

Уполномоченный сел за стол на диван и приготовился к описанию имущества. Внутри него все кипело. Он никак не мог ожидать, что та квартирка, которую он подготовил для себя, сейчас достанется кому– то другому.

— На, вот, Петрович, держи акт и ручку…. А мы будем тебе диктовать.

Дядя Жора взял в руки чернильную автоматическую ручку и открыл колпачок. Встряхнув её на пол, он, глядя на чекистов собачьими глазами, приготовился писать.

Тем временем Валерка понемногу стал выносить вещи из квартиры на улицу. Стопки книг, сумки с тряпками, отцовский чемодан, все это он ставил на лавочку возле подъезда, где почти всегда сидели старухи. Нажитых за время службы вещей особо и не было. Квартира, как и мебель все было казенное и поэтому не принадлежало семье Красновых. Отец был красный командир, поэтому люди его сорта всегда обеспечивались жильем за счет государства, которому они преданно служили.

Петрович скрипел пером, аккуратно выводя цифры инвентарных номеров, пока НКВДешники, расхаживая по квартире, ощупывали все своими руками — от табурета, до шкафа.

— Вот и чудненько, — сказал один из чекистов, потирая руки, заглядывая через плечо участкового. — Теперь уполномоченный, тут распишись. Тут, тут и тут, — сказал он, пальцем указывая на место для подписей. — Эй, хозяин! — окрикнул он Краснова. — Твой автограф тоже необходим.

Валерка подошел к столу и ничего не подозревая, взял в руки ручку и расписался в указанных местах.

Он еще не знал, что этот его автограф будет скопирован мастерами из управления НКВД и им подпишут протокол допроса его матери. Он не знал, сколько неправды, сколько всяких инсинуаций, интриг и лжи будет закручено вокруг его фамилии. Нужны будут годы, чтобы люди и друзья, знающие его, знающие его семью, поверили в то, что ни отец, ни мать, ни он, ни в чем не виновны.

— Ну, а теперь, хлопец, собирайся. С нами поедешь, — сказал НКВДешник. — Машина около подъезда. Тебя ждет колония имени товарища Макаренко.

По спине Валерки в тот миг пробежали мурашки. Холодный пот моментально выступил под подмышками, и от этого в ту минуту стало как–то неуютно. В его голове скользнула только одна мысль: «Бежать! Бежать! Бежать!»

Валерка, не показывая вида надел летную кожаную куртку, подаренную ему отцом, такой же кожаный летный шлем. Когда он уже был готов, парень, словно пружина сжался и прыгнул. Мгновенно, разбив ногой на кухне окно, он, распластавшись, спрыгнул со второго этажа на куст сирени, росший под окнами. Чекисты какое-то время были в полном замешательстве. Сообразив, что Краснов бежал, они бросились к окну, инстинктивно выхватывая на ходу оружие.

Краснов свалился, словно сокол на свою жертву, широко расставив руки. Куст смягчил его падение. Скользнув по согнувшимся ветвям, он будто по стогу сена, скатился на землю.

— Вот же, сученок, сбежал! Сбежал щенок! — сказал один из НКВДешников, засовывая «ТТ» во внутренний карман.

— А Ты Петрович, сидишь тут, как у тещи на именинах! Что, не мог парня ухватить!? — заорал старший, ища в ту минуту козла отпущения.

— А че, я? Че, я!? Во, я знал, что он будет в окно сигать! Пусть себе бежит, он же еще пацан!

— Что Ты сказал!? — возмутился один из чекистов. — Он не пацан — он сын врага народа! Ему через две недели стукнет восемнадцать лет! А он, как член семьи «немецкого шпиона», должен быть у нас под контролем. Ты что забыл постановление Совнаркома о выселении неблагонадежных на сто первый километр от областных центров!?

— Нет, не забыл, — пробубнил участковый, чувствуя, что все равно он виновен в побеге Краснова. Даже если он и не виновен, то коллеги из ЧК обязательно его таковым сделают, чтобы самим не отвечать.

Ленка, видя, как Валерка скрылся, еще несколько минут находилась в комнате, ничего не понимая. После недолгой перепалки чекистов с участковым, она хотела незаметно выйти из квартиры, но услышала суровый окрик:

— Стоять! Куда собралась?

— Домой, — спокойно ответила Лунёва

— А ну дайка я посмотрю, что ты выносишь из этого дома. Какую –такую литературу тебе передал подозреваемый в шпионаже, — сказал один из чекистов.

Кровь ударила ей в лицо и её щеки предательски загорелись. Леночка вспомнила, что спрятала в портфель свои трусики и чулки. В Какой-то миг ей стало стыдно, но что-то щелкнуло в её сознании. Румянец мгновенно исчез и она, улыбаясь, как ни в чем небывало, подала портфель любопытному чекисту.

— Ну, коли вам так надо, то ради бога смотрите, — сказала она, и положила портфель на стол.

НКВДешник улыбаясь, открыл замки и высыпал содержимое сумки. Тетради, учебники вместе с девичьими трусиками и чулками выпали из портфеля. Увидев, шелковое нижнее женское белье он опешил и даже слегка отпрянул, будто увидел не трусы, а гремучую змею.

— Это что?

— Что — что!? Что невидно — это женские шелковые трусики из Франции и чулочки, — улыбаясь, ответила Леночка.

— А что они тут делают, — спросил недоуменно НКВДешник.

— Мои трусы! Мои чулки, и портфель тоже мой! — ехидно сказала Лунёва, повышая голос.– Куда хочу туда и кладу! Хочу на жопу себе натяну, а хочу в портфель засуну! Это мои личные вещи!

Лицо чекиста стало багровым от злости. Это было сопряжено с особенностями мужской природы. Он не ожидал от девчонки такой дерзости. Руки его, как–то не уверенно затряслись, и чекист, достав папиросу, закурил, чтобы не выдавать своего сексуального волнения.

— Комсомолка? –спросил он.

— Комсомолка, –ответила Ленка

— Шлюха ты, а не комсомолка, — сказал он, делая вопросительный акцент на этом слове.

— Девственница и комсомолка, — гордо ответила Лунёва.– Могу справку принести от доктора.

— Забирай свои манатки, и чтобы духу твоего не было. Изыди сатана! — сказал чекист, и, глубоко задышал, не скрывая гнева.

Лунёва улыбаясь, подошла к столу и с чувством победителя в схватке с мракобесами стала не спеша, но очень эротично складывать в портфель свои вещи. Сперва, она положила книги. Потом тетради. Когда дошла очередь до белья, она растянула перед чекистами чулок и, улыбаясь, спросила:

— Вы мне не подскажете? Вам нравится этот цвет? А то мой парень еще сильно молод. У него совсем нет опыта.

Чекист поперхнулся.

— Красивый цвет…. Я бы своей жене купил бы такие….

По испарине, проступившей на лбу чекиста, она поняла, что он чрезвычайно перевозбужден. От него прямо исходили флюиды мужской страсти, которая нагнеталась особенностями мужской природы.

Лунёва развернула перед мужиками розовые шелковые трусики с белыми рюшечками и вкрадчивым голосом спросила:

— Товарищ, а ваша жена носит такое белье или у вас в ГПУ, выдают для членов семей сотрудников ЧКа, форменные синие семейные трусы с красными лампасами?

У участкового уполномоченного дяди Жоры, от таких слов, сказанных Леночкой Лунёвой, открылся рот, а ручка выпала из руки. Надо было видеть лица НКВДешников. Такого позора и унижения от простой девчонки, они в своей практике никогда не испытывали.

— Ты Лунёва, брось свои штучки — дрючки! Знаем мы таких! Смотри вслед за

Красновым по этапу пойдешь.

— А, что вы мне сударь, предъявить изволите: кражу секретной выкройки семейных трусов или вступление в интимные отношения с сыном врага народа? А может я, мешаю вам исполнять ваш служебный долг, вместо супружеского долга?

— Выйди вон — заорал один из чекистов, — шалава! Ведьма!

— Не шалава, а целка еще! Завтра, накатаю жалобу вашему начальнику Фатееву, за оскорбление. А участковый подтвердит, — сказала Ленка, и, схватив балетку, направилась к выходу.

Брошенные Красновым вещи лежали невдалеке от подъезда. Стопки книг, большой чемодан с одеждой и узлы с вещами матери и отца. Все это могло стать добычей жуликов и пьяниц. Лена, зная об этом, постучала в квартиру тетки Фрузы, которая жила на первом этаже.

— Тетя Фруза, здравствуйте! Могу я у вас оставить вещи Красновых? — спросила Леночка у пожилой женщины с красно — синим лицом.

Стоя в дверях, тетя Фруза курила папиросу. Глубоко затягиваясь, она дымила Ленке в лицо. В её волосах торчали бигуди, сделанные из разноцветных тряпочек, которые торчали в разные стороны, словно антенны.

— Ну, и шо? — спросила она, перебрасывая папиросу из одного уголка рта в другой.

— Тут вещи Красновых, нужно их на время спрятать, — сказала Ленка, уже более кротким голосом.

— Ну, и шо! Я вам шо, вокзальная камера хранения! Знаем мы этих, шпиёнов! Сегодня я оставлю их шмотки, а завтра придет связной и будет у меня пароли всякие спрашивать? Нет, милая! Я покараулю, пока ты к себе домой их переносить будешь, но не более…. Пущай тебя германские связные домогаются! Я женщина пожилая, одинокая и дюже нервная!

— И на этом спасибо! — со вздохом сказала Лена.

Она вышла из подъезда и, взяв в руки стопку книг и фанерный чемодан, медленно поплелась домой. Пройдя несколько метров, она ставила ношу и, немного отдохнув, вновь взяв тяжелые вещи, продолжала путь.

Леночка Лунёва жила в деревянном двухэтажном доме. Это было не далеко от каменного дома Красновых, но даже это расстояние давалась с трудом. Валерка собирая вещи рассчитывал на мужскую силу. Он не думал, что весь это домашний скарб придется нести хрупкой девчонке.

Неожиданно Лунёву кто–то окрикнул. Она всем телом дернулась и выпустила узлы.

— Лен, а Лен! Чекисты уехали? — послышался из–за сарая голос Краснова.

— Уехали, — ответила девчонка, озираясь по сторонам.

— А этот участковый дядя Жора с ними? — вновь спросил Валерка.

— Дядя Жора дождался, когда они уедут, а сам пошел в опорный, жрать водку, — ответила Леди, и опустила перед Красновым его фанерный чемодан.

— Леночка, давай мне эти шмотки. Я тут пока покараулю. Я вижу, тетя Фруза, старая сука, уже примеряет мамкины вещи, — сказал Краснов. — Жаль, что пацаны все в школе, так бы сами все перенесли.

— Ты не переживай, я все перенесу сама, — сказала Ленка и, осмотревшись, вернулась к подъезду.

Там, озираясь по сторонам, словно воровка, стояла тетя Фруза. Прячась за сиреневый куст, она полноправной хозяйкой шарила в чужих узлах, вытаскивая кофточки Светланы Владимировны и, прикинув себе на грудь, тут же на несколько секунд скрывалась в подъезде.

— Ты уже все отнесла? — удивилась тетя Фруза, выйдя из подъезда.

— А что, я вам помешала чужие вещи воровать? — спросила Леди, глядя с чувством презрения и какой–то брезгливости в глаза соседки Красновых.

— Ты что, шалава, мне такое говоришь! Мне пролетарке! Да я честнее всех в этом районе! Ко мне ЧК по вечерам не приходит! Сам околоточный меня уважает!

— Уважает за самогон, которым вы торгуете днем и ночью. Спекулянтка! — сказала Ленка с пренебрежением в голосе.

— А ты что сучка, видела? Ты видела, чтобы меня, честную гражданку Советского Союза в спекулянтстве обвинять, как дешевую НЭПманку? Да я в управление НКВД пойду, чтобы этого майора с его женкой, посадили на пятнадцать лет, как Ваньку «Шерстяного» с этим Сашкой Фирсановым. Пусть в Магадан едут золото мыть — шпиёны сраные!

— Ах, тетя Фруза, тетя Фруза — знали бы вы…. Леонида Петровича, уже два месяца как расстреляли, — тихо сказала Лена. — Не на кого вам больше жаловаться!

Тетя Фруза прикрыла ладонью рот, чтобы не заорать от ужаса. Выкатив из орбит глаза, она медленно– медленно стала сдавать назад, стараясь своим широким задом попасть в двери подъезда. От этакой новости её начал бил озноб. Она представить себе не могла, что её соседа больше нет в живых. Хоть и была эта тетка до глубины души стервозная и сквалыжная, но смерти она никогда никому не желала, в силу своей веры в Бога.

— Да как же это?! Как же это?! — с дрожью в голосе причитала она.

Ощутив задом дверной косяк, он присела в проеме на порог. — Да как же это может…. — проговорила она. Заткнув рот ладонью, она, что было сил, закричала. Эта новость настолько поразила её, что соседка Фруза не на шутку испугалась. Закрывшись в квартире, она упала на колени перед иконой и обратила к Господу свои раскаивания.

— Фруза, кофту сперла, — сказала Леночка, подойдя к Валерке.

— Да, я видел, как она по узлам шарилась…. Бог ей судья! — сказал Краснов и, подхватив узлы, направился в дом к Елене.

Глава тринадцатая

Нужный человек

Октябрьский ветер гнал по городским улицам желтую листву, напоминая о том, что тепла уже не будет. Краснов сидел на знаменитом бревне, рядом с футбольным полем, и обнимал Ленку. Отключившись от произошедшего утром, он тупо смотрел в одну точку, стараясь осмыслить сложившуюся ситуацию. В его голове от разнообразия мыслей, казалось, что шевелился даже мозг.

Еще вчера он видел мать. Видел её улыбку. Чувствовал её запах. А сегодня–сегодня её не было. Краснов не понимал, как и за что все эти напасти навалились на его семью. Почему его отец коммунист, майор РККА, так нелепо сгинул в застенках НКВД!? Чем насолил он этой власти?

Вопросы сыпались как из рога изобилия, и он не видел им конца. В эту горькую для себя минуту Леночка разделила его одиночество. Но даже она не в силах была помочь его горю, которое тяжелым грузом опустилось в душу. Создавалось такое ощущение, что какая-то неведомая черная сила положила ему на грудь тяжелую и холодную гранитную плиту, под тяжестью которой он задыхался, и чувствовал себя абсолютно разбитым.

— Слушай, Леночка, давай сходим к дяде Моне! Он все знает. У него есть знакомые в НКВД. Может он сможет, что посоветовать? — сказал Валерка, ища малейшую зацепку, чтобы помочь матери. — Я больше так не могу. Надо что-то делать….

Лена прижималась к нему, стараясь теплом своего тела растопить лед холода, который каменной глыбой привалил его сердце.

— Пошли! Ты же знаешь, где он живет, — ответила Леди, держа Краснова под ручку.

Дорога была недолгой, и уже через десять минут Валерка постучал в полуподвальное окно на Ленинской. Там еще горел свет, и было видно, как старый еврей Моня, колдует над чьими– то сапогами. Через мгновение послышался кашель сапожника, и шарканье тапочек по полу.

— Кого Бог принес, в столь поздний час? — спросил он, не открывая дверей.

— Это я, Валерий Краснов, — сказал юноша.

— А, Валерочка! Это Ви? У вас, что опять лопнул мячик? — спросил Моня, лязгая засовами. — Проходите милейший, старый еврей Моня Блюм, всегда рад таким гостям! — залепетал он, тряся своей козлиной бородкой. — О, да вы, Валерочка, сегодня с барышней? Что привело вас в мою еврейскую келью?

— У меня, дядя Моня, горе! Я пришел к вам за советом и надеюсь, что вы, что-то подскажите мне, — сказал Валерка, и его глаза в один миг заблестели от выступивших в них слез.

— Обычно Моня Блюм сапоги да шкары тачает, и советов не дает. У нас же есть Советы может они, что и посоветуют вам? Ви, молодые люди, чай пить будете? — спросил Моня, ставя медный чайник на чугунную плиту.

— Холодно на улице, неплохо бы кипяточком погреться! — сказала Леди, присаживаясь невдалеке от печи и, протягивая к раскаленной докрасна «буржуйке» свои озябшие руки.

— А вы, Валерочка, мне барышню– то свою представить забыли! Кто это такая? Не невеста ли, али подруга, какая? — спросил еврей, лукаво прищуриваясь.

— Подруга! — ответил Валерка. — Просто подруга, Леночка!

Ленка улыбнулась улыбкой Моны Лизы и, набравшись духа, сказала:

— Врет он, дядя Моня! Я его настоящая невеста! Мы с ним уже целый год встречаемся. Я думаю, что этого срока хватит, чтобы взять меня замуж.

Моня также улыбнулся и, восхищаясь смелостью девушки, сказал:

— Вот, Валерочка, девушка сама вам предложение сделала! Смелая девчонка! Такую беречь надо! Так, что вас привело мои юные друзья!? — спросил он, закидывая свои очки на голову.

Валерка, слегка разомлев от тепла, исходившего от печи, снял с себя кожаную куртку и видавший виды летный отцовский шлем. Повесив его на спинку стула, он начал рассказ:

— Вы совсем ничего не знаете? — спросил Валерка, делая удивленные глаза.

— А что, Моня Блюм должен знать? Я же не пророк Моисей! Если бы я знал, что будет завтра, я уже был бы, наверное, этим святым Моисеем или самим Иисусом!

— Вы знаете, дядя Моня, а моего отца, расстреляли! — сказал Валерка, еле выдавливая из себя слова. — Маму тоже вчера чекисты арестовали. Я не знаю, что мне делать. Квартиру опечатали. Меня хотели в приют отправить, для детей врагов народа, в Ярцево.

— Что вы, что вы, говорите, Валерочка! Это же не может быть! Я знавал же вашего батюшку Леонида Петровича! Это же честнейший, золотой человек! Редкостной порядочности мужчина! Я, честно скажу, Валерочка, я искренне скорблю вместе с вами. Моня Блюм, всем сердцем скорбит по вашей утрате! А матушку– то, за что ж арестовали эти сатрапы? — спросил дядя Моня, ничего не понимая.

— За то, что она жена «немецкого шпиона»! — ответил Валерка, вытирая вспотевшие ладони о свои брюки.

— Вот– вот, я говорил вам, что придет тот час, когда немцы вернутся в Россию. Они никогда не смирятся с Версальским договором. Это все их, их происки! — сказал еврей, открыв крышку чайника.

— Причем тут немцы? — спросил Валерка, ничего не понимая.

— А притом, Валерочка, что они через свою агентуру шепчут товарищу Сталину на ухо, каких военных начальников надо в лагеря сослать, а каких расстрелять. Они к войне готовятся! Я точно знаю! Гитлер, мать его, ети….

— Да, нет же! Мы же друзья! Да и товарищ Молотов, заключил с ними договор о дружбе! Нет, этого не может быть! — возмутился Краснов, стараясь оттолкнуть от себя позицию старого еврея. — Я в это не верю!

— Верить, не верить это дело ваше! — сказал Моня и, достав три кружки, налил в них кипятка. Затем, бросив в них щепотку сушеной морковки с боярышником, подал этот «чай» гостям. Достав из ящика блюдце с колотым кусковым сахаром, он поставил его перед ними и сказал:

— Пейте гости дорогие, чем богаты — тем и рады! Так что было дальше? — спросил Моня, вновь переходя к разговору.

Валерка рассказывал, как приходили чекисты. Как били отца и увезли в тюрьму. Как через два месяца приходил паренек и приносил от отца письмо. Как вновь пришли чекисты и уже арестовали мать. Иногда он срывался, и слезы горечи накатывали на глаза, но присутствие Ленки не давало выплеснуть свои эмоции сильнее и глубже. Она, словно успокоительная таблетка только одним взглядом возвращала его в нормальное состояние.

Еврей, выслушав все, что рассказал Краснов, забил трубку хорошим табаком и, припалив в печи лучину, прикурил. Он, заткнув её большим пальцем, несколько раз, словно корабельный боцман затянулся, чтобы раскурить, и когда табак разгорелся, Моня как–то задумчиво сказал:

— Я знаю одного большого начальника из НКВД, Фатеева. Я шью ему новые хромовые сапоги. Мне кажется, Валерочка, что он человек вполне порядочный — из крестьян, но в нем есть достоинство и какое-то благородство. Ты напиши ему письмо, только опиши все подробно, а я положу это письмо ему в сапог. Когда Фатеев его станет одевать, он найдет и прочтет его. Это все, что я могу для вас сделать, Валерочка! — сказал мудрый еврей и, открыв ящик стола, достал лист бумаги и чернильную ручку с чернильницей.

Валерка сел за стол, несколько раз ладонью провел по бумаге, словно смахивая с неё пыль. Макнув в чернильницу перо, он вывел красивым каллиграфическим подчерком в правом углу.

«Комиссару НКВД Фатееву. От Краснова Валерия Леонидовича.
Заявление….»

Валерка, макая в чернильницу ручку, шкрябал ей, выводя буковки. Они, словно солдатики, выстраивались в шеренги. Шеренги в строй, неся в себе все то, что нагорело на душе за все эти дни и недели. Он писал, кто был его отец, кто мать. Он писал, что отец не мог быть немецким шпионом по причине того, что он воевал в Испании за повстанцев в составе интернациональных сил, и даже был ранен. Писал и о том, каким уважением пользовался он на работе, и каков он был в семье.

Моня надел свои старенькие круглые очки и, взяв лист, исписанный аккуратным почерком Краснова, прочел его послание.

— Через пару дней, Валера, Фатеев должен забирать вот эти ботфорты. Вот тогда он и достанет это письмецо. А как прочтет его самолично — без своих замов, так может, что и предпримет? Будем надеяться, что он действительно порядочный мужик.

— Дядя Моня правильно говорит, нужно попробовать все варианты…. Может они, хоть мать твою отпустят, — сказала Ленка, предчувствуя удачу.

Ночь подкралась и накрыла весь город черным мраком. Лишь редкий, тускло горящий одинокий фонарь, еле– еле освещал дорогу. В такую темень, все прогулки по Смоленску было занятием довольно рискованным. Реальность попасть в канализационный люк, открытый местной шпаной и сломать ноги, была как никогда вероятна. Еще была опасность нарваться на наг-

лую шпану, которая ночами целыми бандами промышляли в спящем городе, выискивая богатеньких граждан, чтобы поживиться их сбережениями и золотыми украшениями.

В такое неуютное и холодное время даже милицейские патрули не старались проявлять рвение к службе, а отсиживались по опорным пунктам, убивая время игрой в домино.

Валерка никого страшась, шел по темным улицам, а Леночка держа его под ручку шла рядом. Она чувствовала, что Краснов за этот день очень изменился. Он хоть и шел рядом, но все, же был как–то далек и немногословен. Ей было понятно, что Валерка прокручивает в голове какие–то свои схемы, которые должны были вернуть его жизнь в нормальное русло.

Шли не спеша. Валерка уверенно вел её через дворы, не просто сокращая путь к дому Лунёвой, а стараясь избегать освещенных мест. Краснов больше всего боялся за Ленку, которая доверилась ему и стала той частью его жизни, где они были связаны толстыми и невидимыми тросами любви навсегда. Для него Лунёва была не просто объектом обожания и первой любви– она была той опорой, тем островом надежды, где его душа могла отдохнуть перед следующим рывком.

— Ты к нам зайдешь? — спросила Леночка, подходя ближе к своему дому. — Можешь сегодня остаться у меня? Мать на дежурстве и будет только утром….

— Я не думаю, что так будет правильно. Я чувствую, что дядя Жора где-то рядом. Он же, гад, не упустит возможности реабилитироваться перед чекистами.

— Краснов, ты фантазер! Дядя Жора сейчас спит пьяный и видит уже третий сон. Он же с самого утра отоварился в «магазине» тети Фрузы. А к вечеру он вообще будет невменяем. Он уже без водки не может жить, — сказала Ленка.

Лунёвой не хотелось расставаться с Красновым. Ей хотелось тепла любви и той близости, которая уже ей была просто необходима. Перед глазами стояли те минуТы когда она чуть не отдалась Краснову, испытав секунды телесного блаженства. Валерка был необычайно нежен. Он целовал её в губы, гладил пальцами по ногам, и все эти воспоминания вызывали в её душе необычайный трепет. От этих воспоминаний, по спине Лунёвой бежали мурашки, и стало так хорошо, как не было никогда раньше.

— Так может, зайдешь? Тебе же нужно что-то перекусить?

— Спасибо, Леночка! Я не вправе рисковать тобой. Не хватало навести на тебя беду. У меня есть место, где я могу спокойно переночевать. Пойду к Синицыну, он приютит меня. Так что, можешь не волноваться. Я сейчас больше думаю не о том как поесть, а о том письме, которое я написал Фатееву. Мне кажется, этот вариант должен сработать…..

Валерка обнял Ленку и крепко прижал её к своей груди. Он посмотрев ей в глаза, нежно поцеловал девчонку в холодные губы.

От неописуемого счастья Ленка, глубоко задышала, и обняла Краснова, повиснув у него на шее. В ту минуту им не хотелось отпускать друг друга, но обстоятельства были против их любви. Последний раз Лунёва чмокнула Краснова в щечку и, улыбнувшись, напоследок, наполненная счастьем помчалась домой. Какое-то время парень смотрел ей в след. Он стоял, слившись со стволом большого тополя, который рос, как раз напротив подъезда Лунёвой. Девушка дошла до двери и открыла её. Лучик света от лампочки, скользнула через двор. Она обернулась, чтобы помахать Краснову, но в эту самую минуту из подъезда вынырнул участковый. Он схватил Лунёву за воротник и нагло втянул её в подъезд. Луч света погас.

Краснов словно гепард в три прыжка подскочил к двери и замер. Он прислушался, чтобы интуитивно определить, что происходит за дверями. От напряжения Валерка слышал даже стук своего сердца. Все его мышцы напряглись, словно перед прыжком тигра. Он услышал как. дядя Жора, разогретый дозой самогона, производил допрос:

— Где твой хахаль, сучка? Я ведь знаю — он где-то рядом с тобой крутится! Я тебе зуб даю — я все равно его поймаю! — говорил пьяным голосом участковый.

— Я не знаю! После того как он убежал мы больше не виделись, — смело, как по–заученному, отвечала Леночка.

— Нет, ты врешь! Ты все врешь, шлюха! А может, ты, хочешь с ним вместе загудеть на нары? — спросил участковый с акцентом угрозы.

— Вместе с ним пойду даже на смерть, — сказала Лунёва, как отрезала и, оттолкнув от себя уполномоченного, спокойно пошла домой. — Я на вас завтра жалобу накатаю.

Дядя Жора, не ожидавший такого отношения, опешил. Его глаза налились кровью, как у быка, но преследовать Лунёву он не стал. В последнюю секунду сработал инстинкт самосохранения. Милиционер выругался матом, и на последок крикнул:

— Умоешься еще кровавыми слезами, шалава малолетняя!

В это время Краснов стоял за дверью и все слышал. Он крепко сжимал в руке кирпич, который подобрал рядом с домом. В душе Краснова бурлил настоящий вулкан гнева, который разрывал его душу и сердце на части. Он не мог простить дяде Жоре такого хамского поведения.

Возбужденный легавый, торжествуя маленькую победу, вышел на улицу. Он она мгновение остановился возле подъезда, шаря по карманам в поисках папирос.

— Вот же сучка малолетняя, — сказал он сам себе под нос.– Я ей завтра устрою допрос с пристрастием.

Краснов стоял за дверью и слышал все, что сам себе под нос говорил пьяный уполномоченный. Не было к дяде Жоре ни жалости, ни страха перед возможным наказанием. Не вкладывая в удар огромной силы, он стукнул его кирпичом по фуражке. Этого удара вполне было достаточно, чтобы отправить дядю Жору в длительный нокдаун.

Искры брызнули из глаз милиционера, словно из-под наждачного камня.

Дядя Жора, оглушенный тяжелым предметом, инстинктивно схватился за голову и рухнул в черную «бездонную яму» беспамятства прямо рожей в грязь. Сколько пробыл он без сознания, уполномоченный не знал. Очнулся милиционер от головной боли и жуткого холода, который пронизал все его тело. Его зубы стучали — то ли от адской боли, которая моментально отрезвила его, то ли от холода. Потрогав затылок, участковый обнаружил огромную шишку, которая выпирала из–под его жиденьких волос.

— Ой, бляха медная, как же мне больно! Это же кто меня так оприходовал? — сказал он вслух. Инстинктивно он потянулся к кобуре с «наганом», но, она вопреки его желанию была пуста. Ужас за потерю личного оружия еще больше ошеломил легавого. Он знал, что уже завтра начнется расследование, и уже завтра за пропажу табельного оружия, ему грозит увольнение из органов. Гематома и шишка на голове могли стать той индульгенцией, которая могла выкрутиться из этого положения.

Участковый, схватив в руки мятую фуражку со следами кирпичной пыли и симулируя нападение, с сотрясением мозга, побрел в сторону Красного креста, благо до которого, было чуть больше двухсот метров.

Мысли путались. Дурацкая головная боль не давала полноценно оценить сложившуюся обстановку, но он продолжал идти, стараясь в своем мозге выстроить логическую цепь.

— «Краснова работа»! — подумал он.

Чувства горечи, обиды и ненависти на Краснова, с новой силой закипели в его груди. Ему захотелось самолично найти и поймать этого щенка, чтобы сделать с ним нечто такое, что даже смерть показалась бы ему небесной благодатью, и избавлением от физических страданий.

— Вот же гаденыш! Поймаю суку, убью! — крикнул он на всю Кронштадтскую, и эхо отразилось от домов. — Я тебя поймаю! — вновь заорал он, махая своим огромным кулаком.

Откуда дядя Жора, мог знать, что потеря табельного револьвера обернется ему не просто скандалом, но и увольнением из органов, с последующим арестом. Все его страсти по новой трехкомнатной квартире семьи майора Краснова, так и останутся несбыточной мечтой.

Глава четырнадцатая
Крутой поворот

Не дожидаясь когда окончательно рассветет, Валерка прибыл к дому, где находилась мастерская дяди Мони. Незаметно устроившись, около сараев, Краснов дождался того момента, когда сапожник спустился в свою мастерскую. Валерка стремглав бросился следом. Ему не терпелось узнать, новости относительно послания. Гонимый любопытством он не ведал страха. На кону стояла не только его собственная судьба, но и судьба матери, которая незаконно была привлечена к ответу.

Валерка незаметно спустился в подвальчик и, не дыша, осторожно постучал в дверь. На стук Краснова, Моня Блюм крикнул:

— У меня уже открыто, заходите, пожалуйста!

— Дядя Моня, это я, — сказал Валерка, просовывая голову в дверь.

— А, Валерик, дорогой, проходите, — сказал сапожник, приглашая Краснова

— Ну как, дядя Моня, наше дело? — тихо спросил вполголоса Валерка, стараясь соблюдать правила конспирации.

— Я пока еще не знаю. Вчера вечером Фатеев забрал свои сапоги. Примерять он их здесь не стал, говорил, что очень спешит.

— Так что, я так ничего и не узнаю? — унылым голосом спросил Краснов, слегка насупившись.

— О, Валера, не стоит вам, так расстраиваться. Фатеев оставил мне служебный телефончик. Вы можете позвонить из автомата и договориться с ним о встрече.

Моня Блюм протянул бумажку, на которой был написан телефон управления НКВД.

— А если меня, как и отца с матерью арестуют? — спросил он, перепугавшись. — Я боюсь, что не смогу потом помочь матери. А так на воле, я хоть передачу могу ей собрать, — озабоченно сказал Валерка.

— Вы, Валерочка, не бойтесь — он мужик хороший, из рабочих. Я думаю, он поймет, если вы поведаете ему о вашем горе.

За разговором Краснов не услышал, как в келью старого еврея спустился чекист. Он без стука открыл двери и, снимая на ходу фуражку, запорошенную снегом, сказал:

— Здравствуйте, товарищ Блюм. С первым снегом вас! Погодка сегодня выдалась на славу!

— Здравствуйте товарищ Фатеев! — нараспев сказал дядя Моня. — Неужели на улице идет снежок!? — спросил еврей, тряся своей бородкой, словно чего-то испугался.

— Да, пошел нежданно, да такой крупный, как зимой! — сказал Фатеев, стряхивая с фуражки белые хлопья.

— Я что-то плохо сделал? — спросил Блюм, глядя через свои круглые очки.

— Да нет же…. Сапоги как раз впору. Хоть на танцы надевай. Я хотел отблагодарить вас за пошив. Уж больно хорошо сидят. Словно литые! — сказал Фатеев, и положил Какой-то узелок на сапожный стол.

— Что вы, что вы, товарищ Фатеев! Моня Блюм уже взял с вас то, что мне по прейскуранту полагается. Мне лишнего не надо!

— Возьмите, это в честь первого снега, — утвердительно сказал Фатеев.

В тот момент, когда Фатеев разговаривал с сапожником, по спине Валерки бежал холодный пот. Он переминался с ноги на ногу, испытывая жуткий страх от присутствия НКВДешника такого ранга. Одно малейшее движение, одно слово и Фатеев признает его по ориентировке, которую, наверное, уже разослали чекисты по всем милицейским участкам.

— Я хотел бы еще кое-что спросить. В одном сапоге лежала вот эта бумажка. Вы не знаете, как она могла попасть туда? — спросил Фатеев, улыбаясь вполне доброжелательно.

— Ко мне очень много приходит людей. Может, кто и сунул!? — сказал сапожник, пожимая плечами. — А что это, часом не антисоветская листовка? — предположил еврей, пряча свои глаза за стеклами старых очков.

— Нет, не листовка! Может действительно, кто и сунул? Ну, раз вы не знаете, то тогда я, пожалуй, пойду. Очень хотелось мне поговорить с этим человеком. Вы не припомните часом, кто у вас был пару дней назад?

— Народу бывает много. Вот и сегодня я не успел открыть, как вот этот молодой человек пожаловал за своим заказом, — сказал Моня и, достав из шкафа пару подбитых ботинок, подал их Краснову.

Валерка схватил ботинки и, не зная, куда их деть, стремглав выскочил из сапожной мастерской. Он в страхе бросился дворами, не понимая, зачем ему еврей сунул эти разношенные и старые бацацыры.

В какой-то миг он остановился, вспоминая слова комиссара. Фатеев же был один…. Когда он выскочил, то на улице не было никакого конвоя. Фатеев сам сказал, что хочет поговорить с автором письма.

— «Во, дурак! Это надо было так испугаться»! — сказал сам себе Краснов, удивляясь своей трусости.

Да если бы Фатеев хотел его арестовать, то сделал бы это сразу. Разве было непонятно, что автор записки именно, он? Летная куртка, летный шлем говорили о том, что он хозяин этих вещей, или сам летает, или имеет отношение к самолетам и летчикам. А в заявлении, как раз и было написано, что отец Краснова служил военпредом на авиамоторном заводе, а сам он ходил на курсы «Осавиахима».

— «Во, дурак!» — подумал Краснов и вернулся к сапожной мастерской. По следам на снегу он увидел, что Фатеев уже покинул мастерскую. Валерка осмотрелся, и как охотник, идущий по следу дичи, спустился вниз по ступенькам в подвал.

— Это я, дядя Моня!

— Это я, это я! — передразнил его Блюм, — Какого черта вы, Валерочка, так позорно сбежали? Я что, должен вновь беспокоить человека по вашему делу? Вы очень подвели меня, дорогой! — сказал Моня, глядя на Валерку поверх своих очков. — Вы должны позвонить этому человеку, он вам скажет, где и когда вы встретитесь. Только ради бога, не бежите как заяц. Это в вашем возрасте неприлично.

Валерка, выслушав дядю Моню, поставил ему на стол ботинки, которые тот ему дал, и сказал:

— Все, я иду звонить!

— Подождите, Валерочка, вот лучше возьмите это! Настоящая красноармейская тушенка!

Еврей поставил перед Красновым жестяную банку с говяжьей тушенкой.

— Это откуда!? — спросил Краснов, с удивлением разглядывая банку.

— Я же говорил вам, удивительно порядочный и наидобрейшей души человек. Я верю, он обязательно поможет вам! — сказал Моня.

Встреча Краснова и Фатеева состоялась в условном месте, согласно предварительной договоренности. Для своей безопасности, Валерка выбрал место в саду Блонье, в самом центре города. Он знал там все ходы и выходы, чтобы можно было в мгновение ока раствориться в городской суете.

Фатеев пришел один. При встрече он протянул руку Краснову и представился

— Владимир Николаевич Фатеев.

Краснов неуверенно протянул свою руку и представился чекисту в соответствии с этикетом:

— Краснов Валерий Леонидович! — сказал он, озираясь по сторонам.

— Я вижу, летчик, ты меня еще боишься? — спросил чекист, улыбаясь, и посмотрел Краснову в глаза, чтобы снять с него все страхи недоверие.

В его глазах чувствовался не только ум, но и некая проницательность. Он с первого взгляда прожигал своего собеседника, словно гиперболоид инженера Гарина, придуманный Алексеем Толстым еще в тридцатые годы.

— Меня не стоит бояться, Валерий Леонидович! Я, если бы мне нужно было вас арестовать, сделал бы это еще у сапожника Блюма в мастерской. Ты честен, как и твой отец, поэтому не можешь скрыть ни лжи, ни фальши. Все, что ты думаешь, написано на твоем лице. Я хочу поговорить с тобой и возможно смогу помочь в твоей ситуации, — сказал чекист, приглашая жестом пройти в беседку.

Валерка, доверившись, проследовал за Фатеевым.

— Тебя волнует судьба твоего отца и матери? — спросил Фатеев, не дожидаясь вопроса.

— Да!

— Я ознакомился с делом Краснова Леонида Петровича и Светланы Владимировны. Сказать по правде, я ничего сделать не могу. Их делом занимался другой отдел НКВД и оно, к сожалению, уже закрыто, — сказал Фатеев, прикуривая папиросу.

Он положил пачку «Герцеговины Флор» на стол и, взглянув на Краснова, сказал:

— Закуривайте, если есть желание.

Валерка вытащил папиросу и, постучав гильзой о стол беседки, сжал зубами гильзу и прикурил.

— Понимаете, Валера Леонидович, мы живем в трудное время. Враги окружили нас со всех сторон. Гитлер готовится к войне. Он захватил Польшу, Бельгию, Францию, Голландию. Его цель — СССР, и поэтому все службы НКВД сейчас находятся в состоянии постоянного зондирования ситуации. Каждый день к нам поступают тысячи звонков, сотни заявлений о диверсантах, шпионах, врагах народа. Разбираться, просто нет времени. У нас есть директива, и мы работаем по ней в соответствии с курсом ЦК ВКПБ и Совнаркома.

— За что, за что арестовали мою мать!? — спросил Валерий, нервно затягиваясь папиросой. Его руки тряслись, и он хотел услышать хоть Какой-то ответ.

Фатеев на минуту задумался, и, выдержав паузу, сказал:

— Отца вашего Валерий Леонидович, подозревали в шпионаже –это статья пятьдесят восемь точка десять. А ваша мама, его жена, а стало– быть, сообщница. Мне трудно говорить, но я ничего не могу сделать…. Я хочу предложить вам другой вариант: Мать вашу могут осудить, как члена семьи шпиона — это в случае, если она не захочет отказаться от вашего отца. Но только это будет не на лишение свободы, а ссылка в одну из комендатур НКВД. Отправят этапом лет на пять, а уже после, она сможет вернуться назад в Смоленск. Вам сейчас нужно просто учиться и ждать. Нужно окончить летные курсы. Я знаю, что вы хотели стать летчиком. Я могу помочь вам. Это в пределах моей компетенции.

— А как же мать? Я смогу хотя бы собрать и ей передачу? — спросил Валерка, затушив окурок о столешницу.

— Я, наверное, смогу помочь вам и в этом. Но не более….

В этот момент, Валерка, решил использовать последний козырь. Он немного подумал и сказал:

— Я знаю, кто написал донос на моего отца.

— Кто? — спросил чекист, улыбаясь.

— Это наш участковый, дядя Жора. Он хотел избавиться от моей семьи и завладеть нашей квартирой. А теперь эта квартира отходит вам. Как это понимать?

— Это, Валерий Леонидович, не мой выбор. Освободившиеся квартиры военнослужащих, сотрудников НКВД, распределяет КЭЧ смоленского гарнизона. Я получил её по очереди и никакого отношения к твоей семье не имею.

— А что с участковым будет? — спросил Краснов.

— Участковый Тищенко, уже уволен за утрату табельного оружия. Сейчас с этим очень строго, ведется следствие.

Валерка сунул руку за пазуху и вытащил табельный «наган» участкового уполномоченного, положив его на стол перед комиссаром.

— Так это вы его украли? — спросил удивленно Фатеев.

— Я не крал! Дядя Жора, был сильно пьян. Он приставал к моей девушке. Я слышал, как он угрожал ей, и даже хотел изнасиловать. Вот мне и пришлось за нее заступиться. А чтобы он не открыл стрельбу, я и изъял этот револьвер, — спокойно сказал Валерка, отдавшись во власть своей судьбы.

— Вот же выродок! Насколько мне известно, он сказал, что на него напала целая банда. Вот теперь пусть посидит и узнает, как сидится тем, на кого он доносы строчил. — Фатеев взял наган со стола и сунул себе в карман. — Вы Валерий Леонидович, ничего не бойтесь. Ходите в школу, занимайтесь авиацией. Я думаю, что скоро вы, будете нужны нашей Родине. Телефон у вас мой имеется, так что, если, что звоните! — сказал Фатеев, и пожал Валерке руку. — Позвоните мне завтра, я возможно устрою насчет передачи, я скажу, когда вы её сможете передать.

— Спасибо! — ответил Валерка, и ком подкатил к горлу. На глаза навернули слезы. Он отвернулся от Фатеева, последний раз он по– детски всхлипнул и в расстроенных чувствах положил голову себе на руки. Сердце от бессилия против огромной государственной машины разрывалась на части. Он никак не мог пережить и привыкнуть к своему одиночеству. Из всего разговора, радовало только один факт– это дальнейшая судьба дяди Жоры, которого изолировали от общества.

Фатеев, тронув парня по плечу, незаметно и тихо удалился, оставив Краснова, один на один со своими проблемами. Его можно было понять: он как механизм, как частичка карательного органа не мог и не имел права, вмешиваться в дела государственной защиты.

В голове мелькнула мысль и он вспомнил о Лунёвой, которая ждала от него вестей. Она переживала о судьбе Красновых, не менее чем переживал Валерка. Ленка была для него той опорой, которая могла поддержать его в трудную минуту, и разделить с ним все невзгоды и неприятности, свалившиеся на его плечи. Осмотревшись, Краснов поднялся из–за стола, и радуясь первому снегу побрел на встречу со судьбой.

Глава пятнадцатая

Новый 1941

За суетой учебы и за рутиной повседневных будней Новый 1941 год «подкрался» совсем незаметно. Увлеченный учебой и семейными проблемами Валерка упустил этот факт из виду, и праздник приблизился настолько стремительно что, почти застал Краснова «врасплох».

В декабре 1935 года по решению Иосифа Сталина, новый год как государственный праздник был «реабилитирован». А первое января 1936 года объявлялось выходным днем. Когда Валерке исполнилось двенадцать лет, он впервые в жизни, как сын командира РККА побывал в колонном зале Дома Союзов. Там по указу отца всех народов Павел Постышев, организовал первый новогодний утренник для детей военных и сирот.

Валерка любил, когда запах хвойного леса расползается по квартире, перемешиваясь с запахом свежеиспеченной сдобы, которую подавала мать к новогоднему столу. Отец по старинной русской традиции еще с незапамятных времен, ставил в комнате пушистую елку, которую доверял украсить своему сыну. Тот становился на табуретку и с любовью и Какой-то верой в новогоднее чудо украшал разноцветными стеклянными шарами и яркими лентами пушистую ель которую ставил отец.

Мать в тот день обожала стряпать на кухне и для вечернего застолья выпекала удивительного вкуса яблочный пирог с корицей и черносливом. В ночь перед наступлением нового

года вся семья Красновых собиралась за столом под оранжевым абажуром. Включив черную тарелку радиодетектора, они затаив дыхание, слушали, как из неё доносятся удары кремлевских курантов, и в это самое время Валерка загадывал желание. Отец стрелял пробкой шампанского в потолок и счастливый разливал шампанское, которое шипучей пеной стекало по фужерам. Отец долго целовался с матерью, и счастливее его в тот миг на всем белом свете никого не было. Потом отец дергал шнур хлопушки, и сотни разноцветных конфетти осыпали праздничный стол. От восторга Валерка хлопал в ладоши, а мать накладывала ему очередной кусок душистого пирога.

С приближением заветного праздника, на душе становилось все более тоскливо. Теперь не было у него ни семьи, ни теплой квартиры, ни новогодней елки, украшенной игрушками и новогодними свечами. А значит, не будет ни хлопушек, ни наивкуснейшего материнского пирога с черносливом и яблоками. Не будет ничего — кроме промозглого ветра, колючего снега да заснеженных городских улиц.

Одно радовало — начальник следственного отдела Фатеев, слово свое сдержал. Теперь Валерка, мог раз в неделю передать матери передачу. Репрессии карательной машины того времени, снизошедшие несправедливо на него, как на сына «немецкого шпиона», постепенно утихли. Жизнь нормализировалась и вернулась в обыденное русло последнего мирного года. Учителя в школе на Валерку смотрели с неподдельным сочувствием и состраданием. Судьба парня потерявшего отца и мать, настолько растрогала окружающих его людей, что он даже стал воспринимать подобные проявления в отношении себя, как признак дурного тона.

За последние полгода Валерка необычайно возмужал. Из беспечного юнца, он, словно в сказке, превратился в настоящего почти взрослого мужчину. На лице появилась хоть и мужская растительность, и Краснов, стараясь выглядеть по– взрослому солидно, отпустил элегантные усики. Одежда, которая была еще хороша полгода назад, стала закономерно мала, и он был вынужден по вечерам прирабатывать на товарной станции Смоленск — сортировочная, чтобы иметь хоть какие–то деньги на покупку брюк и обуви.

Леночка Лунёва, за время дружбы с Красновым, очень сильно изменилась — повзрослела и превратилась в настоящую барышню. Девчонка вытянулась, её грудь заметно налилась и теперь её внешность вызывала трепетные чувства не только у своего избранника Краснова, но и других мужчин.

Каждый вечер, когда Валерка не был занят разгрузкой вагонов, он проводил время рядом с Лунёвой, встречая её из больницы, где она помогала матери, за что получала небольшие деньги. Финская война добавила проблем. Почти каждый день санитарный поезд привозил из Ленинграда во вторую «Советскую больницу» новых раненых и обмороженных красноармейцев, которых распределяли по всей стране.

— Ты меня давно ждешь? — спросила Леночка, и чмокнула Краснова в красную и холодную от мороза щеку.

— Да так! Еще околеть не успел! — ответил Валерка, нежно обнимая девчонку.

Он ласково поцеловал её в мочку уха и почувствовал как от неё, вместо духов пахнет лекарствами и мазью Вишневского.

— Ты наверное, устала? — спрашивал Валерка, а его Ленка смотрела на него влюбленными глазами и своей шерстяной рукавичкой растирала замерзшие щеки Краснова.

— Раненых много…. Ребята еще молоденькие, а уже инвалиды. Кто без ног, кто без рук. Очень, очень страшно….

— Это же война! — сказал Валерка. — Может, забудемся и сходим в кино? — спросил он. — Я билеты взял в «Паллас».

— Снова на «Трактористов»? Это какой раз? — спросила Ленка, улыбаясь.

— Всего третий, — ответил Валерка и лукаво улыбнулся ей.

— Уже третий! А может, что– нибудь другое посмотрим. Вон «Художественном» сегодня премьера «Большой жизни».

— А билеты? Эти– то я сдам, а другие уже не возьмем. Сеанс то последний!

— Ладно уж, тракторист, но это в последний раз! Я больше не вынесу! — сказала Леночка категорично, беря своего кавалера под руку.

— Я не тракторист. Я — будущий летчик!

— Летчик, летчик, на девок налетчик! — с улыбкой передразнила Леди Краснова и засмеялась звонким голоском домашней канарейки.

— Ладно, хватит доктор дразниться — пошли уже!

В фойе кинотеатра «Паллас» было многолюдно. На сцене играл джаз– бэнд, развлекая публику перед киносеансом.

Пока Леди разглядывала красочные афиши кинокартин, Валерка, отстояв очередь, купил два вафельных рожка с шариками знаменитого московского пломбира.

— Дай мне честное слово, что мы завтра пойдем на «Большую жизнь». Так хочется посмотреть! — попросила Ленка, облизывая холодный, сладкий, сливочный шарик.

— Сходим, сходим, но только на последний ряд, — улыбаясь, сказал Валерка, строя девчонке лукавые глаза.

— Это чтобы целоваться!? А кино смотреть когда? — спросила Леди, растянув рот в улыбке. — Целоваться можно и дома, а я все же еще хочу и картину посмотреть.

— А знаешь, у меня сегодня билеты тоже на последний ряд! — сказал Валерка, хвастаясь и прижимая девчонку к себе.

— Ах, вот ты какой! Это ты ради поцелуйчиков, третий раз «Трактористов» смотришь?

— Ну не целоваться же нам на морозе!? — спросил Краснов, оправдываясь.

— Для этого есть дом, где тепло и уютно. Тебя же, Валера, никто не гонит! Мать постоянно в больнице, — сказала Леди, приглашая Краснова к более активным действиям.

В этот момент Валерка изменился в лице и как–то сурово сказал:

— Я боюсь не выдержать! Я же тебя очень люблю! Не хочу, чтобы твоя мать потом говорила всякую ерунду и упрекала меня в том, что я совратил тебя….

— Мать на Новый год будет на дежурстве, — сказала Ленка, словно не слыша оправданий Краснова. — Я приглашаю тебя к себе. Зажжем свечи, накроем стол. Я купила бутылку грузинского вина Послушаем новогоднее поздравление. А там как бог даст!

Валерка улыбнулся и поцеловал Леди в щеку.

— Я обязательно приду, раз товарищ Калинин будет нас поздравлять! Без его поздравлений жизнь в Новом году обязательно остановится! — сказал он на ухо девчонке, чтобы никто не слышал его иронии.

Третий звонок, прозвучавший в фойе кинотеатра, пригласил запоздавших в кинозал. Усевшись в последнем ряду, Валерка расстегнул свою летную отцовскую куртку и обнял девчонку, прижимая к себе. Леди, чувствуя настоящую мужскую руку на своем плече, уверенно откинулась назад и, оперлась на неё своей головой, ощущала себя абсолютно счастливой женщиной. Ведь он был совсем рядом, его теплая щека касалась её, и от этих прикосновений было удивительно приятно и спокойно.

Запах Ленкиных волос, тепло её щеки, будоражили все нервные окончания Краснова. Как всегда в таких случаях, по его спине начинали марш колонны мурашек, которые щекотали его нервы, заставляя раз от разу глубоко вздыхать. Он, ежась от их беспощадного топота, все сильнее и сильнее прижимал девчонку к себе и когда свет в зале гас, нежно целовал её в щеку. В ту минуту, прижавшись к Лене, он поднимался на самую вершину блаженства, и ему не хотелось, чтобы эти приятные ощущения когда–то кончались….

Это была его первая любовь….

Глава шестнадцатая

Мать

Двери в камеру грохнули цепным звоном. Через мгновение «кормушка» открылась, и в этом маленьком оконце появилось серое лицо тюремного вертухая.

— Краснова Светлана Владимировна, — назвал фамилию охранник.

Светлана, накинув на плечи шаль из козьего пуха, подошла к двери.

— Я, Светлана Владимировна Краснова, — сказала она довольно спокойно, так как уже привыкла и к ночным допросам, и выходкам надзирателей, которые не скрывали своих желаний завладеть её телом.

— Кем вам доводится Краснов Валерий Леонидович? — сурово спросил охранник.

— Кем, кем — сыном, — ответила Светлана удивленно, и в эту минуту её сердце встрепенулось, словно испуганная птица, взлетевшая с ветки.

— Вам передача, — сказал голос охранника. — Принимайте!

Дверь приоткрылась и осужденный из хозобслуги тюрьмы, подал в дверной проем Светлане собранный сыном узелок.

В эту самую секунду с её плеч будто упала целая гора, и чувство какого-то бабьего счастья пронзило все нервные окончания от кончиков пальцев до самого мозга.

— Бабы, бабёнки, девочки мои дорогие! Мне сын передачу прислал! — от волнения еле вымолвила Светлана.

Она держала в трясущихся руках пузатый платок, перевязанный по углам, а по её щекам сплошным потоком катились слезы. Горечь разлуки и радость, что он где-то рядом смешались в единую гремучую смесь.

Светлана, словно онемела, и уже направилась к «наре», чтобы поделить с арестантками эти жалкие продукты как грубый голос вертухая ей в след проорал:

— Куда пошла, кобыла? Расписываться в получении я, что ли буду за тебя?

Светлана вернулась, и, взяв в руки химический карандаш, поставила свою роспись в графе «Подпись арестованного».

Еще раз Краснова с Какой-то невиданной любовью прижала к груди этот узелок, а слезы потоком потекли по щекам. Светлану словно контузило. Она схватила передачу с такой материнской нежностью, словно это была не передача, которую собрал Валерка, а он сам, только что появившийся на свет. Она гладила, гладила рукой узелок, который, хранил тепло и запах сына, и от умиления прямо вся светилась.

Арестованные бабы одобрительно загалдели. Светлана присела на край тюремной нары и, положив узелок на постель, развязала. Первое, что бросилось в глаза, это была еловая веточка с привязанными к ней конфетами в обертке из фольги. Несколько луковиц, шмат ароматного сала с чесноком и черным перцем, палка копченой колбасы, да три яблока, вот и все, что смог собрать сын. К веточке вместе с конфетами была привязана маленькая записка. Трепетно Светлана развернула записку и увидела аккуратный и красивый почерк сына.

Здравствуй мамочка!

Поздравляю тебя с Новым 1941 годом! У меня все хорошо. Учусь хорошо, заканчиваю аэроклуб. Сейчас готовлюсь поступать в школу военных летчиков имени Полины Осипенко в Одессе. Я надеюсь, что у тебя тоже все будет хорошо! Тебе привет от Лены.

Еще раз, мы с Леной, поздравляем тебя с Новым 1941 годом! Желаем, здоровья и скорейшего возвращения домой.

Твой сын Валера и Леночка».

Светлана несколько раз перечитывала, перечитывала и перечитывала записку, боясь пропустить что-то самое важное.

Несмотря на свое положение, в котором она сейчас находилась её материнское сердце, испытывало настоящее бабье счастье. Сын Валерка, вырос и уже совсем скоро, пойдет по отцовским стопам и станет военным летчиком. Эта новость еще больше придавала ей сил и Светлана, прижав письмо к груди, улыбнулась и тихо сказала:

— От сыночка, передача! Всех вас, девочки, он поздравляет с Новым годом и желает скорейшего возвращения домой к семьям! — сказала она и слеза прокатилась по её щеке.

— Ну, Ты коза драная! — вдруг услышала Светлана Владимировна у себя за спиной. — Что Ты сучка, тут сырость разводишь!? На общак, кто хавчик будет отстегивать? — спросила блатная Клавка, держа руки на своих объемных бедрах.

Светлана обернулась и увидела воровку.

Клавка, баба лет пятидесяти была всю жизнь воровкой. Не первый раз она сидела в тюрьме за кражи, и такая судьба ей нравилась и ничего она не хотела в своей жизни менять. По своей наглости и внутренней сути криминального лидера, держала она в своей власти всю камеру, исполняя в тюрьме роль бабского «пахана». Клавку в камере никто не любил за её сквалыжную и стервозную натуру, однако все кто сидел по уголовным статьям держались её круга, выискивая с ней дружбу.

Светлана глубоко вздохнула и, осмотрев взглядом жалкую передачу, отложила в сторону две луковицы, одно яблоко и головку чеснока. Все остальное аккуратно и не спеша завернула обратно в узелок и отодвинула с глаз долой, спрятав под свою подушку.

— Возьмите это, Клава, — сказала Краснова, протягивая воровке часть передачи.

Клавка, выплюнула на пол окурок папиросы и схватив долю тут же на всю камеру заорала, будто её обокрали.

— А что, сука, «бациллу» затарила!? Мы тоже люди, и нам тоже хочется кишку жирами побаловать! Новый год на носу, а она, сука, от нас сало прячет!

Светлана, повинуясь напору Клавки, потянулась к узелку, чтобы достать сало, но тут произошло самое интересное….

С одной из нар, на пол спрыгнула молодая женщина, которую в камере звали Ольгой. Ольга была, как и Светлана, женой какого-то командира из пулеметной школы, которого НКВД арестовало по навету. Ольга, молча схватилась за нары, странно вывернулась и в прыжке ногой нанесла такой удар в челюсть воровке, что Клавка, оторвалась от пола и рухнула без чувств, теряя все то, что дала ей Светлана.

Блатные, видя, что в хате назревает переворот, вскочили с нар имея желание пресечь его. Но яростный взгляд Ольги, и животный собачий оскал её белых зубов, остановил их.

— Ша, чмары! Брысь по пальмам! А то я сейчас вашими харями буду парашу драить! Вы у меня сейчас нажретесь — до конца жизни нажретесь жиров! — крикнула Ольга, держа перед собой остро заточенную ложку.

Она схватила лежавшую на полу воровку, и, подтянув к тюремной параше, несколько раз ткнула лицом в грязное тюремное «очко».

Это означало одно — власть в камере сменилась.

— Кто из вас, «жучки», дернется, я каждую из вас вот так на параше законтачу! — сказала она и отпустила Клавку.

Видя, что в камере назревает конфликт, бабы, толкая друг друга, соскочили со своих нар.

Политические, словно по команде, встали стеной напротив воровок, держа в своих руках заточенные алюминиевые ложки. Блатных воровок было меньше, чем политических, поэтому вступать в открытое столкновение они не захотели, и тут же ретировались в угол, обсуждать смену «власти».

— Ша, бабёнки! Нам еще тут кровопролития не хватало, — сказала Ольга, держа свои руки на бедрах. — Объявляю всем новый порядок! Теперь я буду смотрящей за этой хатой. С

сегодняшнего дня никаких разборок в «хате» не будет. Общак будем пополнять добровольно и без принуждения. Чай мы люди, а не стадо голодных крыс!

Ольга смело расхаживала по камере, пока не зачитала все те порядки, которые по её разумению были более человечными и гуманными.

Тем временем, Клавка очнулась. Увидев, что она лежит на «параше», воровка завыла нечеловеческим воем. Её контакт с тюремной парашей навсегда переводил её в разряд изгоев. Вся дальнейшая уголовная карьера разрушилась одномоментно, словно карточный домик.

Разве она могла представить, что вот так, из авторитетной воровки, она по своей алчности, вдруг превратится в опущенную чуханку, как говорили зеки.

Контакт с тюремным отхожим местом, раз и навсегда лишал её привилегий, на которые рассчитывает любой уголовный авторитет, сохранив честь и чистоплотность. По законам тюрьмы, после контакта с сортиром, ей было не позволено приближаться к блатным, а тем более к общему столу, за которым сидели обычно авторитетные люди. Смириться со своим униженным положением, Клавка не могла. Обидчик должен быть наказан, хотя, это уже ничего не решало.

Где-то из–под чугунного рукомойника, где никогда не было глаз надзирателей, производящих «шмон», она достала стальную заточку. С бешеным, лишенными всякого интеллекта глазами и, ревом раненой львицы она бросилась на Ольгу, желая ей только смерти.

Её удар непременно должен был достичь спины Ольги, и пронзить обидчицу в самое сердце. Бабы, видя этот выпад, оцепенели от ужаса. В последний момент Ольга, изогнулась, словно змея, и выскользнула под её руки, уходя от летящего в неё куска заточенной под нож стали.

Клавка, не рассчитав силы, по инерции проскочила мимо и, растянулась на полу еще более униженной, чем пару минут назад. Уже под дружный гогот подследственных женщин, она не спеша поднялась и, отряхнувшись от табачного пепла и пыли, вновь со всей яростью бросилась на Ольгу. Правда, заточка только скользнула по плечу обидчицы, так и не причинив ей вреда.

Ловким движением Оля, схватила воровку за растрепанные волосы и с мужицкой силой потянула на себя, прижимая её к бетонному полу.

Обитательницы камеры видели, что жена военного на порядок сильнее и играет воровкой, словно кошка с пойманной мышью. Ольга была намного проворнее, и эти качества делали молодую женщину абсолютно неуязвимой.

Оля, сделав три шага назад, с силой дернула на себя уверенную в себе воровку. Та, не ожидая такого расклада, ударилась лицом в обитую железом дверь. В этот миг, пока Клавка приходила в себя, Оля нырнула ей под руку и, выскользнув из-под нее, оказалась за спиной обидчицы.

Воровка, со всей силы и всей массой разъевшегося на тюремных харчах тела, ударилась лицом о кованую железом дверь. Гул прокатился по всему тюремному корпусу. Клавка, бессознательно хваталась за воздух руками и, потеряла равновесие и упала прямо на спину, ударившись вдобавок головой о бетонный пол. Все это произошло так быстро и с такой силой, что всем показалось, будто её голова лопнула, словно грецкий орех. Из-под растрепанных волос, показалась алая кровь, которая через несколько секунд превратилась в настоящую лужу.

В этот миг глазок в двери приоткрылся, и в нем показалось недремлющее око тюремного охранника. Надзиратель, пристально осмотрев камеру, закрыл глазок, и до слуха арестанток дошли его удаляющиеся глухие шаги.

— Ну что, босота лагерная, всем ясно!? — спросила Ольга, обращаясь к блатным воровкам, которые молча, созерцали за всеми движениями в хате. В ту минуту в камере воцарилась настоящая тишина, лишь легкое постанывание валяющейся на полу Клавки, выражало в тот момент линию общего согласия.

Разбив голову и искупавшись в дерьме, Клавка не смогла пережить такого позора и повесилась той же ночью.

Тайно вытащив из общакового загашника «коня», она привязала его к спинке железной нары. Напоследок перекрестившись и попросив прощение у господа, Клава накинула скрученную петлю себе на шею и со слезами на глазах затянула шнур, подогнув ноги. Вот так, стоя на полу на коленях, она и удавилась. Шнур стальной хваткой впился ей в шею, перетянув сонные артерии. Её лицо посинело, а язык вывалился почти до самого подбородка.

Воровайка Клава, так и не смогла перенести и выдержать такого унижения, которое она получила за все годы криминальной жизни. Унижая других, она ни разу не задумывалась о той боли, которую несет людям её своенравный гонор и какое-то гипертрофированное властолюбие. Бог наказал её, и это наказание он дал исполнить ей самой, словно палачу с полным смирением и раскаянием. Так и окоченело её тело в позе молящейся и кающейся святой Магдалены. А уже утром тюремные санитары вынесли на носилках из камеры «повешанку», скрюченную смертным оцепенением. Молилась ли, каялась ли она перед своей смертью, из арестанток тогда никто не знал, все спали или просто делали вид, что спят, не желая ввязываться в её самостоятельное решение.

Только этот день в камере прошел в полном молчании. Все по– разному восприняли её смерть. Кто-то сожалел о кончине блатной Клавки, кто-то втихаря радовался, хихикая в тюремную подушку. Но фактически, почти у каждой арестантки на душе остался странный и неприятный осадок, тот осадок, который в душах людских оставляет любая смерть, будь умерший другом или просто ненавистным врагом.

Пока в камере «скорбели» по скоропостижной кончине воровки, Ольга шушукалась через кормушку с вертухаем, выпрашивая у него чай. Сердце надзирателя растаяло и уже ближе к вечеру, накипятив большой медный чайник на кусках суконных одеял и вшивых простынях, Ольга заварила на всю камеру крутой чифирь.

Грех был не помянуть бедолагу Клаву. Большая алюминиевая кружка ядреного чифиря, пошла по кругу от одной арестантки к другой. Пили молча. Никто не высказывал ни траурных слов, ни слов соболезнования. Но каждая из зечек где-то в душе жалела Клавку. Хоть и была она баба непутевая, но все же она была баба. За её воровским гонором пряталась несчастная душа, душа лишенная любви и простого бабского счастья.

Прожив на земле пятьдесят лет, Клавка уйдя, так и не оставила после себя того, кто вспоминал бы о ней. Не осталось того, кто, придя на её могилу, положил бы цветы и когда-нибудь просто сказал бы:

«Здравствуй мама….»

Глава семнадцатая

Наверное, это любовь

Мороз в ту новогоднюю ночь, словно взбесился.

Валерка несся через весь город с солдатским рюкзаком угля, мечтая о том, как в тихой и уютной квартире Леночки Лунёвой, сегодня будет гореть печка и он, сидя у огня, наконец–то отогреет свои озябшие руки.

Михалыч, как звали «бугра» бригады грузчиков, улыбнулся, когда парень вместо причитающихся ему денег за разгрузку вагонов, попросил на эти деньги немного угля.

Пацан сам мог вполне взять уголь из тендера любого стоящего на путях паровоза, но Валерка, от природы своей был до корней волос честный. Как и его отец, он отличался бескомпромиссностью и принципиальностью. Никогда в жизни он без разрешения ничего не брал, и эти качества Краснова сильно импонировали седовласому бригадиру Василию Михалычу. Растаяв душой, в честь Нового 1941 года, он помог парню набрать из вагона хорошего калорийного угля, который жарко горел, и мог нагреть любую остывшую комнату, вдохнув в неё, немного летнего тепла.

— Вали все на меня, малыш, если вдруг «линейщики» возьмут тебя за задницу. Я подтвержу, что ты его честно заработал! Твоя фамилия у меня в ведомости на получение денег. Да, и забери свою зарплату. Неужели ты думаешь, что я Василий Барашкин, могу зажать чужие деньги? Черта–с два! Держи — это тебе подарок на новый год. Купишь своей девушке колечко или какую брошку…. Я Валерик, работаю тут на сортировке, еще с двадцатых. Меня каждая собака здесь знает! — сказал бригадир, похлопывая парня по плечу.

— Спасибо, Михалыч! С новым годом вас и вашу жену! — сказал Валерка.

Он закинул рюкзак на спину и перепрыгивая через занесенные снегом шпалы запасного пути, посеменил в сторону города. Слава Богу — Днепр к концу декабря уже покрылся толстым слоем льда, что сократило путешествие почти вдвое. Уставший и запыхавшийся, Краснов ввалился в квартиру Лунёвой почти на четвереньках.

— Мама моя дорогая –дошел! Я Ленка, думал, что я сдохну….

— Ты откуда такой взялся, –спросила Лунёва, кутаясь в пуховый платок.

С глубоким вздохом облегчения, Валерка скинул на пол вещевой мешок в коридоре коммуналки, а сам уселся на стоящую рядом табуретку. Опершись от усталости спиной на стенку, он вытер рукой пот, кативший крупными каплями из-под летного шлема, и сказал:

— Дайте воды! Сейчас умру…..

Лена подала ему кружку воды и Валерка с жадностью стал глотать стараясь утолить жажду и потерю организмом влаги. Напившись, он вытер губы рукавом куртки и сказал:

— Всех с Новым годом!

— Что с тобой!? — спросила Леди, растирая ладонями, красные от мороза щеки Краснова.

— Я прямо таки упарился! Будто из бани!

— На улице двадцать восемь градусов мороза! — удивленно сказала Ленка. — А ты упарился!

— А вон, посмотри, с меня пот течет, словно я в парной просидел! — ответил парень устало, снимая летную куртку, которая внутри была сырая от пота.

— А, что это в мешке такое? — спросила Леди, приподнимая тяжелый мешок.

— Уголь, –шепотом сказал Валерка, чтобы не возбуждать у соседей интерес.

— Уголь? — удивленно тихо переспросила девушка. — Уголь! Это, что значит, у нас будет сегодня тепло!

— Да, представь себе –уголь! — утвердительно ответил Краснов, развязывая мешок.

В свете, падающем от лампочки, попадающем во мрак мешка, что-то блеснуло искрой металлического блеска. Валерка достал кусочек антрацита, и хвастливо подбросив его.

— Вот это Леночка, настоящий донецкий антрацит! Сегодня у нас будет и тепло, и уютно! Такого кусочка нам вполне хватит на целый вечер, — сказал он, бросив этот блестящий камень обратно в мешок.

— Вставай «шахтер»! Чего тут расселся? Соседи сейчас выползут из своих комнат, — сказала Леди и, помогая Краснову подняться, увлекла его в свою комнату.

Повинуясь её воле и девичьей силе, Краснов, пошатываясь, побрел по длинному коридору в комнату Лунёвых.

— А как мама….

— Мама? Мама, сегодня дежурит, –ответила Лена.

К удивлению Краснова новогодний стол в комнате у Лунёвых почти «ломился от яств». Бутылка грузинского красного вина стояла посреди стола, завершающая по тем временам скромный гастрономический этюд. В квартире было «свежо», и Валерка почувствовал, как его мокрая рубашка в один момент стала отдавать неприятным холодком. Поеживаясь, он присел около печки, и, открыв чугунную дверцу, уныло глянул на еле тлеющее содержимое.

Жалкое и бездушное пламя лизало сырые дрова, и они предательски шипели, не желая отдавать тепло накопленное когда–то под лучами солнца.

Валерка поставил мешок рядом с печкой и достал из мешка два куска блестящего антрацита. Аккуратно положив их на тлеющие дрова, он слегка приоткрыл поддувало печи и счастливый потер руки.

— Ну, минут через пятнадцать должно разгореться, –сказал он.

Леночка, кутаясь в пуховый платок, стояла рядом, и глядела на Краснова как на факира, разжигающего божественное пламя. Сердце девочки в этот миг, по–настоящему пело от необычайного умиления и нахлынувшей любви. На удивление ей было хорошо и спокойно, ощущать рядом с собой сильную мужскую руку и любимого человека. Именно в такие минуты раскрываются многие тайны и, Ленка впервые осознала, что ей хочется умереть вместе с Красновым, но только тогда, когда смерть по старости поставит финальную точку в их счастливой семейной жизни. В эти минуты Лунёва ощутила, что Краснов это лучшее что могло произойти в её девичьей судьбе. Он стал ей настолько дорог, что представить без него свою жизнь она больше не могла, да и не хотела.

Краснов был надежен — надежен, словно смоленская крепостная стена, за которой можно было укрыться от любых невзгод. За его широкой, мужской спиной было удивительно спокойно и тепло. Девичье сердце сжалось от нежности и чувственности, и она, положив ему на плечи свои руки, прижалась щекой к его щеке.

— Боже, ты даже не можешь представить, как я люблю тебя, –сказала она шепотом. –Люблю! Люблю! Люблю!

Краснов улыбнулся. Ему было настолько хорошо, что он боялся даже пошевелиться. Он смотрел сквозь щель в черное жерло печи и любовался, как огонь начинает свой феерический танец.

— Я тоже тебя люблю, –сказал он, –нет –даже не люблю…. Я тебя обожаю….

Леночка улыбнулась и чмокнула Краснова в щеку.

— Чумазый ты какой, — сказала она. –Тебя же надо мыть!

— Так ведь уголь грузили. Помыться бы надо. Я же не трубочист, а почти курсант летного училища, — сказал он, желая поскорей избавиться от угольной пыли и запаха пота.

— Подожди! Я сейчас, — сказала Лена и, взяв в углу комнаты большой кувшин,

вышла на общую кухню, где в этот вечер суетились соседи.

Вообще-то иногда казалось, что они живут на этой кухне вечно. Наверное, это было единственное место в коммуналке, где было относительно тепло. Горящие горелки примусов, да керогазов наполняли кухонную атмосферу не только противным запахом сгоревшего керосина и подгоревшего на сковородках подсолнечного масла, но и каким-то живительным теплом. Здесь, на кухне среди баб, можно было услышать все последние новости, которые трансформировались их фантазией, и уже обросшие новыми подробностями, расползались далее по рабочему поселку всевозможными сплетнями.

— Жених? — спросила бабушка Аня, потягивая с блюдца морковный чай.

— Это мой друг, — соврала Ленка, разжигая керогаз.

— Ой, ой, ой, тоже мне друг! — сказала Лелька, колдующая около своего примуса. Она что-то мешала в своей кастрюле, облизывая раз от разу ложку. — Знаем мы таких друзей! Чуть что, так сразу в кровать тащат! Потом всю жизнь живешь с детьми и таким вот выродком. Всю жизнь потом думаешь, а за что мне господь такое наказание дал, — сказала Лелька и стукнула своего мужика по лысине ложкой. — Во, тоже мне друг! Сидит себе и ждет, когда товарищ Михаил Калинин, будет его поздравлять с Новым годом! Хоть бы за дровами сходил, сука! В хате, словно на Северном полюсе! Скоро надо будет звать товарища Байдукова спасать нас, аки Челюскинцев с тонущего парохода! — зло процедила женщина, направляя гнев в сторону мужа.

— Цыц, ты дура! Сейчас схожу! Вот только дослушаю. Хорошая радиопостановка идет.

Сосед Василий, сидел в уголке, подставив ухо к рваной тарелке репродуктора, из которой, словно бульканье доносилась радиопостановка — «Как закалялась сталь». Он жадно затягивался «Беломором» и, не отвлекаясь от радио — пьесы, пускал дым, разгоняя его ладонью, словно веером.

Ленка поставила на керогаз кастрюлю с водой и, не вступая в дискуссию с соседями, молча, вернулась в свою комнату. Первое, что её поразило за этот месяц зимы, это было то необыкновенное и волшебное тепло, которое давало радость настоящей жизни.

Валерка сидел на стуле, упершись головой в железный корпус печи. Исходящее от чугунной дверки тепло склонило его ко сну, и он, уставший от разгрузки вагонов, крепко спал.

Леночка нежно тронула его за плечо. Краснов нехотя открыл глаза, в которых просматривалась жуткая усталость.

— Прости, меня сморило! — сказал он, как бы оправдываясь.

— Давай шахтер, раздевайся, мыться сейчас будешь. Негоже новый год встречать грязным, как кочегар. Ты посмотри на себя в зеркало….

Валерка, повинуясь, стал медленно выползать из своего любимого летного свитера, который ему подарил отец. Сняв с себя рубашку, он оказался по пояс голый. Сейчас ему было лень делать какие–то лишние движения. Все тело ныло от утомления и, было просто разбито. Каждая мышца, каждый мускул ныл от того тяжелого мешка, который он пронес через весь город.

— Раздевайся, давай, полностью, — властно сказала Ленка. — Будешь мыться весь от головы до пяток.

Валерка, взглянул на Ленку смущенным взглядом, и крепко вцепился руками в брючный ремень. Он выкатил полные какого-то неведомого ему ранее страха перед этой девчонкой глаза и, краснея от смущения, сказал:

— Я не буду раздеваться! Я тебя стесняюсь….

Леночка, с упреком посмотрела на него и совершенно спокойно, как это присуще только медицинским работникам, ответила:

— Послушай, Краснов, я уже четыре месяца по вечерам подрабатываю в Красном кресте и прекрасно знаю, как устроен мужчина. Будем считать, что ты больной, а я твоя сестра милосердия. Я пошла за водой, а ты разденься и становись в тазик.

Краснов, скрипя душой и повинуясь Лунёвой, стянул свои брюки, и остался стоять в тазу в одних трусах. В ожидании помывки он даже присел и замер, словно цапля на болоте, прижав локти рук к животу. Через мгновение, держа в руках фарфоровый кувшин с ручкой, в комнату вошла Лена.

— Краснов! Что ты стоишь, словно памятник Кутузову? Ты что, так в трусах и будешь мыться? — удивленно спросила она.

— Я, Лен, тебя очень стесняюсь, — ответил Краснов, держась обеими руками за резинку своих трусов.

Леди подошла к нему и, поставив кувшин на тумбочку, в одно мгновение сдернула с него семейные трусы. Зардевшись от стыда, Валерка спрятал свое достоинство, зажав его руками, словно футболист перед штрафным ударом.

Ленка, взглянув на нелепую позу, улыбнулась и, бросила его черные трусы рядом на табурет. Смущенный парень, переминаясь с ноги на ногу, сгорал от стыда, отворачиваясь от девчонки. Впервые в жизни он находился в таком положении, когда его обнаженное тело с необычайным интересом в упор рассматривала девчонка. Это было что-то….

— Ты что, так и будешь стоять? — спросила Леди, подавая ему кусок мыла.

— Я же говорю, я тебя стесняюсь, — сказал Краснов, глядя на неё глазами побитой собаки.

— Ладно, если ты такой трусливый, я буду тебя со спины поливать, — ответила девушка, расплываясь в улыбке. — Тоже мне, кавалер! Все вы, мужики одинаковые, словно дети….

Она взяла кувшин, и Валерка почувствовал, как теплая вода потекла с головы промеж лопаток вниз. Протянув руку к мылу, он на мгновение выпустил свое мужское достоинство из своих крепких объятий. Слегка расслабившись, он почувствовал всем телом, как на него сверху льется теплая вода. Фырча от удовольствия, Валерка стал мыть голову, шею и тело мылом, абсолютно забыв о своих смущениях.

В процессе импровизированного помыва, он так увлекся своей гигиеной, что на мгновение утратил бдительность. Закрыв глаза, он «жирно» намыливал голову так, что густая пена текла по его лицу, срываясь с подбородка в таз. В эту минуту, он забыл о своей наготе, отдавшись во власть струящейся по телу воды, не подозревая, что Ленка изучает его, словно под микроскопом.

Сгорая от любопытства, Лунёва, смотрела на парня, видя, что он утратил над собой контроль. Лунёва умиленным взглядом разглядывала мужскую природу Краснова и не удержавшись спросила.

— А у тебя хоть раз было это?

— Что это, — спросил Краснов, смывая мыльную пену.

— Ну, это! Ты хоть раз спал с девушками? У тебя были интимные связи?

В этот момент Валерка понял, что Лунёва смотрит на него. Не выдержав её расспросов, он присел в тазик, спрятав своё достоинство от её созерцания.

— Ты что дурочка? Какие связи, если у меня кроме тебя никого нет.

Ленка улыбнулась, услышав, что Краснов девственник.

— У меня тоже никогда никого не было, — сказала она, поливая его теплой водой.

А интересно знать ты хотел бы попробовать, что это такое, — спросила Лунёва.

Краснова аж передернуло. Страх и стыд одновременно навалились на него всей своей мощью. Валерка, конечно, хотел исполнить задуманное еще несколько месяцев назад, но он почему-то боялся этих отношений.

— Дай мне полотенце, — сказал он, продолжая, стыдится.

— А что ты думаешь, про это? Мне девчонки говорили, что это сначала немного больно, а потом — потом становится необычайно хорошо и приятно….

От этих слов с тайным подтекстом Краснов закипал, словно чайник на керогазе. Его достоинство настолько напряглось, что он почувствовал даже боль. Наверное, тогда это не было простой и праздной любознательностью, которое посещает девочек еще в раннем возрасте. Это было скорее желание подзадорить Краснова. Проверить его устойчивость к таким интимным отношениям.

Ленка, в эту минуту, с каким-то всепоглощающим интересом наблюдала за его мужским достоинством и уже мысленно принимала его сильную мужскую силу. Этот интерес был навеян скорее не ежесекундным, вспыхнувшим желанием его мужской плоти, а простой девичьей пытливостью к любимому человеку, присутствие которого, в её жизни, вызывало в душе странное чувство духовного и физического соития.

— Лен, ну отвернись, — попросил Валерка беспомощным и умоляющим голосом.

— Тоже мне, жених! А я уж было, чуть не согласилась выйти за тебя замуж! Фу ты, какая цаца, — сказала Лунёва, и бросила в руки Краснова одежду!

От этих слов, сказанных Леди, Валерку бросило в жар. Он почему-то пришел к выводу, что девчонка просто разочаровалась в его мужской силе и теперь вся её любовь мгновенно испарилась, не оставив былой целомудренности.

Краснов чуть ли не плача, сказал:

— Отвернись же! Прекрати надо мной издеваться!

Вновь ухмыльнувшись, Лена поставила на тумбочку кувшин и, подошла к накрытому столу. С видом «знатока» человеческой анатомии, она издевательски через плечо сказала:

— Ха! Я, между прочим, уважаемый товарищ Краснов, уже давно такое видала! И заметь, никто, как недотрога не ломался!

Сказанное, словно током, ударило Краснова. Слова Ленки, точно сабли пронзили его душу и, приняв все за чистую монету, он ответил, срываясь почти на крик:

— У тебя, что есть другой мужчина? А как же я? Ведь я, я люблю тебя!

От мгновенно вскипевшей ревности, из его головы как–то выскочил тот факт, что Лена помогает матери в больнице. Он совсем забыл о сотнях раненых молодых красноармейцев, которые искалеченные, прибыв с финских полей сражений, лечились в смоленском Красном кресте.

— Дурачок, ничего ты не понимаешь! — сказала Ленка, и включила тарелку репродуктора, висевшую над комодом. Насупившись, она зашмыгала носом и пустила слезу обиды.

В это самое время марш Дунаевского затих и из этой картонной «сковороды», послышался знаменитый голос Юрия Левитана.

Краснов, замер, стоя в тазике и держа в руках полотенце, которым он старался прикрыть природу ставшую предметом внимания Лунёвой.

— Тихо, Леночка — тихо! Сейчас, нас Юра будет поздравлять с Новым годом! — сказал он, переминаясь с ноги на ногу, совсем забыв обиду.

После небольшой паузы в тарелке послышался голос:

«Граждане и гражданки Советского Союза! Позвольте мне в канун нового тысяча девятьсот сорок первого года, от имени Ленинской коммунистической партии большевиков и от себя лично поздравить весь наш многонациональный народ с великим праздником…. Я выражаю надежду, что этот год принесет нашему народу новые победы в завоеваниях великого октября. С новым годом товарищи!»

В те минуты на глаза Краснова накатила слеза, он не дыша, слушал речь товарища Левитана и представлял, как диктор Юра сидит перед микрофоном, держа в руках блокнот с цитатами великих людей.

Валерка, словно очнувшись от сна, вылез из тазика и, оставляя мокрые следы на крашеном полу, прошел в комнату.

По окончании речи, Ленка спряталась за ширму и переоделась в новое платье, которое она пошила сама на бабкиной машинке «Зингер», ради этого случая. Краснов, оделся и уселся за стол, ожидая, когда Лунёва появится в новом обличии. Он открыл бутылку, разлил по фужерам вино и замер в ожидании боя курантов. До нового года оставались считанные секунды. В репродукторе после речи Михаила Ивановича Калинина, послышались долгожданные удары самых главных часов Кремля.

— Ну, скоро ты — спросил он Ленку.

— Уже иду, — ответила Лунёва.

— Ну вот — двенадцать часов! Давай иди быстрее и обязательно загадай желание, — сказал он, держа в руке два бокала из синего стекла.

Леночка в последнюю секунду будто репетировала, вышла из–за ширмы. Она была прекрасна, словно богиня. Её белокурые волосы аккуратно лежали на плечах черного в белый горох платья. Расплывшись в улыбке, она молча подошла к Краснову и, улыбаясь, взяла из его рук бокал, наполненный виноградным вином.

— Я готова, — сказала она и с последним ударом курантов чокнулась с Валеркой бокалами. Тот смотрел на неё, широко открыв рот. Было такое ощущение, что его схватил паралич. Никогда раньше он не видел Леночку, чтобы она была столь прекрасна и грациозна. Это был настоящий сюрприз, который окончательно сразил его. Её улыбка, её чистые наполненные

любовью глаза, все это принадлежало ему. Лунёва всем своим существом. Всей своей женской природой как бы говорила ему:

— «Бери меня любимый — всю без остатка. Я всецело от ногтей на ногах, до кончиков волос на голове принадлежу только тебе».

— Черт! Черт, — запричитал Краснов. — Ты же настоящая англицкая Леди, как тебя прозвали пацаны!

— А ты меня любишь Краснов, — спросила Ленка, сбивая Валерку с мысли.

— Спрашиваешь! Конечно, люблю! Тебя же невозможно не любить…..

— Тогда с новым годом тебя, милый, — сказала Леночка, и поцеловала Краснова нежно в губы. Привкус помады на его губах, который проник в его организм, словно детонатор запустил механизмы выделения тестостерона. Его грудь наполнилась воздухом, а внутри стали порхать бабочки, которые своими крылышками нежно касались его сердца.

Валерка взял Лунёву за плечи, и что было сил, прижал её к своей груди, ощущая все её тело своей плотью.

Девчонка, лукаво взглянула Краснову в глаза и, припав губами к бокалу, осушила его до последней капли, словно хотела показать, что она уже взрослая. Ей было необычайно хорошо и так легко, что кружилась голова, а сердце в каком–то неистовстве гнало по венам кровь, словно насос. Легкое опьянение, и те чувства вызванные возбуждением слились воедино.

— С Новым годом тебя Валерка! Подарить хочу! Сейчас минуту, у меня для тебя подарок, — сказала Лунёва и, открыв шифоньер, достала оттуда сверток, перевязанный шелковой лентой. В этот миг Валерка пришел в себя и опомнился.

— Тьфу ты! Забыл! Сейчас подожди, забыл дурак — совсем, — сказал он и достал из внутреннего кармана куртки небольшую коробочку.

— Ну, вот она!

— Что это — спросила Лунёва, протягивая Краснову сверток с подарком.

— Это тебе — открой, — ответил Краснов, принимая сверток.

Леночка открыла коробочку, и её взору предстало серебряное колечко с небольшим нежно бирюзовым аметистом, который был похож на маленький кусочек неба, вставленный умелой рукой ювелира.

— Красиво как! Совсем как небо, — сказала Лунёва, рассматривая колечко на своем пальце.

— Жаль Леночка, ты настоящего небо не видела, — сказал Краснов.– Небо, оно красивее всех камней в мире, — сказал Краснов. Достав из пакета белоснежный шарф, он накинул себе его на шею, стараясь показаться во всей красе. В этом дрожащем и трепетном голосе Лены, Валерка почувствовал тогда какое-то необыкновенное и душевное тепло. Какую-то необыкновенную нежность, которая дошла до его сердца, окончательно растопив лед недавней обиды.

— Вот Леночка, и стали мы с тобой на год старше! — ответил он.

— Вот именно — старше, — сказала Лунёва и опустила глаза, которые как–то грустно заблестели слезами. Боже, мне восемнадцать! Я чувствую себя совсем старухой….

Краснов, молча, взял Лунёву за палец и, поцеловав в кольцо, сказал:

— Носи, носи этот маленький кусочек неба до самого конца жизни. Помни меня вечно….

В тот миг глаза Лунёвой загорелись яркими искорками, словно это были настоящие лампочки Ильича. С какой-то невиданной любовью и любопытством она рассматривала этот подарок, а в эту самую минуту её сердце прямо рвалось на части от настоящей девичьей любви. Её глаза сентиментально повлажнели, и она, обняв Валерку, уже с невиданной ранее страстью поцеловала его в мягкие и теплые губы. Всем своим телом девчонка прижалась к Краснову, передавая ему все ту физическую блажь, и удовольствие, которое она испытывала. Она целовала, целовала и целовала его, растворяясь в нем без остатка и погружаясь в пучину невиданной ранее страсти, которое всецело, словно болото поглощала её. Сейчас, когда все её женское

естество желало близости, Лунёва почувствовала, что больше не может хранить свою девственность и пришел тот момент, когда она расстанется с ней без всякого сожаления.

— Будь смелее, — сказала она шепотом ему на ухо, и, взяв его ладонь в свою руку, положила её на обнаженную ногу.

Она хотела его всей свое плотью, сознавая, что он именно тот мужчина, который должен войти в неё первый. Она хотела. Она страстно хотела, чтобы он был решительней и не останавливал своих первичных инстинктов, боясь сделать ей больно. Это ощущение физического и душевного единства было, как ей казалось, настоящим и ни с чем несравнимое счастьем.

Краснов, доведенный Леночкой до точки кипения, остаться безучастным не мог, чувствуя, как в его груди «зашипели шарики газировки». Он был на седьмом небе блаженства.

Ленка была рядом, она влюблено смотрела ему в глаза, и в этом взгляде можно было прочесть только одно слово — ДА. В эту минуту божественный аромат её заморских духов прямо пленял Краснова, подводя его к более смелым шагам. Он все сильнее и сильнее затягивал его в свои сети, из которых невозможно было выбраться уже никогда. Это была настоящая и первая любовь. Ему как никогда захотелось крепко — крепко обнять девчонку, чтобы раз и навсегда вдавить её тело прямо в себя и слиться с ней воедино — в одно целое.

От переполняющих его чувств он крепко обнял Леночку за талию и, приподняв над полом, уткнулся лицом ей в грудь, чтобы еще сильнее ощущать этот чарующий его аромат. В эту секунду ему почему-то стало настолько грустно, что сердце сжалось в его груди, словно шагреневая кожа. Жуткий страх потери своей любви пронзилего сознание так сильно, что нежданная слеза горечи накатила на его глаза. Задыхаясь от излишних чувств, он вымолвил:

— Ты знаешь, а я тебя очень, очень люблю! — сказал он, уже не стесняясь показать свои покрасневшие от влаги глаза.

— И я люблю тебя! Люблю, люблю, люблю! — ответила ему Леди, и крепко обняла Краснова за шею, прижав парня к себе.

Так и стояли они, обнявшись, ощущая как струны их душ, уже слились в одно целое, и теперь ни одна сила не могла разлучить эту самую счастливую пару на всей Земле.

— Давай же Новый год отмечать! Я столько всего наготовила, — шепнула она Краснову на ухо и вновь её теплые губы коснулись его щеки.

Но Валерка так и продолжал стоять, крепко держа её в своих объятиях. Сейчас ему было очень хорошо с ней и вообще не хотелось отпускать девчонку из своих рук, чувствуя эту приятную для него тяжесть.

Глубоко вздохнув полной грудью, он все же медленно и аккуратно поставил её на пол и, задыхаясь от бушующего в груди огня и страсти, сказал:

— О боже, как я тебя обожаю! Прямо хочется умереть в твоих объятиях! Но любовь любовью, а я, Ленка, чертовски голоден!

Леночка, как умела, стала ухаживать за своим Валеркой, накладывая ему в тарелку все то, что смогла раздобыть на рынке и приготовить, используя материнские секреты. Сейчас ей как никогда было приятно видеть, что Краснов, накинувшись на еду, сметает продукты с необычайной скоростью. Работа на разгрузке вагонов была тяжелой и требовала очень большой отдачи, поэтому Валерка почти постоянно ощущал чувство голода. Оно словно закручивало его кишки морским узлом, заставляя постоянно страдать без крошки хлеба.

Лена, одной рукой держа бокал с вином, улыбалась, глядя, как её герой расправляется с закуской. Сейчас ей было несказанно приятно, что он ест с таким зверским аппетитом, и она от души, старалась угодить парню, подкладывая ему все новые и новые порции приготовленного праздничного угощения.

— Может, еще вина выпьем? — спросила Лена, когда Валерка на мгновение остановился, вытирая рот белым вафельным полотенцем.

Она приподняла бокал и сказала тост:– Знаешь, я хочу выпить за нас с тобой! За то чтобы у нас все было как у Ромео и Джульетты! Пусть этот год будет для нас удачным!

Валерка поднял бокал и, чокнувшись с ней, вновь одним махом выпил вино, словно это был какой-то компот из сухофруктов.

— Краснов! Ну, разве так можно? Вино, Валера, нужно пить мелкими глоточками. А ты пьешь, словно это крем–сода. Вино нужно смаковать, вкушать привкус солнечного букета!

— Какого солнечного букета? Я вина не пил ни разу! Прости, я не знал, — сказал он оправдываясь. — То я сильно молод, то выпить не с кем….

Лунёва долила ему вновь вина, и пристально глядя в глаза, тихо сказала:

— Еще раз повторим! Ты поднимаешь бокал и деликатно чокаешься со мной, залпом не пей, а подержи вино во рту, а потом смакуй, пробуя его вкус и аромат….

— Ладно, давай попробуем, мой учитель, — ответил Валерка. — Я сделаю, как ты сказала.

Валерка чокнулся с Леди бокалами и набрал полный рот вина. Глядя на девушку, он долго гонял его во рту, перекатывая от одной щеки к другой, а потом проглотил. От подобного пития, у него во рту осталось странное послевкусие, которое было для него необычайно приторно.

— Нет, это не для меня…. Или я плохой дегустатор, или это вино не ахти какое…. Я буду пить залпом, как и пил, — сказал он, и вновь налил себе бокал и, тут же вылил в рот.

Теплая волна прокатилась от головы до ног. Жар ударил в лицо, и Валерка почувствовал, как накат какого-то странного ощущения, словно пеленой накрыл его разум. Язык сам по себе стал что-то говорить Лене, а мозги абсолютно не контролировали этот разговор.

Впервые за всю свою жизнь Краснов был пьян. Вначале он испугался, но уже через минуту почувствовал Какую-то странную смелость, которая так и перла из него, провоцируя на откровенные поступки.

— Я хочу танцевать! Давай потанцуем! — сказал он Леночке, корча из себя опытного ловеласа.

Девушка улыбнулась, видя, как её герой достиг своего апогея, и сказала:

— Я давно ждала, когда ты предложишь….

Девчонка и поднялась из–за стола и, подойдя к комоду, завела патефон. Под музыку из кинофильма «Музыкальная история» она вытащила Краснова на середину комнаты и обняла его в надежде, что сейчас вальс закружит их в танце.

Краснов, закрыв глаза, нашел теплые губы своей подруги, и слился с девчонкой, страстно её целуя. Так и стояли они, не обращая никакого внимания на играющий патефон. В тот миг для них казалось, что время просто остановилось. Валерка медленно и запоздало топтался на месте, напоминая своими телодвижениями, подобие медленного танца, не выпуская объект обожания из своих объятий.

Слегка разгоряченный вином, Краснов уже не мог себя сдержать. Страсть вспыхнула в нем и он, коснувшись девичьей щеки, нежно целовал Лену то в губы, то в щеки, то в мочку уха, заставляя сердце Лунёвой трепыхаться от желания близости. Ленка, в тот миг, чувствуя, приближение пикантного момента, отключились от реалий всего мира, и её тело сделалось каким-то ватным и податливым, словно разогретый пчелный воск.

Голова Краснова странно закружилась, и он, не удержавшись, обняв девушку, потянул её за собой на кровать. В тот миг, будто дьявол, вселился в его душу, и он уже ничего не мог поделать с собой.

Валерий чувствовал, как кровь прилила ко всем его органам, и с каждой секундой это давление возрастало все больше и больше. По телу уже шел страшный зуд, который вызывал в нем неудержимое желание Ленкиной плоти. Его руки, на уровне инстинкта скользнули по девичьему телу, как бы изучая эти бантики, крючочки и кнопочки, на которые «запирались» замочки её души и тела. Его желание ощущать, видеть её природную красоту было неудержимо.

Он с жадностью впивался в её лицо, шею и от каждого этого прикосновения тело девушки вздрагивало в каком– то необычайном, внеземном экстазе.

В голове Ленки в тот момент вновь как–то приглушенно прозвучали слова соседки Лельки, словно это заела пластинка старенького патефона:

«Чуть что, так сразу в кровать! Чуть что, так сразу в кровать! Чуть что, так сразу в кровать!»

— Может не надо? — спросила она, но по–прежнему, сгорая в эти секунды от желания. В её душу вселилось непонятное чувство страха. С одной стороны, она страстно хотела его, но с другой стороны боялась, что совершив этот шаг во взрослую жизнь, она вдруг его потеряет.

Напор Краснова возрастал с каждой секундой все сильнее. То ли это подействовало вино, то ли он, одержимый своей решительностью и желанием пошел во–банк.

Руки его, нежно скользнули по коленям. Беспрестанно касаясь губами её губ, он словно притуплял её бдительность и все выше и выше проникал туда, где еще вчера находилась «запретная зона».

— С днем рождения, — прошептал Валерка, целуя девушку в мочку уха.

— Черт, а я совсем забыла, — ответила Леди, лежа на спине.- Еще вчера мне было семнадцать, а уже сегодня — сегодня я уже взрослая тётка….

— Теперь тебе можно всё, — тихо сказал Краснов, и его рука, скользнув змеёй дотронулась до её груди.- Боже, как ты прекрасна, -шептал Краснов, сгорая от страсти.

Лунёва, что-то ему шептала на ухо, но он не мог разобрать её слов.

— Валерочка, миленький — я боюсь! Может не надо, мне страшно? Может когда–нибудь потом? Я чувствую, что это неправильно!

Но он не видел и не слышал её. С каждой минутой в его груди огонь страсти разгорался, словно кусок антрацита, а странная сила закручивала внутренности узлом внизу живота. В тот миг он почувствовал, как его терпению приходит конец. Тестостерон будоражил его плоть, и он постепенно начал терять разум, проваливаясь в какую-то бездну, телесного наслаждения.

— Не надо! Я же еще ни разу…. –умоляла Леди, а тем временем делала то, что ей подсказывал инстинкт.

— Прости, — ответил Краснов. Его действия стали более решительные и дерзкие.

Молодые вновь слились в страстном поцелуе.

— Краснов, ты бы хоть свет выключил, — сказала, успокоившись Леночка. — Мы как на витрине гастронома.

— А кто нас увидит, — спросил ухажер, глубоко вздыхая.

В какой-то миг темнота поглотила комнату и он, шаря руками почти вслепую, подкрался к кровати. Ленка лежала под одеялом полностью раздетая. В ту секунду, словно молния проскочила между ними, когда их разгоряченные и полные страсти тела, соприкоснулись между собой.

Краснов впервые всей своей кожей ощутил её тепло. Его губы инстинктивно скользнули по её губам, шее, груди. Он без устали покрывал все её тело поцелуями, наслаждаясь нежной и чистой кожей. Она обняла своего рыцаря и крепко, крепко прижав к своей груди, сказала:

— Да! Да! Да!

В какой-то миг, Валерка, преодолев её нерешительность девушки, крепко обнял её и….

Лунёва закусив губу, сжалась, от предчувствия чего-то ранее неведомого и всем своим телом ощутила, как тело Краснова задрожало, и он

еще крепче прижался к ней.

Глава восемнадцатая

Бегство Мони

Наступившее лето радовало необычайно теплыми днями, свежестью зелени и бездонной голубизной неба, которому казалось, нет ни конца, ни края. Впереди были выпускные — а дальше вся жизнь.

Впервые, за шесть месяцев, Краснов получил от матери письмо. Несколько раз он перечитывал его и, прижав к своим губам, словно насос втягивал нежный и до боли знакомый запах. Теперь он точно знал — мать жива, здорова и находится далеко от Смоленска.

Нелегкая судьба, осужденной по 58 статье УК РСФСР, занесла её в ссылку почти на самый край света. Отдаленная деревня в Иркутской области, стала на пять лет её пристанищем.

Фатеев вновь сдержал свое слово, и вместо общей колонии в КомиЛаге, Светлана Владимировна Краснова оказалась на поселении в одном из лесных хозяйств НКВД на дожности маляра военной спецукупорки.

Валерка был счастлив, словно ребенок. Его грудь распирала не просто радость, это было поистине настоящее ликование. Мать, была жива и вполне обустроена. К Леночке он ворвался, словно на крыльях боевого самолета и уже с порога заорал:

— Ленка! Мать, мать письмо прислала! Она жива и здорова! Слышишь, мама, жива и здорова и пока довольна своей судьбой!

Леночка, услышав, что её будущая свекровь жива, от нахлынувшего на неё волнения и счастья, заплакала. Она вспомнила Светлану Владимировну. Вспомнила её вкуснейшие пирожки с капустой и те задушевные бабские разговоры, которые они вели в отсутствии Валерки.

— Я очень рада! Где же она!? — спросила Лена, откладывая в сторону шитье.

— Где–то у черта на куличиках –в иркутской области. Недалеко от станции Слюдянка какой–то лесхоз спецкомендатуры НКВД.

Леди вновь от радости всхлипнула и, достав носовой платок, и отойдя от приятного известия, вытерла слезы.

Она очень любила Светлану Владимировну. Ведь Краснова была для неё не просто будущая свекровь, она была настоящей и верной подругой, с которой не надо было делить Валерку и попусту ревновать друг к другу. Светлана была женщиной от Бога. За её природной красотой скрывалась чуткая, ранимая и очень чувственная душа. Её спокойствие и безупречный вкус всегда являлись Ленкиной завистью, и ей всегда хотелось быть похожей на Светлану, а это в свою очередь нравилось Валерке.

— Надо, Валерочка, собрать маме посылку. Ей, наверное, очень много нужно хороших вещей? — спросила Лена. — Я попробую, что– нибудь найти подходящее….

— Не надо, не ищи. После того побега, я кое-что все же забрал из нашего дома. Вот и вышлем.

— Ты не забыл, что через неделю в школе выпускной вечер? –спросила она.

— А как же! Я ведь еще имею одну радостную новость. Я получил в военкомате предписание после получения аттестата — убыть в Одессу, в летную школу имени Полины Осипенко. Буду над Черным морем летать.

— Так тебя приняли!? — с удивлением спросила Лена.

— Не приняли, а направили! Комиссар Фатеев помог мне. Он после нашего разговора с ним стал почему-то тайно благоволить нашей семье.

— Да, но не забывай, Валерочка, что это все благодаря дяде Моне! Нужно обязательно сходить к нему и хоть спасибо сказать.

— Давай сегодня и сходим. Мне в воскресенье, необходимо убыть в Одессу. Да и посылку маме с главпочтамта отправим. Я пойду, соберу вещи, а ты оденься и давай, приходи к моему дому.

Ленка, счастливая, надела Валеркино любимое черное платье в крупный горох и, перевязав волосы лентой, попудрила свое милое личико.

Девчонка была счастлива. Окончив школу на «отлично», она имела цель поступить в медицинский институт. Опыт работы с матерью во второй «Советской больнице», а ныне в «Красном кресте», был подкреплен благодарственным письмом от главврача, и это снимало все проблемы с её поступлением, в высшую медицинскую школу.

Валерка, уже полгода снимал комнату, невдалеке от «Дома профсоюзов». Оттуда было совсем подать рукой до Ленинской, где по плану им предстояло отблагодарить дядю Моню добрым словом за его чуткость и доброту.

Валерка стоял на улице, держа в руках большой узел. В нем лежали собранные им вещи, которые он должен был отправить матери.

— Ждешь? — спросила Леночка, подойдя к кавалеру.

— Жду! Куда же я без тебя? Мы ведь теперь на всю жизнь вместе, — сказал Краснов влюблено, расплываясь в улыбке, поцеловал барышню в щечку.

Лена взяла Краснова под ручку, и они пошли.

Через несколько минут, их взору предстала следующая картина:

Старый еврей сапожник Моня Блюм, сидел на табурете и руководил погрузкой своих вещей в «полуторку». Соседи по дому собрались во дворе и с интересом наблюдали, как Лора Блюм, жена дяди Мони, со слезами на глазах поспешно выносит, и не укладывая, прямо так бросает свои жалкие пожитки в кузов машины. Нехитрый домашний скарб был уложен. Дядя Моня вытер платком вспотевший лоб и присел, на подножку ободранного «АМО», чтобы передохнуть.

Со слезами на глазах и скорбным серым лицом, он напоследок закурил свою трубку. Дядя Моня был человеком пожилым, и для него было трагедией покидать насиженное место. Чувство Какой-то тревоги, какого-то животного страха, все последние дни терзали душу дяди Мони. В один из дней, его сердце, не выдержав такой тревоги — дрогнуло. Кошмарные сновидения каждую ночь поднимали его в холодном поту и он, измотанный своим психическим недугом, принял решение — бежать, бежать прочь, подальше из Смоленска, на Волгу. По его мнению, врагу вряд ли удастся дойти до Саратова и там он будет в полной безопасности.

— Здравствуйте, дядя Моня, — сказал Краснов и Леночка.

Блюм, посмотрел на него каким-то скорбным и отрешенным взглядом и сквозь покинувшие его душевные силы, сказал:

— А, Валерочка, здравствуйте! Вы опять ко мне со своей барышней?

— Как видите…. Мы, дядя Моня, решили через год пожениться, — сказал Валерка, желая похвастаться перед стариком.

— Так вы что пришли за моим благословением!? Старый еврей, Моня Блюм, не может благословить вас! Старый еврей, Моня Блюм, бежит, словно крыса с тонущего корабля! — сказал еврей, глядя снизу вверх на Краснова заплаканными глазами.

— Что же случилось? — спросил Валерка, перепугавшись видом старика.

— О, Валерочка, вы еще ничего не знаете! Какой вы еще наивный мальчик! Эти фашисты собрали на границе с СССР пятьдесят отборных дивизий. С такой силищей они за неделю дойдут до Смоленска. Так вот, старый еврей, Моня Блюм, решил бежать из этого города туда, куда они не дойдут. У меня в Саратове родственники живут, вот мы туда и поедем. Уж больно мне не хочется видеть эти фашистские рожи на улицах моего любимого Смоленска.

— Вы меня, дядя Моня, рассмешили. На нашей границе, войск стоит не меньше! Немец о наших бравых солдат сломает свои зубы! Мы попрем его прямым ходом в его Германию, до самого Берлина.

— Как вы, Валерочка, еще наивны, мой юный друг! Как вы еще наивны! Ваши слова, да Богу бы в самое ухо! — сказал Моня, глубоко вздыхая.

— А вы не боитесь, дядя Моня, что чекисты посчитают, что вы паникер? — спросил Валерка, решив слегка поиздеваться над испуганным сапожником.

— О, Валерочка, не надо в этом доме говорить о чекистах! Это благодаря моим волшебным рукам и их хромовым сапогам, старый еврей Моня Блюм еще на свободе.

— А я хотел сказать вам огромное спасибо! — сказал Краснов.

— За шо!? — спросил Моня, удивляясь.

— За то, что вы меня познакомили тогда с…., — Валерка не успел договорить, как Моня поднес палец к своим губам, словно девка в кумачовом платке с агитационного плаката «Не болтай», и прошипел:

— Я вам, Валерочка, ничего не говорил. И знаете, совсем ни с кем не знакомил. А теперь, прощайте! Пусть Бог, услышит ваши молитвы, — сказал Моня и, открыв дверь в кабину, молча захлопнул её за собой.

Полуторка, заскрипев стартером, завелась и, выплюнув черное облако дыма, выехала сквозь арку ворот на Ленинскую улицу.

Краснов, держа под руку свою подругу, остался стоять, глядя на удаляющуюся от дома машину. Сейчас все его мысли были заняты перевариванием слов, сказанных дядей Моней, но он никак не мог поверить в то, что немецкий сапог вступит на советскую землю.

— Что это с ним? — спросила Лена, видя, как семья Блюмов покинула родовое гнездо.

— Удирает! Сказал, что скоро война с немцами будет. Я не знал, что дядя Моня настоящий паникер, — сказал Краснов. — Пошли, лучше отправим посылку. Пусть Бог будет ему судья….

Лена, слегка помрачнев от сказанных слов Красновым, вновь взяла его под руку и, улыбнувшись сквозь пропавшее настроение, они не спеша двинулись в сторону главпочтамта.

— А вдруг, это…. правда? — спросила она любопытно заглядывая в глаза Краснову.

— Во! И ты тоже туда! Так давай, беги, беги за этим евреем! Бегите все! Я останусь один в этом городе! Если немец действительно нападет, я сам буду защищать город и свою Родину….

— Ты что, обиделся? — спросила Ленка, видя, как Краснов не на шутку разошелся.

— Знаешь, Леночка, а мне действительно обидно! У нас же такая армия–мощь! Ты знаешь, сколько на границе войск стоит тысячи солдат. Танки, артиллерия, авиация и все ради того чтобы пустить немцев в Смоленск.

— Ладно, хватит о грустном! Через два дня выпускной вечер. Я себе новое платье пошила на премиальные, которые получила от главврача Красного креста.

Валерка, переключившись на другую тему, старался забыть разговор с евреем, но мысли словно наслаивались одна на другую, создавая в голове странные хитросплетения. Краснов старался гнать их прочь, но они все сильнее и сильнее заполняли полочки его сознания.

Ленка шла рядом, говорила насчет каких– то нарядов, в которых она предстанет на выпускном школьном балу, но он фактически не слышал её, а отключившись от реальности, погрузился в пучину логических рассуждений.

— Вот же, паникер! — сказал он вслух так, что Ленка вздрогнула.

— Ты меня, наверное, совсем не слушал? — спросила Лена, видя задумчивое лицо Краснова.

— Да все настроение мне испортил этот, Моня Блюм! — сказал Валерка, закуривая.

В ту минуту ни Краснов, ни Лена не знали, что уже через три дня первые бомбы обрушатся на их любимый город. Слова, сказанные дядей Моней, были пророческими, и Валерка Краснов еще не раз вспомнит о них, когда узнает, как падет Смоленск, и сколько русских солдат поляжет на полях сражений, отдав свои жизни на алтарь великой Победы.

Глава девятнадцатая

Война

…выпускной бал был в полном разгаре. Вихрем школьного вальса он кружил уже бывших школьников, которые этой самой короткой ночью в году, входили во взрослую и полную приключений жизнь. Девочки в легких ситцевых платьях в горох, мальчишки в белых рубаш-

ках, кружащиеся с красивыми девчонками — вся эта картина вызывала настоящее умиление среди учителей и родителей.

Краснов, обнимая Ленку во время танца, тихо на ухо ей прошептал:

— Нам осталось совсем немного времени, ты не хочешь меня проводить? — спросил он девчонку, глядя на её реакцию. В его кармане уже лежал проездной билет на летний поезд «Смоленск — Симферополь», который запускали с началом летних отпусков.

Леночка, улыбаясь, кружилась в волчке вальса, даже не представляя, что время отсчитывает последние минуты. Потом эти минуты сложатся в часы, дни недели, месяцы и даже годы.

— Ты же говорил, у тебя поезд 22 июня….

— А уже, Леночка, пять минут, как двадцать второе июня! Ты забыла, что сегодня самая короткая ночь в этом году? — спросил Валерка.

— А поезд!? — спросила Леди, слегка дрожащим голосом. Она предчувствовала, что сейчас, сию минуту, её Валерка обязательно скажет. — Утром!

Сердце девушки сжалось от боли. Секунды, словно остановились, вытянувшись в одну сплошную линию. В одно мгновение звук вальса как–то затих и среди внезапно наступившей тишины, она услышала только его голос. Отдельные радостные лица танцующих одноклассников в один миг превратились в стоящие манекены с мертво улыбающимися гримасами. Краснов, глядя на неё в упор, словно нараспев сказал:

— Утром!

— Утром — переспросила девушка.

Слезы мгновенной пеленой накатили на глаза Леди, и весь мир в каплях девичьих слез, словно в калейдоскопе, задрожал и тут же перевернулся вверх ногами. К горлу подкатил комок, который, словно невидимый кран, перекрыл её дыхание, и как ей тогда показалось, сквозь лившуюся мелодию «Амурских волн», она прошептала:

— А, как же я!? Как же я!? Ты вот так вот просто меня оставишь?

Краснов улыбнулся и, посмотрев в глаза своей подружке, сказал:

— А хочу тебя украсть! Ты со мной, — спросил Валерка….

Времени на раздумье у девчонки не было. Как ей показалось, от её сердца в это мгновение отрывался огромный кусок, который кровоточил и нестерпимо жег, словно разгоревшийся кусок каменного угля. Пересилив себя, чтобы окончательно не разреветься, Ленка схватила за руку Краснова и сжала так, что тот чуть не взвыл от боли.

— Я хочу быть сегодня с тобой! Ведь мы уже не скоро встретимся!

Выскочив из круга, их уже никто не мог остановить. Однажды вкусив запретный плод, их с каждым днем все больше и больше тянуло друг к дружке, а дикая страсть срывала с них одежды уже при каждом свидании. И они как подобает молодым, соединялись телом и душей, чтобы еще прочнее слиться в единое целое, превратившись в такой суцельный монолит любви.

— Пошли ко мне, — сказал Краснов, обнимая Лунёву за талию.

Сквозь полумрак июньской ночи Валерка шел с Леночкой на через город, прижимая её к себе. Они о чем–то говорили, и через каждые сто метров целовались, долго и жадно, стараясь насладиться этой страстью, словно предчувствовали, что уже скоро судьба разведет их на несколько лет. Город спал, лишь некоторые пары влюбленных и выпускников занимали пустующие скамейки в парках и городских скверах.

Девочки сидели в пиджаках парней, накинутых любовно им на плечи, а парни, читали стихи, играли на гитарах и впервые признавались в любви своим одноклассницам.

Город спал, а стрелки часов уже отсчитывали последние минуты той мирной жизни, которая останется в их памяти, как самое счастливое время. Никто еще не знал, что, дожив до утра, они все войдут в новую историческую эпоху, эпоху войны, и время, словно огромный и острый нож разрежет их жизнь на «до и после».

— Тихо как….

Сказала Ленка, глядя в звездное небо. Она держала Краснова за руку и была беспредельно счастлива, и даже боль предстоящей разлуки как–то отошла на задний план.

— Тепло и тихо, — повторил Краснов, нежно целуя Ленку в губы.

— Странная ночь! Совсем еще недавно солнце ушло за горизонт, а уже поднимается на Востоке. Посмотри, уже забрезжило утро…. — сказала Лунёва, удивляясь явлению природы.

— Ты не хочешь прибавить шаг? У нас остается мало времени, — сказал ей Валерка. — Мне еще тебе надо столько всего сказать**.**

— Я хочу, чтобы молодость была вечной! Я хочу, чтобы мы любили так же бесконечно, как вся наша вселенная, — кричала от радости Ленка, размахивая букетом цветов.

На земле в эту минуту, наверное, не было девушки счастливее её. Сердце хоть и рвалось наружу в предчувствии разлуки, но она искренне верила, что уже через год они поженятся, и тогда ей не придется скрывать свою любовь и таиться по зарослям цветущей сирени.

Как только дверь в квартиру захлопнулась, Валерка одержимый мужской страстью, прижал Леночку к двери. Он целовал её губы, целовал её шею, и как мужчина наполненный страстью любви задирал ей подол платья.

— Какой ты неудержимый, — сказала Лунёва, захлебываясь от разгорающейся страсти, — у меня дух захватывает.

Она, схватив Валерку за расстегнутую рубашку, потянула следом за собой в комнату.

Теперь у неё не было такого страха, как в первый раз. Она познавшая тайну любви готова была отдаваться Краснову по его первому желанию и в любом месте. Валерка стал для неё настолько родным и близким, что она не могла даже сомневаться в нем и в его любви. С трясущимися от жгучего желания руками, они срывали друг с друга одежды, абсолютно не стесняясь своей первозданной наготы. Их обнаженные тела наоборот привлекали друг друга с еще большей силой.

— Я люблю тебя, — шептал Валерка, упиваясь молодым телом Лунёвой, которая от закипающей в ней страсти, готова была лезть на стену. После продолжительной и всё захватывающей прелюдии Краснов вошел в неё. Ленка, закрыв глаза, «умирала» от накатывающих на неё волн физического блаженства, которое было таким нежным и таким страстным. Ей хотелось, хотелось и хотелось ощущать Краснова внутри себя до тех пор, пока горячая волна оргазма не накрывала её от корней волос до самых пальцев ног. Инстинктивно она сжимала ноги и вдавливала в себя Валерку, старясь целиком опустошить, таким образом, его мужское естество, которое могло породить в её теле новую жизнь. Она чувствовала, как его семя, наполняет её внутренний мир и от этого ей становилось необычайно хорошо. Уже потом, лежа на животе, она что-то рисовала на груди Валерки указательным пальцем и улыбалась от настоящего девичьего счастья.

Её красивые бедра, её округлые бархатные ягодицы, освещенные уличным фонарем, радовали глаз Краснова, и возбуждали в нем неудержимое желание близости. Он вновь и вновь бросался в этот омут любви, чтобы доведя Леди до очередного оргазма, завершить то, что было ему еще под силу.

— Ты что — то пишешь? — шепотом спросил Краснов, чувствуя на своей груди замысловатые вензеля.

— Пишу! — тихо ответила Леди. — Пишу!

— А что пишешь? — спросил Валерка.

— А Ты угадай!? — ответила она, лукаво улыбаясь. Теплыми губами она нежно целовала его в губы.

Валерка принял условия игры, и сосредоточившись, постарался прочесть то, что вывела на его груди влюбленная девчонка.

— «Я тебя люблю!», — сказал он, прижавшись к теплому телу. — Это просто…. Я уже знаю, что ты написала….

— Что же? — шепотом спросила Лена, заглядывая парню в глаза.

— Ты написала…. Ты написала…. «Я тебя хочу»….

— А вот и не угадал! Неправильно! Я написала — я тебя….

Валерка перебил её, не дав договорить, и повторил несколько раз:

— Хочу, хочу, хочу, хочу, хочу….

После этих слов он вновь страстно обнимал Ленку и впивался в её губы, чтобы через мгновение вновь оказаться там, где он каждой клеткой своего организма ощущал её.

Утро подкрадывалось с невиданной скоростью. За синим полумраком ночи, небо озарилось странным кровавым багрянцем. Страшный цвет неба воскресного утра 22 июня настораживал и даже чем– то пугал. Ночная темень отступала под яростным напором света, напоминая, что самая короткая ночь в году уже подошла к концу.

Валерка взглянул на часы и мгновенно вскочил.

— Опоздаю! Я же опоздаю на поезд!

— Как уже? — спросила удивленно Ленка, прикрывая свою грудь одеялом.

— А я, что не говорил тебе, что поезд в пять пятнадцать!

— Нет! Ты просто сказал — утром!

— Леночка, солнышко мое! Давай быстрее одевайся! Опоздаем….

Тут до Лунёвой дошло, что время её счастья сжимается пропорционально времени оставшегося до поезда. В её душе вновь, что-то лопнуло, и из груди вырвался глухой стон, сопровождаемый обильными слезами. Она беспомощно сидела на кровати, боясь сдвинуться даже с места. Её что-то словно держало в этой теплой постели.

Не могла, да и не хотела Ленка провожать Валерку. Не хотела просто расставаться с ним. Эта ночь поистине была самая счастливая в её жизни, и ей было до глубины души обидно, что это счастье, так быстро начавшись, уже закончилось. Было обидно, что Валерка, её любимый мальчишка, через каких– то сорок минут уже будет сидеть в вагоне и ехать куда– то прочь от её любви. Последний раз в свете восходящего солнца, он увидит золотые купола Успенского собора, и военное лихолетье уже через считанные часы ворвется в их жизнь.

— Леночка– быстрее, — с мольбой в голосе прошипел Валерка, натягивая на себя то, что два часа назад было так легко сброшено.

— Я не могу! Я не могу остаться одна без тебя, — говорила Лунёва, вытирая на ходу слезы. Она по– детски всхлипывала и после каждого такого всхлипывания, вытирала платком мокрый, курносый носик.

Бежали быстро. Ноги сами переставлялись под гору, словно кто-то подкручивал какие– то невидимые пружинки. Улица «Большая советская» шла вниз, к мосту через Днепр, мимо Успенского собора.

Хорошим шагом до вокзала было двадцать минут ходу, но Валерка, гонимый страхом опоздать на поезд, все сильнее и сильнее накручивал обороты. Леночка тянулась за ним, словно планер на привязи «этажерки». В Какой-то миг она перестала плакать, проклиная вслух каблуки своих туфель, которые мешали ей бежать за Красновым по булыжной мостовой.

Запыхавшись, с чемоданом в одной руке и с девчонкой в другой, Краснов влетел на перрон. Он поставил чемодан и с трясущимися от бега руками, стал искать билет.

Кондуктор с интересом смотрела за его действиями и, улыбнувшись, сказала:

— Милейший, отдышитесь! У нас до отправки еще есть целых пять минут!

Валерка, услышав её слова, успокоился, и машинально вытер рукавом рубахи пот, который проступивший на лбу. Несколько раз он глубоко вдохнул, а когда дыхание полностью восстановилось, он, сделав глубокий и решительный вздох, и подал кондуктору билет.

— В отпуск к Черному морю? — улыбаясь, спросила она.

— Поступать в военную школу пилотов в Одессе, — гордо сказал Валерка, окончательно придя в себя.

— А девушку не боишься, одну оставлять? — вновь поинтересовалась проводница.

— Нет, не боюсь! Мы с ней друг друга любим!

— Любовь, любовь — морковь, — буркнула под нос кондукторша.

Время пролетело незаметно и кондукторша, достав фонарь, включила его и сказала, обращаясь к Краснову:

— Давай садись, Ромео, сейчас отчаливаем! А то останешься.

Валерка закинул чемодан в тамбур, но пока остался на перроне. Он крепко обнял Лунёву и нежно, поцеловал её в щеку.

— Я обязательно напишу тебе. Как приеду, так сразу же напишу! — сказал Краснов, чувствуя за собой Какую-то вину.

Ленка стояла и просто кивала головой. У неё уже не было тех слез, которые текли еще двадцать минут назад. Сейчас она смотрела Краснову в глаза и, каким-то совершенно подсознательным чувством понимала, что видит Валерку в последний раз. Ей хотелось обнять его, хотелось схватить за руку, хотелось кричать от нависшей над ней разлуки, но что-то сдерживало её — она молчала.

Ни он, ни она, ни сотни тысяч советских людей, сейчас абсолютно не знали, что уже целый час, как немецкие войска перешли границу СССР от Карелии до Черного моря. Уже целый час, как защитники Брестской крепости отбивали ожесточенные атаки моторизированных частей Вермахта, неся в этом адском огне огромные потери.

Уже десять минут сотни бомбардировщиков летели по территории СССР, неся тысяч тонн бомб, которые в одно мгновение должны были упасть на города, села, дороги, мосты и железнодорожные станции.

Уже целый час шла война.

Паровоз, издав прощальный гудок, с шипением выпустил густое облако белого пара. Кондукторша подняла фонарь и огромные красные колеса железного монстра, провернулись на одном месте, как бы выискивая место сцепления. Колеса вновь провернулись, и состав медленно тронувшись с места, стал набирать скорость, волоча за собой зеленые пассажирские вагоны.

— Эй, Ромео, останешься! — крикнула кондукторша, продолжая держать сигнальный фонарь.

— Леночка, я тебя люблю! Я как приеду сразу, сразу же напишу тебе…. Я каждый день буду писать…. — лопотал Валерка, страстно целуя Леди в лицо и губы. Я люблю тебя, — прокричал он, и догнав уходящий поезд, запрыгнул на подножку.

Лунёва стояла молча. В эту секунду её сердце разрывалось на части, но она ничего не могла сделать. Оцепенев, от навалившейся на неё горечи расставания, она лишь помахала ему ручкой, и в эту минуту, словно тяжелое покрывало накрыло её сознание.

Лунёва не плакала, она тихо скулила, прижав платок ко рту, чтобы не пугать провожающих своим звериным воем. Сделав по ходу поезда несколько шагов, она остановилась.

— Я напишу тебе! — еле слышно прокричал Краснов и помахал ей рукой.

Поезд, набирая ход, все быстрее и быстрее уносил Краснова на Восток. Так и стояла она на перроне, пока где-то далеко в стороне Сортировки не скрылись красные точки фонарей вагона.

Если бы в те минуты Краснов знал о том, что началась война! Если бы в те минуты он знал, что уготовила ему судьба, вряд ли бы он покинул этот город. Через несколько часов немецкие диверсанты подожгут по всему городу продуктовые склады, и весь город будет объят первым пламенем войны.

Стоя в тамбуре, Валерка глядел вдаль удаляющегося Смоленска и его удаляющейся любви, Краснов достал папиросу и, дунув в гильзу, прикурил. Сейчас он впервые почувство-

вал, что значит расставание, и как трудно ощущать ту боль, которая на долгие месяцы и годы не только будет глодать его сердце, но и спасать его из самых не мысленных ситуаций.

Жадно сделав глубокую затяжку, Валерка выпустил обратно целое облако дыма.

— Любишь, видно!? — спросила кондукторша, закрывая двери вагона.

— Не то слово, — ответил Краснов, силой воли сжимая в своей груди чувство той горечи, которое вот– вот должно было извергнуть из его глаз целые потоки слез.

— Ничего, дождется! Ты самое главное, пиши ей, — вновь сказала проводница. — Ты бы прошел, парень, в вагон. Здесь тамбур рабочий. Курить можно только в противоположном.

— Да, да я сейчас, — сказал Валерка и, приоткрыв дверцу отопительного титана, бросил в холодную топку окурок папиросы.

Взяв чемодан в руки, он прошел в вагон. Найдя свое место, он сел на холодную жесткую полку. В ту минуту он отключился от реальности, вспоминая последние минуТы проведенные с Леной.

Вновь и вновь он в своей памяти возвращался на выпускной школьный бал. Вновь под музыку «Амурских волн» кружился в вальсе со своей девчонкой, которая была для него смыслом всей жизни. Всё, о чем он мечтал еще год назад, сбылось.

Голос проводника заставил его вернуться в мир реальности.

— Ваш билет, — обратилась проводница к нему, протягивая руку.

Краснов, из нагрудного кармана рубашки, достал жалкий клочок картона с дыркой посередине и подал проводнице.

Только сейчас, отойдя от своих мыслей, он увидел, что не один. Пышная тетя в соломенной шляпке лет сорока, сидела напротив него. В руках она держала такую же соломенную женскую сумку, из которой аппетитными флюидами исходил запах приготовленной курицы. Рядом с мамашей, поджав свои ноги, сидела девчонка лет тринадцати. С каким-то самозабвением она читала книгу, нервно пихая в рот свою черную косу. Её пухлые формы и дурацкие округлые очки, с первого взгляда выдавали кровное родство с этой пышной тетей.

Слева, возле окна, сидел молодой лейтенант РККА. По всей вероятности, он был выпускник смоленской пулеметной школы. Он смотрел в окно вагона каким-то угрюмым и отрешенным взглядом. Со стороны было заметно, что лейтенант чем– то расстроен. Возможно, он переживал неразделенную любовь, а возможно, что и перевод в синие дали Забайкалья.

— Здрасте, — наконец– то выдавил из себя Краснов.

— Здравствуйте, — хором ответила мама с дочкой.

— Ну, здорово, — сказал летчик и протянул Валерке свою руку.

— Меня, Валерий звать, — сказал Краснов, представляясь лейтенанту.

— Ну, а я, Сергей, — ответил лейтенант, и вновь повернулся к окну.

Поезд набирал скорость, постукивая на стыках своими огромными колесами. Дым за окном вагона, в зависимости от подъемов и спусков, менял цвет. Черный, говорил о затяжном подъеме, а белый — о довольно легком спуске, который сопровождался нарастанием скорости.

Каждую секунду картинка за окном вагона менялась. Леса сменяли поля, поля сменяли ручьи и реки, по берегам которых стояли деревенские хаТы да покосившиеся старинные церкви с забитыми окнами.

Валерка влез на верхнюю полку, и, прикрыв глаза, погрузился в раздумье. Память вновь возвращала его к Лунёвой. Валерка старался вспомнить каждую секунду своей жизни, которую он провел с ней этой ночью, и его сердце ныло от предчувствия разлуки. Он тосковал. В голову лезли дурацкие мысли, и он гнал их от себя прочь, заменяя их мечтой о небе. Он старался представить, как встретит его Одесса. Он много слышал об этом городе, но ни разу не представлял, что такое Потемкинская лестница, улица Дерибасовская и это бескрайнее Черное море, которое делало всех одесситов абсолютно счастливыми людьми. Он представлял, как наденет курсантскую форму и впервые сядет за штурвал не учебного У– 2, а настоящего

боевого истребителя. А еще, еще он мечтал о море. Ему хотелось хоть раз в жизни искупаться в соленой воде и своими глазами увидеть безбрежные просторы сине– зеленой воды, простирающиеся до самого горизонта.

От монотонного стука колес, да бурной бессонной ночи, глаза его стали слипаться и он заснул. Проснулся Краснов от острого и вкусного запаха жареного цыпленка и сала с чесноком. Запах врывался в нос, будоража все внутренние механизмы его организма, и будущий летчик почувствовал, что голоден. Слюна в одно мгновение наполнила его рот, а голодный желудок, орошенный желудочным соком, громко стал взывать к хозяину с мольбой о еде.

Валерка приоткрыл глаза и через маленькие щелочки увидел, что девочка все так же сидела, поджав свои ноги, но только теперь у неё вместо книги в руках была куриная ножка. Девочка аппетитно откусывала кусочки мяса и, глядя на Краснова близоруким взглядом, облизывала свои пальцы.

Пристальное внимание парня на какое-то время выбило девчонку из колеи и она, оторвавшись от приема пищи, показала Краснову язык. В тот момент сочная оплеуха, отпущенная её мамашей, настигла девчонку в самый момент пика её гримасы. Девчонка насупилась и отвернулась в сторону, обиженно кинула на столик недоеденный куриный «окорок».

Чувствуя, что изобилие продуктов на столе станет для него мучительной пыткой, он, достав папиросу, вышел в тамбур. Не успев прикурить, как следом за ним вышел и молоденький лейтенантик. Он по военному расправил складки под портупеей и, достав из кармана гимнастерки папиросу, закурил.

— Ты куда следуешь? — спросил он Краснова, глядя, как тот страдает от одиночества. — Я видел, тебя девушка провожала. Невеста, что ли, или сестра?

Валерка затянулся и, выдержав паузу, сказал:

— Жена!

— Красивая девушка. А меня вот моя бросила, — сказал лейтенант, и глубоко вздохнул. — Я смоленское военно– пехотное училище окончил, а теперь направляюсь на службу в Дальневосточный военный округ. А девушка моя, тоже была как и твоя красивая. Москвичка! Только не захотела она ехать со мной в Хабаровск.

— Значит, не любила, — ответил Валерка голосом, лишенным всяких эмоций.

— Наверное…. Давай– ка, лучше мы с тобой сходим в вагон– ресторан, да отметим наше с тобой знакомство. Ехать– то, наверное, предстоит больше суток.

— Я еду в Одессу, в летную школу пилотов. Мне комсомольская путевка пришла.

— Так ты летуном будешь? — спросил лейтенант, видя родственную душу.

— Да, как и мой отец, — сказал Краснов.

— О, у вас, что семейная династия? — спросил лейтенант, запихивая окурок в алюминиевую пепельницу, висящую на стенке тамбура.

— Вроде как. Дед тоже служил поручиком в Порт– Артуре в русско — японскую. В 1904 представлен был за подвиги к «Георгию».

— Да Ты парень, просто породистый служака. Ну что, пойдем вино пить, летчик?

Валерка в уме подсчитал свои сбережения и, осознав, что располагает достаточными средствами, решил присоединиться к предложению лейтенанта. Вид чужого накрытого стола не давал ему полноценно думать и все мысли сводились к еде.

— «Лучше ехать сытому и мечтать о любви, чем влюбленному мечтать о том, как набить голодный желудок гречневой кашей с мясом в сливочном соусе», — подумал он и, согласившись с доводами лейтенанта, первым направился в сторону вагона– ресторана.

Ресторан встретил посетителей слоями табачного дыма, висящего в воздухе сплошной пеленой. Даже слегка открытые окна, скрытые за тяжелыми темно– зелеными шторами, не давали дыму рассеяться. Не смотря на то, что ресторан всего как пять минут назад открылся, он уже был практически почти полон пассажиров.

Многие ехали на юг, на теплые моря, некоторые по делам служебным и никто не подозревал, что время их путешествия катастрофически приближается к финалу. Не пройдет и шести часов как те, кто останутся в живых будут всю оставшуюся жизнь вспоминать этот вагон–ресторан и последний мирный завтрак.

Киев, Житомир, Минск, Смоленск, Харьков были первыми целями летчиков Люфтваффе. Уже этим утром многие города европейской части СССР подверглись массированной бомбардировке. А пока было тихо, и наш герой Краснов Валерий решил немного расслабиться, предаваясь наслаждению путешествия.

— Присаживайся, — сказал лейтенант и показал Валерке свободный столик.– Сейчас перекусим. Можно и винца выпить сухого по случаю окончания училища.

— Да нет, не против, — ответил Валерка, располагаясь около окна.

Лейтенант присел напротив и закинул ногу на ногу, выставляя свои хромовые сапоги, глаженые на колодке с парафином. Каблук, на два– три сантиметра набит выше уставного, и был слегка скошен под «Венскую рюмочку». Такие сапоги для обычной службы были не годны. Но для победоносных парадов, и танцев в «доме красных командиров» со светскими дамами, это был поистине последний писк довоенной моды.

Валерка, сидя около окна, с каким-то душевным трепетом созерцал на лейтенанта. Его выправка, его белоснежный подворотничок и идеально выглаженная форма с неуставными стрелками — просто завораживали парня.

— Что изволите? — спросила подошедшая к столику официантка в белом фартуке и в таком же накрахмаленном кокошнике.

— Бутылочку коньяка, шоколад, ну и естественно, поесть! — коротко, по– военному сказал Сергей.

— Есть бефстроганов, эскалоп, отбивная, шницель! Что изволите?

— Ты летчик, что будешь? — спросил лейтенант Валерку.

— Я буду мясо и побольше гарнира, — ответил Краснов.

— Так, дамочка! Мой друг будет эскалоп с двойным гарниром и салат из свежих огурцов.

Официантка удалилась и через минуту возникла снова, держа в руках поднос с графином коньяка и плиткой шоколада.

— Коньячок, товарищи командиры! Армянский, пять звездочек, — сказала официантка и, улыбаясь, поставила графин на стол.

Лейтенант не церемонясь, налил лучезарный армянский напиток и, согнув в локте руку словно гусар, поднял свою рюмку:

— Ну парень, за нашу любовь! За то, чтобы у нас были надежные и верные подруги! За них! За бабс….!

Валерка также поднял свою рюмку и, чокнувшись с Сергеем, одним махом выпил.

— Ты Сергей, словно поручик Ржевский, — сказал Валерка, видя, как залихватски пьет его попутчик армянский коньяк.

— А все анекдот ы летчик, берутся из нашей жизни! Усекаешь? Наша жизнь это сплошной анекдот! Ты еще не раз убедишься в этом!

Сергей, слегка подогретый коньячком, прикурил. Пуская дым, он стал своим взглядом изучать публику. Тучные коммерсанты миловидные барышни с закрученными локонами а– ля вамп, которые торчали из-под черных шляпок, отпускники, геологи и прочий люд, составляли основу посетителей вагона– ресторана. Поезд шел в сторону Киева.

Торопиться было некуда. Брянск был уже позади и теперь до Киева литерный летел почти без остановок.

По мере выпитого коньяка становилось душно. Солнце поднялось высоко над горизонтом, а дым, врываясь в открытые окна скорого поезда, приносил с собой кислый запах сгоревшего в паровозной топке угля.

За окном все так же простирались российские просторы, и весь этот мирный антураж даже не давал намека на какое-то начало войны, которая со скоростью немецких бомбардировщиков неслась навстречу поезда.

Допив коньяк, попутчики проследовали в свое купе в слегка возбужденном состоянии. Говорили обо всем: военная тематика не сходила с их уст и иногда, казалось, простые вещи приводили их к яростному и жаркому спору.

Валерка доказывал преимущества русских истребителей над немецким «109 мессером», а разгоряченный лейтенант приводил неоспоримые доводы замены красноармейских кавалерийских эскадронов Буденного танковыми бригадами.

— Да ты пойми, летчик, танки сена не едят, да и мощь в них почти корабельная! На танках мы до самого Ла– Манша, через всю Европу, а– а– а! И по всему миру коммунизм построим! Как Сталин нам говорит….

— А я тебе, Серега, говорю, что твои танки без штурмовой авиации, хуже коней! На конях– то хоть ускакать можно, а на танках? Танк он неповоротлив и не маневрен, как истребитель. Авиация нужна мощная и хорошо вооруженная!

В Какой-то миг духота вагона сморила их затуманенное коньяком сознание, и оба, наговорившись вдоволь, уснули на своих полках.

Странный сильный толчок оторвал их с места. Поезд со скрежетом затормозил так, что все вещи, лежавшие на багажных полках, оказались внизу. Вагон словно вздыбился и все, кто находился в поезде, прилипли к стенам своих купе. Паровоз надрывно затрубил в гудок и в этот самый миг, окна вагона рассыпались тысячами мелких стекол. Горячая волна с оглушительным грохотом ударила в вагон, ломая все на своем пути и забивая пространство черной копотью сгоревшего тротила. Стальные осколки взорвавшейся авиабомбы ворвались в стенку и, намотав на себя какие–то вещи и оторванные части людей, уже через мгновение вылетали с другой стороны состава, вытягивая за собой свою кровавую добычу.

Дикий ужас и паника охватили всех пассажиров. Кто прятался под лавки, а кто, хватая свои узлы и баулы, старался выпрыгнуть в окна и двери. В проходе, всюду лежали разорванные немецкой сталью тела мертвых и раненых. Женщины, дети, мужчины и даже несколько командиров РККА в сотую долю секунды превратились в кровавое месиво.

Ударившись об стол во время падения с полки Валерку, словно контузило. Он глотал широко открытым ртом горький и противный дым сгоревшей взрывчатки и ничего не понимал. Сергей был более проворный и раздумывать не стал. Он схватив за шиворот Краснова, стараясь вытянуть парня в коридор, но толпа в мечущихся в поисках убежища людей, вновь втолкнула их обратно. В тот самый момент ни кто ничего не понимал. Многие считали, что поезд столкнулся с другим поездом и произошло крушение.

Сквозь рев толпы, стоны и крики раненых и испуганных людей, Валерка вдруг услышал довольно знакомый звук. Этот звук, словно писк подлетающего к уху комара, приближался с каждой секундой и звучал все сильнее и сильнее. Он словно штопор вкручивался в мозг все глубже и глубже, заставляя тело повиноваться только природным инстинктам, а не рассудку.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.